

Лаэль Аррингтон

Путешествие
пилигрима
с е г о д н я

Одиссея веры
по волнам современного мира

Издательская группа
«Нард»
Киев 2012

УДК 27-42
ББК 86.37
А 46

Перекладено за виданням

Lael Arrington
Pilgrim's Progress
Today

NavPress
Colorado Springs

Переклад з англійської:
Сергій Пальцун

Книга пропонує сучасну інтерпретацію, мабуть, найбільш відомого твору світової християнської класики, написаного Джоном Бун'яном ще в XVII столітті. «Подорож палігрима сьогодні» є книгою для нашого часу та про наш час. Вона відверто протистоїть лозунгам та цінностям, що їх нав'язує сучасна культура, та викриває обман у зрозумілих всім поняттях. Разом з героями Бун'яна ми бачимо речі такими, як вони є — віртуальна реальність нового тисячоліття є незадовільною заміною величезної пригоди справжнього життя, що так само, як було завжди, ґрунтується на подорожі від підніжжя Хреста до воріт Небесного Міста.

Видання російською мовою.

Лаель Аррінгтон

А 46 Путешествие пилигрима сегодня/Лаель Аррінгтон;
пер. с англ. Сергей Пальцун — К.: СПД Ефетов А.В. (Изд. группа
«Нард»), 2012. — 324 с.
ISBN 978-966-8795-07-7

УДК 27-42
ББК 86.37-43

This edition issued by contractual arrangement with NavPress, a division of The Navigators, U.S.A. Originally published by NavPress in English as PILGRIM'S PROGRESS TODAY, © 2002 by Lael Arrington. All rights reserved.

ISBN 978-966-8795-07-7 (рос.)
ISBN 1-57683-261-9 (англ.)

© Lael Arrington, 2002
© Видавнична група «Нард»,
видання рос. мовою, 2012.

Признайтесь честно. Вы избегаете «христианской классики», ибо вам кажется, что она читается тяжело и звучит несовременно. Если так, приготовьтесь прочитать книгу, которая берет нетленную классику и облачает ее в одежды современных улиц. То, как Лаэль Аррингтон пересказывает «Путешествие пилигрима», заставляет звучать старую христианскую историю, как сводку последних новостей. И, следуя за героями в динамичном развитии сюжета, вы увидите в их поисках веры ваше собственное стремление обрести Бога среди суеты и испытаний наших дней.

*Джон Трент, писатель и проповедник,
президент служения «Крепкие семьи»*

Продолжает ли «Путешествие пилигрима» Джона Буньяна по-прежнему вызывать резонанс в XXI веке? Безусловно, да. Однако Лаэль Аррингтон в своей живой, проникновенной и глубокой версии этой классической истории помогает крепче связать ее с современным миром. Присоединяйтесь к путешествию пилигримов по таким местам, как Небесный Град и Ярмарка Суеты. Дорога будет нелегкой, но по пути вас ждет много откровений.

Керби Андерсон, президент Probe Ministries

Предисловие автора к русскоязычному изданию

И вот вижу я, как человек опрометью пустился бежать в указанном направлении. Бежать ему надо было мимо своего дома. Жена и дети, увидев его убегающим, подняли громкий вопль, умоляя вернуться. Но он заткнул уши пальцами и побежал еще скорей, восклицая: «Жизнь, жизнь, вечная жизнь!» Пересекая поле, он даже не обернулся, чтобы взглянуть на них.

Джон Буньян, «Путешествие пилигрима»

Христиан отчаянно жаждет «Жизни!» Не того ли самого хотим и мы все — жить в полную силу? — Жизни, исполненной любви, смысла, цели и истины, обернутой в радость и перевязанной ленточкой смеха? Сам Бог приглашает нас в странствие: «Я создал мир и все, что в нем, чтобы вы могли искать Меня и, возможно, тянуться ко Мне и обрести Меня. Я предлагаю "Жизнь! Жизнь с избытком!"»

Давайте вместе отправимся на поиски Жизни, исполненной смысла, истины и сияющей надежды, во времена, когда с каждым днем растет тревога о мире и ожидающем его будущем.

Мы пойдем по стопам Джона Буньяна — человека, который провел более двенадцати лет в тюрьме за свою любовь к Богу и страстное увлечение Его Словом. Человека, жившего во времена притеснений — ваша страна знакома с этим гораздо ближе, чем моя собственная. Он не получил лицензию на проповедь от государства. Он был проповедником, имевшим дар от Бога, и потому настойчиво требовал подчиняться законам Божьим, а не государственным. Даже прямое предложение свободы в обмен на обещание прекратить проповедовать не смогло поколебать его убеждений. Он остался в тюрьме, оплакивая судьбу своих детей, особенно маленькой незрячей дочери Марии. Решение дорого обошлось его семье. Их одаренный кормилец вынужден был за копейки плести шнурки для обуви. Его присутствие в

жизни близких свелось к недолгим беседам в полутемных грязных помещениях.

Однако телесное заточение Буньяна привело лишь к освобождению его души и воображения, что позволило ему видеть реальность Царства Божьего, не отвлекаясь на второстепенное. Он осознал, что ложь, невежество и страсти, посягающие на свободу наших душ, куда опасней, чем решетки, лишаящие свободы наши тела. При помощи живого воображения и убедительного языка он облек наших подлинных врагов воображаемой плотью и кровью, поместил их в воображаемые времена и места, и написал историю жизни, как грандиозного приключения — путешествия Христиана от боли и отчаяния города Гибельтаун к сияющей славе Небесного Града.

Я начала писать эту книгу еще до того, как волна террора, порожденная деспотическим правлением исламских фанатиков, обрушилась на наши берега. Образ «города Гибельтаун», объятый дымом и пламенем, стал еще достоверней с тех пор — так невидимые ложь, невежество и страсти, ослепляя нас, в конечном итоге *обретают* плоть и кровь, чтобы уничтожить нас в дыму и пламени.

Современный мир, живущий по принципу «все, что угодно», гораздо опаснее, чем кажется. Подобно герою книги, мы, жители потребительского Запада, так вцепились в дар Жизни, что ленточка слетела, обертка порвалась и Жизнь, действительно исполненная значимости, каким-то образом проскользнула у нас между пальцами. Теперь, когда у вас гораздо больше возможностей следовать нашему примеру, искушение искать Жизнь в вещах, а также в погоне за властью и развлечениями может, из-за своей гораздо большей привлекательности, оказаться губительней коммунистической тирании.

Теперь мое сердце каждый год направляется на восток, туда, где мой муж, сам будучи пастором, проводит по две недели, обучая руководителей церквей на территории бывшего Советского Союза. Служитель нашей церкви вернулся после двух лет молодежного служения в Украине и пригласил нашу молодежь поехать туда на летние проекты. Мы очень рады, что путешествие Христиана теперь будет переведено на русский язык, и мой муж сможет делиться им со

своими учениками, а наш молодой пастор — со своими украинскими друзьями.

Как человек, изучавший в студенческие годы испанский язык, я могу оценить всю сложность задачи перенести эту историю в другую культурную среду. Я глубоко признательна команде издательства «Нард» за их усилия, вложенные в этот перевод.

Глядя на фотографии, сделанные мужем в поездках, и слушая его рассказы, я понимаю, что ваш культурный ландшафт выглядит иначе, чем наш. Однако вы все больше и больше разделяете нашу потерю уверенности в том, что есть истина, наше безрассудное распоряжение собственной жизнью, нашу всепоглощающую повседневную занятость и развлечения, а также наше страстное желание обрести надежду и будущее. Я вижу лица чрезвычайно отважных людей, живущих в странах канувшего в лету Советского Союза, которые по-прежнему сталкиваются с агрессией и оскорблениями за то, что ведут других к обретению Жизни во Христе. Посреди обыденности алкоголизма, разводов и культа эгоистичной меркантильности они идут к людям и призывают их к свободе и Жизни.

Пусть эта книга послужит тому, чтобы усилить этот призыв. *Вы приглашены* в путешествие, которое вырвет вас из повседневной надломленности и мелочной жизни; которое призывает жить масштабно и закончить достойно. Пусть Бог использует историю Буньяна, обернутую в мою историю, и Свое могущественное Слово, чтобы вдохновить вас.

И пусть Он расскажет нашим сердцам о том... какими людьми мы можем стать в этом путешествии, какую значительную роль мы сможем сыграть по дороге, и о трудно вообразимой славе нашего места назначения.

Лаэль Аррингтон
Хьюстон, Техас
Июль 2004 года

“Я заснул, и вот приснился мне сон:
вижу я, что человек опрометью
пустился бежать”

Весенним ясным днем Крис Адамофф сидел на террасе кафе и лениво потягивал из запотевшего стакана свой любимый «Д-р Пеппер», пока его лучший друг Сэм, прервав беседу, проверял сообщение на пейджере. Легкий ветерок поигрывал зубчатым краем зонтика, в тени которого стоял их столик. Толчея на тротуаре в пятницу после обеда становилась все более интенсивной. Из административных зданий по соседству то и дело выскальзывали люди, радуясь приближению первых, по-настоящему цветущих и звенящих пением птиц выходных в этом сезоне.

Наблюдая за Сэмом поверх края стакана, Крис видел, что выражение его лица становилось все напряженней, а взгляд — жестче, по мере того как тот пролистывал сообщение на пейджере.

Всякий раз, встречаясь с Сэмом, который руководил местным охранным агентством, Крис должен был рассчитывать, как минимум, три-четыре раза услышать писк его пейджера. Сэм протянул пейджер Крису.

«КРАБ развернута час назад, — прочел Крис. — А что такое КРАБ?»

Сэм достал кошелек и начал не спеша пересчитывать деньги: «Это означает Команда по

Расследованию вопросов Атомной Безопасности. Нажми зеленую кнопку, чтобы пролистать дальше».

Крис изучил лицо Сэма, пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на черный юмор, но ничего не заметил. Он нажал кнопку и прочитал: «Незаконный провоз через границу радиоактивных веществ». Он нажал кнопку еще раз: «Высшая степень готовности в течение ближайших семидесяти двух часов». Крис вернул пейджер другу, прятавшему кошелек в карман.

«Не беспокойся, — тон Сэма отнюдь не обнадеживал. — Знаешь, поток этого добра у нас не прекращается» — «Поток *какого* добра? Чего-то вроде "берегитесь ядерных боеголовок, валяющихся где попало"?»

Лицо Сэма немного смягчилось. «Не волнуйся, — повторил он, вставая, чтобы идти. — В любом случае мы ничего тут поделать не можем, — он сжал на прощание Крису плечо, — разве только молиться, если бы мы были из *таких*».

Крис, жалея, что Сэму пришлось уйти, глядел ему вслед, пока тот не растворился в потоке пешеходов. Он очень хотел, чтобы рядом был кто-то, с кем можно погоревать о смерти своего ложного ощущения безопасности — того, что от него осталось. Оглянувшись, Крис пристально посмотрел в сторону находящейся в двадцати километрах Футхилской АЭС и впервые в жизни задумался, что бы он делал, увидев в небе грибовидное облако. *Быть может*, он побежал бы за угол в церковь Св. Марка и попробовал помолиться.

Крис тяжело вздохнул, положил свои деньги поверх Сэмовых и резко задвинул стул. «*Брось. Самое время добить парочку оставшихся дел и насладиться выходными. Осуществи свою мечту. Противостань всем врагам и тревогам полным свободы уикендом. Заполни время природой, скалами и безумными гонками на вездеходе*». Он взял стакан и сделал последний глоток.

Взрыв ударил по окнам так, что Крис пролил себе на колени «Д-р Пеппер». У него екнуло в желудке. Страх и адреналин засквозили из каждого сантиметра его тела. Когда это случалась раньше, он замирал, чтобы сориентироваться и определить, есть ли дым и где, а затем быстро уходил в противоположном направлении. Однако сегодня голова пошла кругом, стакан задрезжал на столе, а он, вцепившись в

стул, на пару секунд устремил взгляд вверх, поверх домов, туда, где блестел на солнце шпиль церкви Св. Марка.

Наконец Крис собрался духом и огляделся кругом. Посредине следующего квартала, где располагалась его маркетинговая компания, вздымалось не слишком пугающее облако дыма. Вместо облегчения на него накатила новая, более сильная волна страха, и, вскочив, он помчался в сторону дыма. На углу он столкнулся с возбужденной толпой, бегущей от места взрыва. «*Как такое может случиться дважды за одну неделю?*» В понедельник учащийся нордсайдской школы застрелил семерых одноклассников. А теперь вот *это*.

Добежав до середины квартала, Крис увидел, что дымится не его офис, а расположенный по соседству банк. Тротуар был устлан кашляющими от дыма и пыли перепуганными банковскими служащими и пешеходами. За ними он разглядел огромную воронку. Судя по пылающим остаткам автомобиля, можно было предположить, что еще один террорист использовал начиненную взрывчаткой машину, чтобы превратить свою жизнь в восклицательный знак после какого-то невразумительного политического или религиозного заявления.

Фасад банка обрушился в воронку, и прохожие уже вытаскивали людей из-под завала. Крис бросился к руинам возле небольшой горячей кучи, увидев, как молодая женщина пыталась выбраться из-под обломков. Он всем телом налег на металлическую балку и сдвинул ее, освобождая женщину. Потом отвел ее в сторону от воронки, туда, где оказывали первую помощь пострадавшим.

Крис слышал вой сирен и шум лопастей вертолета над головой. У него не было времени — или возможности — размышлять о происходящем. Он помчался назад к развалинам. Какой-то мужчина пытался вытащить подростка из-под переплетения обломков металла и камня. Мальчик кричал от того, что ему зажало ногу. Крис подбежал к ним и, лихорадочно работая всем телом, расширил отверстие до такой степени, чтобы мужчина мог вытащить ногу мальчика. Когда парнишку уносили, он в ужасе кричал: «Где Джейсон?! Он шел рядом со мной...»

До боли в глазах взглядевшись в дымящуюся грудку обломков, Крис увидел смутные очертания чьих-то торчащих руки

и ноги. Подергав в разные стороны, он наконец обнаружил направление, в котором обломки вроде бы начали поддаваться. Крис отбросил несколько горячих стальных прутьев и приоткрыл истекающее кровью тело. Он оглянулся по сторонам в поисках помощи, но все остальные и без того были загружены до предела.

Он успел заметить, что это был рыжеволосый парнишка. Где-то внутри Криса словно щелкнул переключатель. Он как одержимый бросился на груды обломков, вырывая из нее погнутые прутья арматуры, куски потолочного перекрытия и теплоизоляционных плит, пока не освободил парня так, чтобы его можно было бережно оттащить в сторону. Его мертвенно-бледное лицо перевернуло Крису внутренности. Подняв мальчишку, он взвалил его на плечо, как это делают пожарные, и направился к другим раненым, лежащим на тротуаре.

«Держись! Ты справишься...» К нему подбежал врач скорой помощи, только что прибывший на место происшествия. Вместе они опустили парня на землю. Когда Крис внимательно взгляделся в пепельно-серое лицо парня, его надежда сникла. Пока медик прощупывал пульс, Крис озирался по сторонам, рассматривая других раненых. Некоторые лежали тихо, другие кричали и корчились от ожогов, но даже у самых тяжелых на щеках играл слабый румянец.

Врач поднял глаза, покачал головой и направился к другой жертве. Крис смотрел сверху вниз на веснушчатого рыжего парня и отчаянно пытался гнать прочь ассоциации со своим братом и другим трагическим днем. В самой глубине его сердца дым пробивался из трещин вокруг двери, которой он захлопнул болезненные воспоминания, грозившие вот-вот взорваться. Единственное, что пришло ему на ум, это убежать.

Крис обошел воронку и вбежал в вестибюль своего здания. Перед лифтами он остановился, неистово тыкая пальцем кнопку. По дороге в своей кабинет старшего менеджера, расположенный на шестом этаже, Крис не покидали мысли: *«Террорист-самоубийца, этот парень из Нордсайда, — как можно, особенно такому молодому парню, быть настолько переполненным ненавистью и нести столько разрушений?»* Ему нужно было поговорить об этом с Мэг. При любом кризисе он не мог не думать, как сильно продолжает любить ее. Однако Мэг больше не было в его жизни. Она вернула ему кольцо, ра-

зорвав помолвку. Черная дыра, оставленная ею, соединилась с сегодняшней трагедией и открыла зияющую бездну у него в животе. Не его ли собственный гнев разрушил их мечты?

Проходя мимо конференц-зала, Крис мельком взглянул на группу сотрудников перед телевизором, по которому шла прямая трансляция с воздуха о происходящем на улице. Другие выглядывали в разбитые окна. При его приближении менеджеры, собравшиеся возле охладителя для воды, прервали приглушенный разговор и молча уставились на Криса.

Он прошел мимо своего административного помощника Шерри прямо в кабинет. В поисках кроссовок Крис вытащил спортивную сумку из-под полки с призами. Затем на минуту остановился и окинул взглядом кабинет — единственный видимый плод его трудов. Отмеченные наградами рекламные макеты в блестящих рамках висели вперемежку с фотографиями благодарных клиентов, правивших этим уголком мира. Правый верхний ящик письменного стола был слегка перекошен, упрямо не закрываясь до конца. Ему никогда не удавалось заставить техслужбу починить его.

Он вышел из кабинета и сказал Шерри: «Пожалуйста, отмените мои встречи. Все отмените».

В гараже он нашел свою машину и, выехав на улицу, свернул в сторону шоссе. По радио мэр пытался убедить жителей сохранять спокойствие и поменьше ходить по улицам, чтобы аварийная техника могла выполнять свою работу. Слушатели осаждали звонками радиостанции, выражая свое возмущение смертниками на машинах, подростками-террористами, мэром, охраной границ, разрешением на оружие, школьным советом, охраной студгородка Нордсайдского колледжа — перечень можно продолжить.

Войдя в дом, Крис направился напрямик в спальню, сбрасывая по дороге одежду. Он надел тренировочный костюм, вытащил из спортивной сумки теннисные туфли и достал из шкафа рюкзак. Заполнив его необходимыми припасами из гардероба, ванной и буфета, Крис направился к двери. Затем остановился. Он взглянул на ключи от машины, которые держал в руке, и, на миг задумавшись, бросил их на кухонный стол.

Крис захлопнул за собой дверь и побежал. Он не успел еще отбежать далеко, когда в рюкзаке требовательно зазвонил мобильный телефон. Одновременно запищал пейджер.

Несмотря на возмущение дребезжащих устройств, Крис широко размахнулся и забросил их как можно дальше на заросший сорняками пустырь. «Жизнь! — кричал он, — Жизнь!»

Несколько часов спустя, Крис лежал полностью одетый в номере мотеля. Вытянувшись на кровати и заложив руки за голову, он смотрел в окно на неоновую вывеску, мерцающую на фоне чернильно-черного неба. Он физически ощущал зло, которое отмечало необыкновенно удачную неделю, танцую во тьме в пульсирующем ритме вывески. Нижняя буква подмигивала прямо в окно. По... По... *«Почему? Почему он бежит? Чтобы убежать от насилия?»* Крис знал, что больше всего его пугает подозрение, будто насилие уже овладело им и убежать от него невозможно. В голове, словно на видеоленте, прокручивалось все, о чем он больше всего сожалел. В самых отвратительных сценах он видел себя жутко кричащим на Мэг и выталкивающим ее из комнаты. В одной из сцен на ее горле даже остались синяки от его пальцев. Почему он впадал в такую ярость?

В видеомэгнитофон своей памяти Крис поставил ленту с более приятными эпизодами: романтические успехи у нескольких жизнерадостных и смешливых брюнеток (и одной блондинки); костер и шашлыки на берегу; верховая езда по горам; романтические ужины на полу при свечах. Он прошелся также по своей общественной жизни — вереница дел, выглядевших интересно и многообещающе. Однако женщины и работа, столь восхищавшие поначалу, постепенно становились скучными и неинтересными, фактически невыносимыми. *«Почему вспышки веселья и счастья в моей жизни всегда приводят к разочарованию и одиночеству?»*

Крис не ощущал уже былых взлетов и падений. Жизнь казалась плоской и мелкой, словно он всегда катился по ровной поверхности. В последние годы опустошающее чувство тоски стало одной из причин того, что он начал самопроизвольно подниматься и как бы летать в пространстве. Он обнаружил, что и сейчас парит в доброй четверти метра над матрасом.

Люди никогда не имели привычки парить над землей. Сообщения о первых случаях были просто поразительными — парила вся аудитория дневных ток-шоу, толпы аплодирующих фанатов на футбольных матчах и даже конференция каких-то типов академической наружности, изучавших художественные достоинства порнографических фильмов. В конечном итоге это стало обычным повсюду — от политических съездов до церквей. Люди просто парили на высоте от четверти до полуметра над своими стульями. Этакая разновидность «естественного кайфа», которому предавались большие группы людей, развлекаясь, ходя по магазинам, посещая вечеринки и другие места, где с большой вероятностью могли быть воздушные шары и флаги.

Чем больше Крис размышлял над разными «почему?» в своей жизни, тем выше он парил. Он ненавидел Великие Вопросы, поскольку не знал ответов: *«Почему мы здесь? Я не знаю. Давай лучше сходим прошвырнуться по магазинам»*. Он знал, что эти вопросы без ответов также имели отношение к парению. Индивидуальное парение, в отличие от группового, обычно связывали с меланхолией и депрессией. Он даже слышал о людях, совершивших самоубийство, проведя в воздухе слишком много времени.

“ Мы можем трудиться без усталости,
быть неразборчивыми в средствах
и строить планы на будущее, а
затем однажды «порочное обаяние
мирской жизни» пойдёт прахом ”

В раздражении Крис потянулся за пультом дистанционного управления и включил телевизор, пытаясь отвлечься чем-нибудь, имеющим существенное значение и вес, что могло бы вернуть его обратно на кровать. Он презирал парение — как групповое, так и одиночное.

Крис переключал каналы, но большинство передач только заставляли его подниматься еще выше. Он уже хотел переключиться с заполненного людьми стадиона, когда понял, что люди там наблюдают не за игрой. Эта толпа, за редкими исключениями, прочно сидела на своих местах. Ка-

мера переключилась на возвышение, где Криса привлекли пронзительный взгляд ясно-голубых глаз, массивная нижняя челюсть и сильный южный акцент Евангелиста.

— Мы склонны жить так, словно короткая история нашей жизни — это все. Мы полагаем, что все в нашей власти, и можем строить планы на будущее.

Камера медленно отъехала от лица Евангелиста, показывая сцену, заполненную цветами и представителями городских властей. Отъезжая дальше, она показала семь белых гробов, стоящих в ряд на футбольном поле, как раз под импровизированной сценой.

— И тогда наступает день, подобный понедельнику. Где вы были, когда услышали о стрельбе в вашей школе? А о сегодняшнем взрыве бомбы? Я говорил с родителями, которые были на работе. С матерями, бывшими в магазине, когда зазвонили их мобильные телефоны. Одна мама рассказала, что пришла домой, проведя утро в фитнес-клубе, и услышала на автоответчике сообщение: «Миссис Смит, я просто хочу, чтобы вы знали, что Хэзер находится в отделении скорой помощи. Если что-нибудь случится... она хочет, чтобы вы знали, что очень сильно любит вас и папу».

А теперь позвольте спросить, многие ли из вас чувствовали, что все в их власти в такие моменты? Мы можем трудиться без усталости, быть неразборчивыми в средствах и строить планы на будущее, а затем однажды «порочное обаяние мирской жизни» пойдет прахом. Мы видим вещи такими, как они есть.

Мы осознаем, что жизнь, какой мы ее знаем, скреплена общими идеями, взглядами и ценностями, которые утрачивают свое влияние на нас. И недоумеваем, почему. Отношения, которые мы полагали вечными, исчезают, как и иллюзия того, что все в нашей власти. До нас дотронулись — даже ударили — без разрешения. А короткая история нашей жизни, которую мы писали? Некий безымянный режиссер пригласил нового сценариста, заполнившего сцену действием и насилием, однако на самом деле это не возбуждает и не развлекает. Он оставляет уцелевших израненными и кровоточащими *изнутри*.

Крис пристально глядел на экран, пораженный, что Евангелисту, как оказалось, было что ему сказать.

— Это приводит нас к Богу, поскольку только Бог может утешить нас, когда нам так больно. Лишь Бог — наша Твердыня, когда мы настолько теряем контроль над окружающим. Все мы страстно желаем глубины и реальной ценности собственной жизни, близости, которая никогда не обманет ожиданий и не разочарует, связи с чем-то, имеющим значение за пределами наших собственных коротких историй. Лишь Бог может дать это. Поиски Жизни в любом другом направлении уподобляют нас пустой бутылке, плавающей в заполненной водой канаве.

Слушая Евангелиста, Крис начал потихоньку опускаться; он по-прежнему парил, но уже не так высоко.

— Мы нуждаемся в Боге. Если вы, собравшиеся здесь сегодня, парите и думаете: «Где мне найти истинную Жизнь?», или «Как мне найти Бога?», позвольте мне сказать вам: Вы видите Тесные врата? Даже если вы не видите их, но видите слепящий свет на горизонте, идите прямо туда. В конце концов, вы *увидите* врата, и когда постучите, они отворятся перед вами. И возьмите с собой Божью Историю и читайте ее.

“ Крис, все дороги ведут к свету.
Иисус не Путь, он лишь один из вариантов. Он не Истина, а только точка зрения, и уж конечно же не Жизнь, а лишь стиль жизни. ”

Вновь ощутив себя прочно на кровати, Крис отложил пульт. Он сел и увидел рядом на тумбочке Библию. Рука его замерла в нерешительности, однако он взял Библию и начал читать. Затем закрыл ее, и его объяли сомнения. Он чувствовал, что ноги оторвались от пола и он парит в десятке сантиметров над кроватью. Крис вновь открыл Библию и стал читать. И вновь прочно уселся на место: «О Боже...»

Повинуясь внезапному порыву, Крис запихнул Библию в рюкзак и бросился наружу, к свету.

На следующий день в небольшом супермаркете Крис обзавелся Библией на компакт-диске, а также своим любимым «Д-ром Пеппером». Он решил прослушать всю Библию на плеере по пути через равнину к Тесным вратам.

В очереди к кассе Крис стоял за парнем с напомаженными волосами, в мягкой свободной рубашке и темных очках, просто излучавшим доброжелательность и обаяние. Человек указал на заголовки газет, кричащие о взрыве банка: «Не правда ли, ужасно?»

— Все тут словно сошли с ума, — сказал Крис. — Я вчера вечером слушал по телевизору речь Евангелиста на поминальной службе по жертвам стрельбы в школе...

— Стрельба, да-да, мы тоже слышали об этом, — лицо мужчины приняло озабоченное выражение, и он протянул руку. — Меня зовут Уолдли Вайсман*.

— А меня — Крис.

У человека было профессиональное рукопожатие менеджера по связям с общественностью.

— Да-да, я как раз собирался поговорить с семьями и предложить им рассказать свои истории. Я кинопродюсер. И что же сказал Евангелист?

— Он сказал кое-что, поразившее меня, — они вышли на улицу и остановились возле блестящего черного кабриолета Мудреца. — Он сказал, что если я хочу найти истинную Жизнь, то эта... — Крис показал на дорогу под ногами, — эта дорога ведет к Тесным вратам, которые есть *Путь* к обретению Бога.

— О, вот как, — озабоченность Вайсмана, похоже, сбавила обороты. — Я не решался сказать этого, но... — тут он сделал паузу, очевидно колеблясь, следует ли делиться такой деликатной информацией. — На свете нет более опасного пути, чем тот, который он вам указал. Мне трудно даже *начать* рассказывать вам все истории, что я слышал о скорбях и боли, которые несет то, что вы называете «Путем». Он чрезвычайно узок и не допускает отклонений. А уж компания... — Вайсман покачал головой и понизил голос, — там столько экстреми-

*От англ. *Worldly Wiseman* – Мирской Мудрец. Здесь и далее, имена героев и названия мест, как и в классике Джона Буньяна, являются «говорящими». — Прим. ред.

стов, что, в определенном смысле, это даже неплохо — по крайней мере, он держит их всех подальше от лучших дорог.

— Есть *лучшие* дороги к свету, чем ведущая через Тесные врата?

— Крис, *все* дороги ведут к свету. Иисус не *Путь*, он лишь один из *вариантов*. Он не *Истина*, а только точка зрения, и уж конечно же не *Жизнь*, а лишь стиль жизни. Как иначе мы можем реагировать на все эти притязания на истинность, на все окружающие нас уникальные религии и культуры? Хочешь ли ты присоединиться к нетерпимым фанатикам, утверждающим, что их узкого взгляда на истину должны придерживаться все?

Нетерпимый. Фанатик. Эти ярлыки, которыми Крис всегда так беззаботно бросался, внезапно уязвили его. Он слегка смутился и сделал вид, что поправляет лямки рюкзака.

— Справедливо ли, когда одна небольшая группа пичкает своим пониманием морали и «греха» всех детей Божьих? — голос Уолдди стал резким. — Давая истине различные определения, мы просто смотрим на разные грани одного бриллианта. И если мы искренне стремимся к свету, то придем к одному и тому же.

Крис почесал обросший щетиной подбородок и почувствовал, что верит этому смуглому лицу и его «широким» взглядам: «Наверно, я принимаю все *слишком близко к сердцу*. Это была ужасная неделя».

— Так вы говорите, есть другой путь?

— Конечно. Почему бы тебе не пойти по этой прекрасной широкой дороге в Холмы Внутреннего света? События этой недели взволновали всех. Но то, в чем нуждаешься ты, — это терпимость. Терпимость и открытость для всех путей к Богу. А не опасности «Пути».

Внимательно взглянув на две дороги, ведущие к холмам, Крис заколебался:

— Как я узнаю, какая из них лучше?

Уолдди Вайсман наклонился к нему и понизил голос:

— Секрет прост: «*Следуй своему сердцу*». Да-да, в самом деле! — он поднял руку, как бы принося присягу.

Избранная Крисом дорога отлого спускалась и вскоре, свернув, пошла вдоль ласково журчащего ручья. Вокруг в поисках послеполуденного нектара порхали бабочки, создавая

приятный контраст с раскаленной скучной равниной. Большие участки аккуратно подстриженной травы, перемежающиеся клумбами, посаженными цветами и кустами, превращали этот путь в настоящую прогулку по парку с одной непривычной особенностью: примерно через каждый километр большие рекламные щиты позволяли путешественникам ознакомиться с мудростью знаменитых изречений.

Первое было из Конфуция: *«Муж в высшей степени добродетельный, наверняка будет приглашен на небеса»*.

Вскоре дорога пересеклась с другой. Крис, мгновенно поколебавшись, закрыл глаза. Он пришел к заключению, что его влечет новая дорога — новое приключение, которое может стать еще более заманчивым!

Постепенно прогулка по парку сменилась путешествием среди благоухающих сеном лугов, разделенных полосами негромко шелестящих дубов. Справа оказался большой щит со словами: *«Верхом нетерпимости было бы верить, что вы будете оправданы в намерении обратить других в свою веру. — Ганди»*.

Небо стало еще более голубым, а ветерок казался свежее. Крис даже побежал быстрее. В скором времени он достиг еще одной развилки дороги. Целых три минуты простоял на перекрестке, пытаясь ощутить, какая из дорог лучше. *«Эта новая дорога выглядит чуть более качественной...а может, ее просто чуть лучше содержат»*. Его сердце, похоже, немного могло сказать по этому вопросу.

Он свернул на новую дорогу. Поднявшийся ветерок собрал облачка в ряды зефирных человечков, марширующих к югу. По крайней мере, Крис думал, что это юг. При таком количестве облаков было трудно сказать это наверняка.

Еще одна развилка. Левая дорога ведет к довольно крутым холмам. Правая показалась более пологой, но когда он пробежал по ней около километра, она тоже привела в места с крутым рельефом. Крис остановился и решил вернуться обратно к своей первоначальной дороге. *«Когда я поднимаясь на холмы, то мне кажется, что это грубая дорога. Наверно, мне не стоит всякий раз сворачивать на новую»*.

Скорость его движения замедлилась, поскольку он останавливался на каждом перекрестке, пытаясь догадаться, каким путем идти далее. Там было много различных путей.

Выбор широк. Помогало, если в облаках образовывался разрыв, и одна дорога казалась более залитой солнцем, чем другая. А один раз, когда он размышлял на перекрестке, прилетела маленькая птичка и села на новую дорогу, облегчив ему выбор.

По мере углубления в холмы дыхание Криса становилось тяжелее, а икры ног начали болеть от хождения по склонам. Несмотря на физическую нагрузку, он должен был застегнуть свою куртку из-за ветра, который качал березы и спрессовал зефирных человечков в толстое, покрывшее все небо одеяло.

Какую бы дорогу он ни выбирал, со щитов его продолжали подбадривать мудрые изречения: «*Сердце хочет того, чего оно хочет.* — *Вуди Аллен*».

Ободренный, Крис продолжал бежать трусцой. Постепенно холмы становились все более скалистыми. Деревья теснились все ближе друг к другу, пока не слились в мрачный лес. По мере того, как он пересекал дорогу за дорогой, солнечный свет уступал место мрачным сумеркам. Некоторые из дорог он выбирал, некоторые оставлял без внимания, и его дурные предчувствия росли.

Без какого-либо дружеского совета, без ориентиров, по которым он мог бы судить о своем продвижении, Крис ощущал себя совершенно подавленным необходимостью постоянно выбирать дорогу. Оглядываясь кругом, он больше не видел света — лишь серые сумерки, куда ни глянь. Отвлечшись, он споткнулся, но не упал, а взвился в воздух и поплыл над дорогой на высоте добрых пяти метров.

Внезапно лес расступился, склон холма пошел вниз, и дорога под Крисом побежала по гребню огромной дамбы. Инерция вынесла его вперед через дамбу и чувство разочарования мгновенно переросло в ужас, когда он осознал, что, чуть отклонившись вправо или влево, он окажется в трясине с одной стороны, или в глубоком каменистом ущелье с другой. Дело было в ветре. Дорога через дамбу в четырех метрах под Крисом отклонялась влево. Ветер же, целый день гонявший облака, сдувал его в сторону трясины.

«*О Боже!*» — подумал Крис, и понял, что имел в виду действительно *Его*, даже больше, чем в комнате мотеля.

глава 2

постепенно движение Криса замедлилось, и он начал снижаться. Энергичными плавательными движениями он развернул свое тело, вытянув все его сто восемьдесят восемь сантиметров назад в сторону дороги. Но ветром его сносило в сторону от дамбы.

В голове у Криса застучало так громко, что даже заглушило шум ветра. Он опускался к резервуару, полному склизкой грязи, а дым, как на нефтеперегонном заводе, вызвал острую боль в легких. Маленькие островки ржавых бочек и ядовитых отходов вздымались повсюду над трясинной, окруженной выцветшими табличками с изображением черепа и костей. «Осторожно: Топь Уныния», — гласила самая большая из них. Движение Криса продолжало замедляться, пока он не коснулся трясины, погружившись в нее по щиколотку, но не глубже. Он зажал нос и рот руками, однако зловонная химия, казалось, заполонила все тело. Рот наполнился резким металлическим привкусом.

Крис стоял в холодном поту, не в состоянии оторвать взгляд от окружавших его отбросов и маслянистой жижи. Постепенно стук в голове успокоился настолько, что уступил место мыслям о том, как отсюда выбраться. Справа от

него высилась отвесная десятиметровая дамба, по которой проходила дорога. Окружавшие яму двадцатиметровые откосы представлялись несколько более пологими, однако были покрыты липкой грязью, которая постоянно переливалась через их край и медленно стекала в топь. По холмам прокатился негромкий раскат грома.

Крис пробирался по засасывающей топи, направляясь туда, где скользкий склон выглядел наименее крутым. Теплая, токсичная, вязкая маслянистая грязь была повсюду пронизана петлями видеолент и киноплёнок. Через каждые несколько метров ему приходилось освобождать от них ноги. Пробиваясь через целые вагоны компакт-дисков с предостерегающими родителей наклейками и вульгарных романов, он, наконец, добрался до стенки ямы. Однако найти зацепку для рук было так же трудно, как опору для ног и все кончилось тем, что он весь вымазался тошнотворной грязью. Окинув взглядом стены ямы от одного края дамбы до другого, Крис увидел, что вся их поверхность покрыта мерзкой слизью. Предприняв еще пару попыток найти за что зацепиться, он сдался и сосредоточил свои усилия на поисках в грязи чего-нибудь, что могло бы помочь ему зацепиться за стенку.

Крис наткнулся на груды судебных дел: Джонс против Джонса, Хайет против Хайета, Эскобар против Эскобара, на множество открытых ржавых бочек, наполненных заявлениями о разводе. Окружающая грязь изобиловала свадебными фотографиями в поломанных рамках с разбитыми стеклами. Авиабилетами со специальными инструкциями для детей, путешествующих в одиночку. Пачками фотографий пропавших детей со щербатыми улыбками. Рекламными брошюрками приютов для подвергающихся насилию женщин. Испуганные глаза тарачились на него с исцарапанных лиц на обложках. Он погрузился в грязь немного глубже.

Крис направился к дальнему концу ямы, где стены показались ему чуть пониже. Повсюду попадались атрибуты приема наркотиков, и он боялся, как бы не напороться на какую-нибудь грязную иглу. Некоторые из похабных видеокассет и компакт-дисков, среди которых он с трудом пробирался, были представлены и в его домашней коллекции. Чем больше Крис осознал это, тем глубже погрязался.

Бредя по колено в ворохе карт таро, курильниц и священных камней, Крис с трудом пробирался через горы товаров с наклеенными изображениями знаков Льва и Девы, бестселлеров о «богине в тебе» и «будь хозяином самому себе», чакрах и прошлых жизнях.

За ними из груды ржавых канистр из-под бензина и белых балахонов с капюшонами с дырками для глаз торчал обуглившийся крест. Над головой сверкнула корявая молния, ударил гром.

На дальнем конце резервуара Крис едва не попал под град порнографических видеокассет и розовых атласных кроличьих ушек. Взглянув вверх, он увидел конец толстой трубы, выступающий над краем ямы.

“ Бог – лучший защитник твоих
главных интересов в вечности, чем
даже твое собственное сердце ”

Он прохлюпал туда, где была видна боковая поверхность трубы, и прочитал написанные большими печатными буквами слова: «Не судите». Ниже было выведено от руки: «Даешь терпимость!» Конец трубы задрожал. Сотни каталогов учебных курсов с грохотом посыпались в резервуар, за ними, словно конфетти, полетели вымпелы престижных университетов. Все это хлынуло вниз и смешалось с отбросами. Крис поднял один каталог и пробежал названия предлагаемых курсов: «Кафедра изучения геев и лесбиянок – Особые вопросы внешних проявлений», «Колдовство и магия». И в другом каталоге: «Отталкивающее поведение: проблемы сексуальной свободы (лекции сопровождаются демонстрацией слайдов)».

То ли от зловония, то ли от чувства вины Криса буквально выворачивало. Обернувшись назад к дамбе, он смог увидеть большую часть склона расположенного позади нее холма и установленный там большой щит. При виде знакомого лица он несколько воспрянул духом. Преодолевая изнеможение и кучи глянцевого бульварной прессы, Крис пробрался достаточно близко, чтобы прочитать надпись на щите. Это был Евангелист! Огонь в его сердце, надежда в

глазах! Щит этого благородного старика выделялся цитатой, весьма отличающейся от всех прочих: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

— О Евангелист, — прошептал Крис, — я был столь безрассуден, что отвернулся от Истины.

— Да, Крис, именно безрассуден, — Фигура Евангелиста, как на телеэкране, опустила руки, мягко кивнула, и действительно взглянула на него. — Почему ты свернул с дороги к свету?

“ Величайшая любовь учит не любить себя, но любить других так сильно, что ты откажешься от своих собственных планов, своих прав, своих потребностей, даже от своей жизни ”

Изнеможение и страдания Криса практически свели на нет потрясение от того, что он разговаривает с рекламным щитом. Крис опустил голову:

— Я встретил человека по имени Уолдди Вайсман. Он убедил меня, что этот путь будет легче. Что, если я просто буду слушаться своего сердца, оно укажет мне, куда идти.

Сперва Евангелист не сказал ничего. Потом мягко произнес:

— Твое сердце, как ты убедился, не достойно доверия. Может показаться, что, если следуешь своему сердцу, ты, так или иначе, более искренен по отношению к себе. Но Крис, Бог — лучший защитник твоих главных интересов в вечности, чем даже твое собственное сердце.

Крис с горечью проглотил упрек Евангелиста.

— Оглянись вокруг, — продолжал тот. — Наши сердца источают грязь и отбросы. Их потоки стекают воедино и собираются в этом месте. Вот почему оно называется Топью Уныния.

— Это... — Крис замолчал, подыскивая нужные слова. — Это невыразимо ужасно.

Евангелист вновь сделал паузу, пока Крис переносил свой вес с одной хлюпающей туфли на другую.

— Крис, этот мудрец мира сего Уолдли хотел, чтобы крест казался тебе полным ненависти и нетерпения. Но крест — это самый убедительный знак Божьей любви к нам. Величайшая любовь учит не любить себя, но любить других так сильно, что ты откажешься от своих собственных планов, своих прав, своих потребностей, даже от своей жизни, чтобы служить другим, спасать их от гибели, как сделал Иисус. Лучше руководствоваться своею совестью, а совесть подчинить Истине Божьей.

— Он сказал, что я нуждаюсь в терпимости. — Крис бросил взгляд на свалку позади себя.

— Ты должен указать ему лучший путь, — сказал Евангелист. — Вот взгляни на это:

Терпимость говорит: «Ты должен одобрять то, что я делаю».
 Любовь отвечает: «Я пойду дальше.
 Я буду любить тебя даже тогда,
 когда твое поведение оскорбляет меня».

Терпимость говорит: «Ты должен позволять мне идти своим путем».
 Любовь отвечает: «Я сделаю больше.
 Я буду умолять тебя следовать Божьим Путем,
 поскольку убеждена,
 что ради тебя стоит рисковать».

Терпимость говорит: «Ты должен соглашаться со мной».
 Любовь отвечает: «Я пойду дальше. Я расскажу тебе Истину, поскольку убеждена,
 что Истина сделает тебя свободным».

Крис пристально взгляделся в первоначальную цитату, вновь появившуюся на щите Евангелиста. Возражения против единственного Пути к Истине не утихают просто так.

— Евангелист, я хочу «Истины, которая сделает меня свободным». Но... что есть Истина?

— Сможешь ли ты принять Истину? — голос Евангелиста эхом разнесся по ущелью.

— Пожалуйста, скажи мне!

— Лучше, — сказал Евангелист, — я покажу. Начнем же Повествование!

Величественно зазвучали фанфары. Фигура Евангелиста постепенно исчезла и Криса омыл трехмерный океан волнообразно движущихся изображений, намного превосходящих по своему размаху те, что создают лучшие мастера спецэффектов.

— То, что ты сейчас увидишь, это Истина — отблеск сердца и славы Божьих. Это величественная история Божья — История Царства.

Ленты радуг пульсировали и танцевали сквозь вековую мглу, движимые космическими ветрами в такт самой прекрасной музыке, когда-либо слышанной Крисом, исполняемой сотнями голосов и колоссальным оркестром с органом, литаврами и кимвалами. Ленты сплелись вместе, образовав своды храма. Сквозь сияние радуг Крис улавливал отблески гигантских колонн, замысловатых карнизов. За огненным алтарем возвышался гигантский престол, на котором, похоже, сидела фигура; но все так сверкало, что он не мог описать точно. Возможно, это был просто огонь, поднимающийся от пояса вверх и опускающийся вниз; золотая лента обвивалась вокруг груди, а пылающие глаза нестерпимо сверкали. Точно ли он слышал голоса, или это был гром или шум бегущей воды? Нет, определенно голоса, поскольку он также слышал смех.

— Это Троица в вечном прошлом — любовь и общение столь глубокие, что переполняются в радости и величии своем, — пророкотал голос Евангелиста. — Фактически, изливающиеся через край любовь и радость привели к созданию ангельских существ.

Внезапно воздух наполнился кружащимися в вихре глазами и драгоценными камнями. Бог говорил, и глаза постепенно отделялись от камней, образуя четыре вращающихся столба. Столбы уплотнились и превратились в необычных шестикрылых созданий со множеством очей, даже под крыльями. Они имели лица человека и быка, льва и орла, и стояли на прямых могучих ногах, оканчивавшихся копытами тельца из отполированной до блеска бронзы. Бриллианты, рубины, сапфиры и изумруды слились, образовав создания, подобные человеку, но неизмеримо более могущественные,

блистающие в свете радуг, с головы до ног и до кончиков крыльев покрытые драгоценными камнями, вставленными в золотые оправы. Однако они летали легко и изящно.

Из-под перста Божьего возникали шеренги за шеренгами, легионы, огромные множества светящихся фигур, выстроенных в боевом порядке, и исчезали в небесной дымке.

— Это ангелы?

— Да, четыре создания, исполненных очей, стоят на страже перед престолом Божьим. Шеренги и подразделения сформированы из вестников, хранителей, истребителей...

— А те, которые покрыты драгоценными камнями?

— Это херувимы стражи Божьей. Впечатляют, не так ли?

— Они изумительны! Особенно тот, в конце.

— Да, — сказал Евангелист. — Его имя... Люцифер.

При упоминании этого имени музыка зазвучала глубокими раскатистыми басами и угрожающе. Ангельское воинство возгласило: «И ПРОИЗОШЛА НА НЕБЕ ВОЙНА!» Легионы, стоявшие в боевом порядке, теперь разделились и атаковали друг друга. Крис сжался от страха, когда прекрасные создания с глазами, ставшими холодными и беспощадными, метали молнии и огненные снаряды в своих бывших товарищей. Армии верных Богу ангелов выпустили ответный град огня.

Люцифер кружился над своими войсками, руководя ими, и в его глазах сверкал неистовый блеск гордыни.

— Бог дал ему так много — красоту, могущество, ум — но он возжелал престола, — сказал Евангелист. — В конце концов, Бог изгнал изменника.

Мчась вниз, в преисподнюю, великолепное, украшенное драгоценными камнями создание, изгнанное из своего небесного дома, постепенно превращалось в ужасного красного дракона. Треть небесного воинства опускалась с ним. Замедлялся вихрь изображений, громовые литавры и перебивающие друг друга голоса стихали, переходя к более медленной, минорной, печальной теме.

— Знаешь, это разбило Богу сердце, — сказал Евангелист. — Сатана столько разрушил...

Экран начала заполнять новая волна изображений. Новое начало! И стал свет! Квазары! Сверхновые! Галактики, подобные зеленоватым глыбам льда! Растущие розовые облака туманностей! Астрономические события неопишущей красоты — Вселенная взорвалась во всей своей славе. Утренние звезды пели вместе, и все воинство небесное восклицало от радости.

Прекрасные Плеяды, сети Ориона, Медведица, ведущая своих медвежат, затем мерцающая зелено-голубая красота Земли. Наша планета со своими розовыми рассветами и багровыми сумерками; ее величественные горы, неугомонные моря и орошаемый великой голубой рекой, обрамленной невиданными деревьями и цветами, Эдем! В этом саду Бог простертой рукой и дуновением Своего дыхания заронил искру жизни в безжизненную фигуру Адама.

Крис пристально смотрел вверх со дна ядовитой ямы. На что это похоже — быть окруженным такой красотой? Ежедневно прогуливаться с Царем Вселенной?

— Однажды, — похоже, темп повествования Евангелиста изменился, — когда возлюбленные Царя прогуливались в своем саду-царстве, главный враг очаровал их сердца.

На щите застыл в тишине моментальный снимок: сатана говорит с Евой. Еще один: Ева рассматривает запретный плод. Еще один: Адам стоит рядом, давая своим бездействием молчаливое согласие.

Крис крепко зажмурил глаза и затаил дыхание: «Не делайте этого... Не надо!» Но они сделали — они усомнились в сердце Божьем. Они жаждали контроля и власти в своей жизни, и блеск гордыни мерцал в их глазах.

— Враг соблазнил возлюбленных Царя, — сказал Евангелист, — и сделал их узниками. Последствия были ужасными — проклятие Адама, Евы и всего творения. Однако Бог дал им обетование — потомка, который, в конце концов, сокрушит Врага. Трубы, органы и литавры вступили для исполнения темы Спасителя.

— Бог призвал народ, который Он возлюбил. При встрече на горе, окутанной облаком с громами и дымом, Бог собственноручно начертил Свою Истину на каменных скрижалях, которые дал Моисею. — Бог ухаживал за своим возлюбленным народом, как жених за невестой, однако она

вернулась в стан Врага, продавшись другим богам, другим любовникам.

Музыка терзала сердце Криса. Хор, казалось, вновь и вновь вызывает к Израилю о любви, голоса вторили мольбам вереницы могучих мужей с волевыми лицами и болью в глазах, ныне простершихся перед Богом, ныне рыдающих у городских ворот.

— Это Исаия, — голос Евангелиста перешел на шепот, — Иеремия, Осия и Аввакум. Однако возлюбленная Божья отвергла и оскорбила Его вестников, продолжая лнуть к своим развратным любовникам.

На щите Бог Вседержитель Вселенной вызывал фараонов и царей Ассирии и Вавилона, готовил их для разорения и полного уничтожения своей возлюбленной-прелюбодейки. По яме прокатилось эхо мерного солдатского шага, трубы призывали на битву. Голоса зашлись в горестных стенаниях.

Он увидел разрушенный, горящий Иерусалим, солдат, разбивающих младенцев о камни, священные украшения храма, оплавленные и увозимые в Вавилон.

Когда ветер стих, на щите вновь возник Евангелист:

— Великий Царь страстно желает вернуть Свою возлюбленную. Поэтому он разрабатывает самую отважную спасательную операцию. Под покровом ночи Его единственный Сын, переодевшись, оставляет Свою армию и в одиночку проникает в стан Врага.

Прекрасная мелодия любимой рождественской песни Криса лилась сквозь сгущающуюся тьму: «Приди, приди, Эммануил». По мере того, как к сопрано присоединялись клавишин, синтезатор и скрипки, прекрасные серии оживших рождественских открыток заполнили щит.

— Радуйтесь! Радуйтесь! Эммануил выкупит плененный Израиль.

Крис вспомнил рождественские праздники, заполненные вечеринками и хождением по магазинам. Он подумал, что, наверное, самыми возвышенными и искренними рождественскими моментами в его жизни были минуты, когда он ехал по заснеженной сельской местности под звуки этой музыки. *«Возможно, та саднящая тоска, прилив которой я ощущал, была Божьими попытками... обнять меня Своей рукой».*

Он тогда небрежно стряхнул эту руку, переключившись на другую станцию...

Возвышенные фразы темы Спасителя сливались в хоралы. Рождественские открытки уступили место мозаике изображений: Иисус, откровенно разговаривающий с фари́сеями; обняв Марию, вытирает ей слезы возле могилы Лазаря; на вершине холма, возвышающегося над Иерусалимом, с широко раскинутыми, словно в несостоявшемся объятии, руками. Мозаика изображений приняла форму креста.

Когда Крис просматривал историю Сына, его привлек не вид Иисуса. Не Его образ или поступки. Его привлекла Истина, сильная и абсолютно ясная. Крис мог ее видеть в Его глазах.

Крестообразная мозаика вспыхнула и превратилась в грубо отесанный деревянный крест, всей тяжестью навалившийся на человека. Окровавленное тело было все покрыто ранами и синяками, а лицо настолько разбито и искажено болью, что Крис не узнал Его, пока не увидел выхваченные крупным планом глаза... это был Иисус! Изнемогая от тяжести, Он еле смог поднять крест и взвалить Себе на плечи.

Оркестр и хор достигли апофеоза звучания, когда Иисус, пошатываясь, тащил крест сквозь иерусалимские толпы, жаждавшие Его крови. В нижней правой части трехмерного изображения Враг хохотал истерично и гротескно, с его глумливо искривленных губ капала слюна, смешиваясь в дорожной пыли с кровью Христа. Вспышки молнии освещали три креста. Над ядовитой ямой, в которой стоял Крис, гремели раскаты грома. Наконец, сотрясения и гром утихли, и наступил мрак. В заплесневелой гробнице плачущие голоса ангелов сплетались с голосами виолончелей, гобоев и ударами гонгов над спеленатым телом Христа.

— Возлюбленная по-прежнему оставалась в плену, а Спаситель был мертв, — сказал Евангелист. — Это была ночь буйного пиршества в стане Врага.

Затем все в одно мгновение изменилось. Сила Божья ворвалась в гробницу, вместе с нею ворвалась и музыка. Только что безжизненная фигура зашевелилась, льняные пелены сматывались с тела, раны мгновенно исцелялись, и воскресенный Христос крепко встал на ноги.

— Есть! — непроизвольно воскликнул Крис, скидывая вверх кулак.

Звуки органов, труб и литавр потрясли склон холма и яму. Иисус снял погребальный плат с головы, свернул его и отложил в сторону. Его глаза сияли радостью, Он воздел руки к небесам и слился со светом и силой, наполнявшими гробницу. Заглушая проклятия и ярость сатаны, громогласный хор темы Спасителя уже воспевал уплаченный выкуп и широко распахнутые двери темницы.

“ Если Он просто любит нас, приветливо помахивая нам рукой, то Он несправедлив. Но если Он действительно даст нам то, чего мы заслуживаем, то отречется от Своей страстной любви и милосердия по отношению к нам. ”

На щите вновь появился Евангелист:

— Это было поразительное решение. Как смогли люди, чьи сердца столь испорчены... — он указал жестом на яму, — оказаться примиренными со Святым Богом? Если Он просто любит нас, приветливо помахивая нам рукой, то Он несправедлив. Но если Он действительно даст нам то, чего мы заслуживаем, то отречется от Своей страстной любви и милосердия по отношению к нам.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Крис. Это все равно, что смотреть на переливную картинку с портретом безобразной старухи, и вдруг увидеть скрытую под ним красавицу.

Лицо Криса медленно расплылось в улыбке:

— Сатана был раздавлен распятием!

— О Крис, — тон Евангелиста удивил его, — опасно недооценивать Врага...

Медленный барабанный ритм марша смерти разорвал воздух. Щит вспыхнул, показывая римский Колизей, битком набитый зрителями, вопящими от восторга, когда львы и медведи в клочья рвали христиан и пожирали их живьем.

Диакона, пронзительно кричащего и испускающего дух, когда наиболее чувствительные части его тела прижигали раскаленными докрасна медными пластинами. Сады дворца Нерона, ярко освещенные телами верующих, погруженными в горячую смолу, а затем подожженными. Крис отвел взгляд, но по-прежнему слышал рев огня и крики, веселые возгласы и барабанный бой.

— Сатане не понадобилось много времени, чтобы составить новый план захвата власти и написания своей собственной великой истории, — продолжал Евангелист. — Подрывая моральный авторитет церкви расколами и разногласиями, он искусил и возвысил новых великих вождей, которые должны были создать новую ложь — все что угодно, чтобы поколебать веру людей в Бога и Истину истории Его Царства.

На поверхности дамбы ниже щита начали происходить любопытные вещи. Крис увидел, как там замерцало изображение размером в три четверти щита и началась новая история. Это было заново воссозданное Творение — только на этот раз оно было случайным и полным насилия, без всякого плана или цели. И здесь не было музыки. Суровая и негостеприимная земля, в конце концов, остыла настолько, чтобы счастливая амеба выползла из теплого озера и постепенно превратилась в целый ряд других, более сложных созданий, заканчивая человеком.

В этой версии истории человек и его достижения всегда были в центре внимания. Величайшие человеческие цивилизации и строения, которые он воздвиг; возрастающий объем знаний человечества и произведенная им техника; живое изображение человека и созданное им искусство; человеческая способность размышлять и постигнутые им идеи. Человек мог построить свою собственную утопию. Бог был неуместен. Он совершенно не вписывался в эту картину.

По мере того, как меньшее изображение на дамбе светилось все ярче и ярче, большой щит становился тусклее. Музыка также стала звучать тише — уже не в полную мощь.

— Что происходит с изображениями? — спросил Крис.

— Яркость отражает, насколько люди верят каждой из этих двух историй.

Шли десятилетия. Крис осознавал, что возрастающая яркость Истории Прогресса приближается к яркости Истории

Царства. Временно потускнев во время двух мировых войн, меньшее изображение разгоралось с новой силой по мере того, как оба экрана заполнили беспорядки: расовые волнения, демонстрации и теракты. Развязные хиппи в «вареной джинсе» праздновали наступление Эры Водолея, торжества мира и любви.

— Затем дети Истории Прогресса начали расти. — Оба экрана заполнились изображениями рыдающих в залах суда детей, разрывающихся между готовыми развестись родителями; беременных школьниц, проливающих слезы во врачебных кабинетах; подростков, бьющихся в истерике над телами мертвых одноклассников. — Они осознали, что надежды на прогресс и утопию были ложными. Все они были оставлены наедине со своими собственными истинами, собственными маленькими историями, в которых им приходилось жить.

На поверхности дамбы возникло множество изображений меньшего размера, отражающих маленькие истории жизни отдельных людей.

— Итак, теперь один живет в истории о спорте, другой — в истории о первой красавице школы. Ты видишь множество людей в их собственных версиях истории о карьерном росте; множество женщин, проживающих истории типа «только бы выскочить замуж». Посмотри внимательно вверх, там, справа, ты увидишь даже даму, живущую в истории о церкви. Заполненные лихорадочной деятельностью дни. Пустые, бессодержательные вечера. Нет Большой Истории, чтобы ответить на вопросы: «Как мне узнать, что есть истина?», «Откуда я взялся?», «Почему я здесь?», «Куда я иду?» Когда люди утратили веру в истину и смысл больших историй, началось парение.

На меньших картинках люди жили согласно собственному девизу Криса: «Это касается только меня». Его бросило в дрожь. По сравнению со всеми этими маленькими изображениями, оба больших экрана становились все тусклее. И музыка стихла до фоновой.

— Что будет дальше? — спросил Крис.

— Какое-то время так и будет продолжаться, но в конце концов дойдет до того, что Бог скажет: «Вы хотите отвергнуть Истину? Вы желаете верить лжи? Я пошлю вам наилучшее решение. Я дам вам... антихриста!

Все маленькие изображения погасли. Главный щит ярко засиял, показывая крупное, выразительное, красивое лицо. Ложь антихриста о мире закончилась войной, испепелившей миллионы. Еще миллионы были убиты за их преданность Богу.

С трубным призывом к оружию отворились небеса, и белый конь бросился вниз в атаку. Крис узнал пронсящего мимо Иисуса, Его склонившуюся вперед полную решимости фигуру, его глаза, устремленные на убийц и обманщиков там, внизу. За Ним с грохотом летело небесное воинство.

“Наверно, я должна бугу «заслужить свои крылья» или что-то в этом роде. Я никак не смогу сразу войти.”

Позади спускающегося воинства ангел, стоящий на солнце, громким голосом созывал всех хищных птиц. После тысяч лет благодати и неоднократных шансов к спасению, Христос попирает врагов Божьих. Грифы, не делая различий, пировали на головах как именитых, так и простых людей.

Когда Крису стало невозможно смотреть на ужасающую кровавую бойню, он опустил голову, слушая, но не было музыки, чтобы сопровождать эту трагедию — лишь завывания ветра да крики птиц.

Наконец, он посмотрел вверх. В кадре осталась одна большая птица. Забрызганная кровью, она степенно взмахивала крыльями, высоко кружа над миллионами остекленевших глаз Армагеддона.

Внизу можно было разглядеть сатану — он свирепствовал над полем битвы, проклиная Бога. Яркое сияние спустилось на Врага, заковывая его в большую цепь перед тем, как низвергнуть в бездну. Его проклятия и кровавое поле битвы исчезли, когда огромная птица еще раз взмахнула крылами, поднимаясь все выше и выше, над высочайшими вершинами, огибая облака. В конце концов, на высоте, кажущейся невозможной, она выровняла свой полет и повернула в сторону яркого света на почти черном небе.

По мере того, как птица летела, Крис осознал, что под ней проступают туманные очертания больших масс людей, идущих вместе как бы по темному туннелю к яркому свету в его дальнем конце. Птица продолжала лететь, а изображение сместилось на отдельные фигуры, почему-то показавшиеся Крису знакомыми. О да, вот двое ученых из Истории Прогресса, школьная красавица, один из карьеристов из маленьких историй, и сразу же за ними — Крис затаил дыхание — он увидел свое собственное лицо! Он тоже тихо шел с остальными, продвигаясь в сторону света.

Он не мог этого объяснить, но внезапно Крис оказался уже не в яме, а в этом туннеле. Он безнадежно озирался в поисках щита, но видел лишь других людей, медленно и упорно движущихся по туннелю вперед.

Заметив удивление и страх на его лице, к Крису приблизились те двое ученых.

— А, и ты тоже? — спросил один из них.

— Что — тоже? — отозвался Крис.

— Ну, ты выглядишь таким же удивленным тем, что оказался здесь, как и мы. Мы полагали, что жизнь одна, а затем — тушите свет, — конец.

— Вы уже умерли? — его мысли порхнули обратно, к резервуару токсичных химикатов.

— О да, но вот мы здесь. Мы по-прежнему *есть*! Это должно было кончиться! — раздраженно сказал второй ученый.

К ним обернулась женщина из истории «выскочить замуж»:

— Не беспокойтесь. Не беспокойтесь. Все идет точно так, как в одном бестселлере, который я читала. Мы будем идти по этому туннелю до тех пор, пока не дойдем до наших ангелов-проводников, которые введут нас в присутствие Божье. Это будет прекрасно.

Школьная красавица быстро обернулась. Ее лицо было перекошено озабоченностью и беспокоемством.

— Я не готова к этому, — сказала она со слезами на глазах. — Я спала с парнями, даже однажды сделала аборт. Наверно, я должна буду «заслужить свои крылья» или что-то в этом роде. Я никак не смогу сразу войти.

— Но, что ты думала об Иисусе? — спросил Крис.

— Иисус? Я не знаю. Я никогда о нем особо не думала.

— Да, вот именно, — сказал один из карьеристов. — Дай нам сыграть еще один последний тур игры «приди к Иисусу», и мы не заставим долго ждать.

Когда они приблизились к ярко освещенному выходу из туннеля, раздался бой погребального барабана и грозное низкое пение хора. Хор пел: «*Media vita in morte sumus*».

Крис мог только в исступлении думать: «Иисус! Я не уверен, что смог выразить то, что есть в моем сердце».

«*Media vita in morte sumus*».

— Но я знаю, что Ты — ответ. Будь милостив...

Вступили теноры, и темп возрос: «*Media vita in morte sumus*».

Они попали в гигантский амфитеатр, ярко освещенный великим белым престолом, свет которого был столь ясен, что не оставлял места сомнениям. Буквы на огненном поясе Сидящего на престоле складывались в слова: «ЦАРЬ ЦАРЕЙ и ГОСПОДЬ ГОСПОДСТВУЮЩИХ». Они могли даже разглядеть раны от гвоздей на Его руках. «*Media vita in morte sumus*».

Школьная красавица заплакала; ученые дерзко глядели, стиснув зубы и сжав кулаки; «выскочить замуж» иступленно пыталась успокоить себя и других.

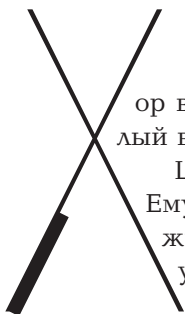
— Все хорошо, все в порядке! — восклицала она, перекрикая хор. — Вы же знаете, Он любит всех.

«*MEDIA VITA IN MORTE SUMUS*».

Крис стоял здесь среди малых и великих, глядя прямо в лицо Славе Божьей в окружении нескончаемых шеренг ангельского воинства.

«*MEDIA VITA IN MORTE SUMUS. ПОСРЕДИ ЖИЗНИ МЫ МЕРТВЫ*».

глава 3

ор внезапно умолк. Открылись книги; тяжелый воздух был пропитан электричеством.

Царь дал повеление прислуживающим Ему ангелам: «Соберите Мою пшеницу в житницу». Многие из пришедших были унесены в облака, однако Крис и те, с кем он говорил в пути, остались на месте.

Крис продолжал ждать, но начал осознавать, что не был направлен в «житницу». Царь смотрел прямо на Криса и его попутчиков.

— Я отдал Свою жизнь, чтобы выкупить тебя из лагеря Врага. Но ты так возлюбил его пути, что никогда бы не оставил их. Я терпеливо молчал, когда ты пренебрегал Мною. Ты думал, что Я на твоей стороне, но сегодня Я призываю тебя к ответу. Безответственные игры со Мною закончены. Я готов вынести приговор. Бежать некуда и никто не придет тебе на помощь.

— Господи, Господи! — вскричала женщина из маленькой истории, — я же читала в своих книгах, что Ты принимаешь всех!

— Мелисса, — Судия обратил Свой огненный и все же мягкий взор к обезумевшей женщине, — сколько раз Я побуждал тебя читать Мою Книгу? Но ты никогда не делала этого. Почему ты говоришь со Мной так, словно мы —

добрые друзья? Ты никогда не открывала дверь, когда Я стучал; ты относилась к Моим словам, как к совершенной чепухе. «Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего».

Внезапно прямо рядом с Крисом открылся провал, из которого вырывался сернистый дым и доносились полные невыносимой боли крики. Путники отпрянули от губительного жара огненных фонтанов и кипящей расплавленной лавы. Туманные струйки тошнотворной органической вони разъедали Крису глаза и душили его, заполняя легкие. Легион ангелов, сомкнув ряды, направился к их группе. Непроизвольно всхлипывая, школьная красавица упала на колени. Крис закрыл глаза и обхватил голову руками.

Но ангелы не схватили его. Дым стал рассеиваться, а рыдания и крики стихать. Только зловоние осталось реальным, и Крис обнаружил, что по-прежнему стоит посреди него, охваченный дрожью.

— Крис, — шептал затихающий голос Евангелиста, — твоя жизнь в опасности! Его гнев готов разразиться, но если ты будешь стремиться, просто бежать к Богу, то не пожалеешь.

Крис быстро оглянулся вокруг, испытывая облегчение при виде Топи и попытался взять себя в руки. Низкие облака неравномерно мерцали, подобно электрической вывеске, в которой случилось короткое замыкание, и гром эхом отдавался в ущелье. На щите на склоне холма застыло изображение Евангелиста. Но теперь это было просто изображение. История закончилась. Как никогда раньше ощущая сокрушительный вес всей ядовитой грязи вокруг и вины, что лежала на его сердце, Крис начал все глубже погружаться в трясины.

— Помогите! — кричал он. — Евангелист... Боже... помоги мне, умоляю! Я готов бежать!

Чем больше он бился, тем глубже погружался. Борясь с паникой, он успокоился и в наступившей тишине услышал необычный шум, доносившийся с верха дамбы. Он впервые обратил внимание на слова, высеченные на плитах: «Вы познаете истину, что истины нет. И истина сделает вас свободными — свободными создавать свои маленькие истории и личные миры». До него снова донесся шум.словно крысы скреблись по всей поверхности дамбы. С громким треском

разверзлась трещина, протянувшись через весь склон и раскалывая слова пополам. Она быстро ширилась, порождая другие трещины, сетью покрывшие дамбу. Боясь, что дамбу сейчас прорвет, и не зная как спастись, Крис мог только слушать нарастающий треск и скрежет.

Огромная бетонная глыба с шумом отделилась от дальнего края дамбы и полетела в ущелье. За ней последовали другие обломки, пока вся дамба, глухо застонав в последний раз, не рухнула с грохотом вслед за первой глыбой. Вся Топь, — тысячи тонн токсичных отходов и мусора, — медленно потекла из ямы.

Крис побежал, словно по спускающемуся эскалатору, стремясь забраться подальше от переднего края медленно текущего потока грязи и стараясь при этом обходить камни и движущиеся обломки. Погруженный в грязь уже по грудь, он больше боялся оказаться засосанным жижей, чем разбиться о стены ущелья.

Долгие часы он держался на поверхности ядовитого потока, несущегося вниз по ущелью, умудряясь сохранять это положение, но не имея возможности выбраться. Наконец стены ущелья стали достаточно пологими, чтобы на них могла удержаться какая-нибудь растительность, и он, вытянувшись что есть сил, смог все же ухватиться за нависающее над потоком деревцо. Перебирая руками, Крис добрался до берега, потом вскарабкался еще выше и тут же свалился, борясь с приливами тошноты от вони, которую издавали его одежда и тело. Он не мог даже пошевелиться.

Согретый утренними лучами солнца, Крис поднялся и затуманенным взглядом обвел розовые пальчики облаков, которые словно приоткрывали яркую перспективу нового дня. *«Поразительно. Снова взошло солнце»*. Он медленно, сустав за суставом, расправил свое похрустывающее тело и оглянулся. У него не было ни рюкзака, ни еды, ни представления о том, где он находится. Единственным утешением был свет, который вновь виднелся почти на горизонте. Спотыкаясь, Крис спустился с холма и обнаружил дорогу, идущую в том

направлении. Бежать было невысимо. Он выбрался из грязи, однако огромное бремя вины и страха, которое он ощутил, стоя перед престолом, стибало его, словно он тащил за собой всю Топь.

“ Я хочу к Тебе. Я хочу
Жизни. Пожалуйста, наполни
мое пустое сердце. ”

По-прежнему испытывая тошноту, Крис побрел по дороге через земли, такие же иссохшие, как и он сам. Тем не менее, он заметил, что свет становится заметно ярче. Крис снял спортивную куртку, а затем футболку, но от его собственного тела исходило практически такое же зловоние. Позже этим утром он достиг неприступной черной стены, попасть за которую можно было только через высокие Тесные врата. Он с трудом дошел до ворот и постучался, глядя на свое перепачканное тело и брюки, насквозь пропитавшиеся вонючей грязью. *«Отчего это тебя должны сюда впустить?»* — промелькнуло в голове, но Крис прогнал эту мысль. Он просто не представлял, что будет делать, если повернет назад. Врата медленно отворились. Перед ним лежала дорога, ведущая на довольно крутой холм.

С трудом поднимаясь по склону, Крис пытался думать о великолепной музыке и поразительной Истории Божьей, но это были напрасные усилия. Он должен был сосредоточиться. *«Всего один шаг, а затем еще один...»* Единственной музыкой, которую он мог услышать, был звонкий хор кузнечиков. Единственной картиной, которую он мог увидеть, время от времени поглядывая вверх, была дорога, поднимающаяся на ничем не примечательный холм. Ядовитый пот стекал со лба. Тошнота усилилась, в том числе из-за пустого желудка. Еще один взгляд вверх, и он смог увидеть вершину.

На вершине холма стоял крест.

После великолепия небесного храма и величия престола Судии, вид голой и бесплодной вершины поразил Криса. Только открытый всем ветрам холм, на который вел хорошо

проторенный путь. Холм, даже не покрытый травой. Священная земля лишь кое-где пестрела клочками сухой стерни и сорняков.

Мощь древних грубо отесанных бревен влекла его вперед. Крис протянул руку и дотронулся до старого дерева, отполированного миллионами рук до него. Пальцы медленно скользили вниз по почерневшим сучкам и трещинам по мере того как он опускался на колени. Крис никогда не чувствовал себя таким грязным, одиноким и опустошенным.

— О Боже. Не знаю почему, но Ты возлюбил меня и неотступно следовал за мною все эти годы, — сказал он, подняв лицо к кресту, — а я так долго... противился и пренебрегал Тобой. Прости меня. Спасибо, что Твоими усилиями моя собственная жизнь опостылела мне, и я устал быть таким эгоистичным неврастеником. Спасибо, что Ты показал мне Истину. За то, что Ты умер такой ужасной смертью на кресте, чтобы выкупить меня из ямы Врага. Я хочу к Тебе. Я хочу Жизни. Пожалуйста, наполни мое пустое сердце.

Он стоял на коленях, держась за крест, и тошнота постепенно покидала его вместе с чувством отвращения к себе. Спустя долгое время Крис встал. Он пару раз подпрыгнул на месте, размахивая руками и поднимая их над головой. Тяжесть куда-то исчезла! Тоска и ощущение надвигающейся опасности, депрессия и чувство вины тоже исчезли, и он ощущал, будто сбросил килограммов сорок, хотя его ноги по-прежнему прочно стояли на земле.

По пути вниз с другой стороны холма он обнаружил радостно бьющий из-под земли ручей с кристально чистой водой. Крис вошел в него и окунулся, погрузившись под воду, насколько хватило дыхания. Пузырящаяся вода отмывала грязь лучше любого мыла, чище, чем он когда-либо мог представить. Выскобленный, отбеленный, обеззараженный, чистый изнутри и снаружи, он ощутил, что вместе с грязью ушла и усталость.

От души поплескавшись и отмокнув, Крис погрузился по грудь в живительный поток и начал пристально разглядывать спускающуюся с холма узкую дорогу, — новый человек, обзирающийся на новый ландшафт благодати. Перед ним открывалась новая жизнь в новой земле.

В тот момент, как он подумал о бритве и чистой одежде, возле ручья возникли две светящиеся фигуры, стяхивая с облаченных в белые мантии плеч нечто напоминающее лепестки роз. Они запыхались и сияли лучезарными улыбками, словно одержали победу в чемпионате — завоевали приз, и теперь пришло время успокоиться для официальной церемонии его вручения.

“ Этот Путь был проложен патриархами, пророками, Христом и Его апостолами, и он настолько прям, насколько могла начертить линейка и позволила местность ”

— Мир тебе, Христиан!*

— Христиан? — спросил он в ответ с изумленной улыбкой.

— Да, ты — только что возрожденное свыше Царское дитя, и у тебя теперь будет это имя. — Один из них выложил стопку новой одежды. — Когда будешь готов, спускайся к подножию холма, и мы тебе расскажем о предстоящем пути.

Христиан надел свежесвыглаженную рубашку с Царской эмблемой, брюки защитного цвета и камуфляжный жилет. Хотя все было чрезвычайно легким и удобным, словно спортивный костюм, Христиана удивил этот военный стиль. «*Я на войну отправляюсь, что ли?*». Он забросил на плечи новый рюкзак с упругими лямками и обнаружил, что его гораздо легче нести, чем прежний. Полон сил, он подошел к светящимся фигурам.

Первая из них вручила ему небольшой предмет.

— Это твой Свиток, в котором ты найдешь Слово Жизни. Он понадобится тебе, чтобы благополучно дойти до конца. Все остальное, что у тебя есть, исчезнет. Но *это* войдет вместе с тобой во врата Небесного Града.

Христиан взял Свиток, борясь с желанием поскорее открыть и развернуть его. Но было очевидно, что это еще не все, и он спрятал его в рюкзак.

* Слово *Christian* в английском означает «христианин»; полная форма имени «Крис» пишется и произносится точно так же. — *Прим. ред.*

— Смотри. Видишь эту дорогу, ведущую вниз в долину? — светящиеся фигуры отступили, и Христиан пристально взглянул на узкую дорогу, огороженную с обеих сторон стенами, называемыми Спасение, и протянувшуюся прямо, как лезвие бритвы, насколько видел глаз.

— Это Путь, — сказал они. — Он был проложен патриархами, пророками, Христом и Его апостолами, и он настолько прям, насколько могла начертить линейка и позволила местность. Много дорог пересекает эту дорогу, но только она приведет тебя в Небесный Град.

Христиан взглянул на светящиеся фигуры.

— Обычно я за словом в карман не лезу. Но сейчас в голову не приходит ничего, чтобы хоть отдаленно выразить все, что у меня на сердце.

— Мы видим это в твоих глазах, — когда они прощались, в их лицах словно отражалась его радость.

— Во имя Царства! — воскликнули они и растворились в солнечных лучах.

— Во имя Царства! — зажмурившись, кивнул вслед им Христиан. Он бросил взгляд на свою новую форму и дотронулся пальцем до эмблемы. На ней был изображен круг лучей славы, крест и голубь. Подобно олимпийцу, готовому к маршу на церемонии открытия, он представил себя несущим знамя Царства вокруг воображаемого стадиона. Начинались настоящие состязания, и он собирался бороться за золото.

Христиан не успел отойти далеко, когда раздавшиеся позади голоса и громкий шум прервали его шествие. Он оглянулся и увидел престранное зрелище: слева от него двое людей переваливались через стену, ограждавшую Путь.

Высокий, крепко сложенный парень, отряхнувшись от пыли, поприветствовал его:

— Привет! Я Джимбо-Здоровяк, а это мой друг Рич-Прикид.

— Привет, — сказал, присоединяясь к ним, Рич. Он рассмотрел герб на беговом костюме Христиана и внимательно оглядел его рюкзак и обувь.

— Привет. Меня зовут Христиан. Откуда вы, ребята?

— Мы из округа Процветание и направляемся в Небесный Град, навстречу *всем тем благословениям*, которые там обещают, — сказал Здравояк, подпрыгивая от избытка адреналина и готовый нестись вперед.

“ Бог благославляет банковские
счета каждого, кто следует
таким путем ”

— Всем тем благословениям? — переспросил Христиан.

— Да! Получая здоровье, ты получаешь все, — ответил тот.

— Ну, не совсем все, — возразил Рич. Вместе с Христианом они трусцой бежали вниз по окруженной каменными стенами дороге.

— Как бы там ни было, Иисус, вне всякого сомнения, был величайшим целителем всех времен, — заметил Джимбо. — Так что если мы по-настоящему хотим обладать крепким здоровьем, нам нужно просто бежать по этому Пути, стремясь к исцелению.

Рич сказал:

— Прикинь, соседи внимательнее будут слушать твои рассказы о Боге, если при этом на тебе часы «Ролекс», а сам ты сидишь за рулем «Мерседеса», а не вынужден отовариваться на складе Армии Спасения и ездить на автобусе! Бог благославляет банковские счета каждого, кто следует таким путем.

Их самодовольный тон раздражал Христиана.

— Простите, ребята, а почему вы не вошли через Тесные врата?

— Тесные врата? — Джимбо покачал головой. — Чтобы добраться до этих врат из Процветания, пришлось бы сделать очень большой крюк. Наши земляки обычно срезают путь и перелезают через стену, как мы.

Христиан вдруг почувствовал себя так, словно разговаривает у кассы кинотеатра с парнями, которые сунулись без очереди.

— Я несколько удивлен, что, желая попасть в Небесный Град, вы не вошли через врата. Разве не этого требует Владыка Града?

— Ну, самое важное то, что ты обретаешь исцеление, — ответил Джимбо.

— И процветание, — добавил Рич. — И, кроме того, не имеет значения, как мы попали на Путь. Ты вошел через ворота, а мы перелезли через стену. Какая разница? Если мы на Пути, значит мы на Пути. В конечном итоге все мы достигнем Небесного Града и возрадуемся вечному здоровью и процветанию.

— Здесь-то, друзья мои, вас может постигнуть разочарование, — Христиан притормозил, и его спутники повернулись к нему лицом. — Я убежден, что когда приду к воротам Града, Господь признает меня, поскольку... поскольку Тесные ворота ведут к кресту, и там я стал новым человеком, дитем Царя. Он дал мне новые отношения с Собою и новое имя. Я даже ношу Его одежду. — Христиан жестом указал на свою украшенную эмблемой форму. — У вас этого нет, поскольку вы не вошли через ворота. А без этого... Я не знаю, что вас ожидает у тех последних врат.

Двум приятелям-«зайцам» ответить было нечего. Переглянувшись и весело рассмеявшись, они повернулись и трусцой побежали дальше. Прикид выдал пару комментариев в том смысле, что, конечно, здорово, когда «своих» людей экипируют такой первоклассной униформой.

Трое попутчиков продолжали двигаться по дороге через покрытую каменистыми холмами местность. Христиан увеличил темп и постепенно вырвался довольно далеко вперед. За стенами по краям дороги, которые теперь едва доходили ему до груди, колыхались сине-ало-фиолетовые островки васильков, ястребинки и вербены. Вдалеке замаячили суровые скалы. Вид, открывающийся с вершины каждого нового холма, подтверждал, что он определенно приближается к этим скалам.

Перспектива хорошего скального восхождения ободрила его. Когда-то он принял предложение компании занять должность старшего менеджера отчасти потому, что работа была связана с проверкой нескольких курортов в окрестных горах. Катание на лыжах и снегоходах, турпоходы, езда на горном велосипеде, лазанье по скалам — привилегии «хозяина поместья» давали желанный доступ ко всем его излюбленным занятиям. Даже в суровые зимы он регулярно ходил

на местную тренировочную площадку и в спортзал для альпинистов. Наверное, причиной тому стали его повседневная жизнь и работа, которые практически вообще не были связаны с риском. Возможно, он унаследовал гены Льюиса и Кларка.* Ему нравились волнение и трепет, когда на отвесной скальной стенке он испытывал пределы своих сил — и, конечно же, стремление к вершине.

Покоряя все более крутые склоны, он понял, что внутри него что-то изменилось. Сердце все также начинало колотиться при виде возвышающихся над ним утесов. Но предвкушение это изливалось скорее из переполненного сердца, чем из дыры в душе, которая требует рискованных затей, чтобы ощущать себя живой.

К середине второй половины дня Путь постепенно сузился и исчез у подножия огромного покрытого валунами холма. И все же не было никаких сомнений, в каком направлении надлежало следовать дальше. Левее бурлящего источника, обозначенный мягко светящимися камнями, Путь круто поднимался вверх. Стоящий здесь знак, вроде указателей в парке, определял это место как «Скалу Затруднений». Христиан жадно напился из источника и к своей большой радости обнаружил в рюкзаке бутерброды и фрукты. Немного отдохнув, он приступил к штурму этой груды валунов.

Он тут же заметил одно удивительное свойство своей новой обуви. Пока он шел по пологой части Пути, подошвы казались крепкими и жесткими, как у туристических ботинок (но вместе с тем легкими, как у кроссовок); здесь же, на скалах, они оказались очень гибкими — особенно на носках. Как и его альпинистские туфли, что остались дома, эти позволяли ему цепляться пальцами ног за выступы скал, улучшая захват.

Подъем происходил под удобным, но все же довольно опасным углом. Всякий, кто видел, как Христиан проворно взбирается на скалу, мог отчасти сравнить его с горным козлом, отчасти — с ширококрылым альбатросом, настолько его мускулатура и размах рук соответствовали выполняемой задаче. Остановившись передохнуть на плоском валуне, он

*Руководители первой в США национальной экспедиции к Тихоокеанскому побережью в 1804г. — *Прим. ред.*

обвел глазами склон под собой в поисках бывших попутчиков, однако их нигде не было видно. Христиан посмотрел на солнце и определил, что у него в запасе остается еще около трех часов светлого времени. Он направился дальше, быстрыми и уверенными движениями штурмуя скалу.

Пальцы рук и ног искали надежных точек опоры. И хотя порой более удобные из них находились за пределами «маршрута», отмеченного мягко светящимися камнями, он намеревался неуклонно следовать правилу не сходить с Пути.

Орел над головой криком приветствовал окрестности. Дозорный отряд сверхактивных бурундуков исследовал местность, все время двигаясь метрах в пяти впереди. Светило солнце, дул легкий ветерок — *трудно представить себе день прекраснее!* Воспоминание об альпинистском товариществе затрепетало в глухом уголке его памяти отголосками общей радости покорителей вершин. С тех пор, как он год назад возобновил занятия скалолазанием, смутные тени давнего восхождения во время того семейного отпуска в горах то и дело проникали в его воспоминания. Но сегодня было слишком много причин для радости. Он отбросил тревожные мысли и запрыгал по камням к следующему вертикальному участку.

Хотя Христиан был опытным скалолазом, восхождение начало требовать все больших усилий. Крутые скалистые участки становились все длиннее и все больше приближались к вертикали, заставляя его поднимать свой вес тесно сжатыми коленями или подтягиваться на одних лишь кончиках пальцев. Пот крупными бусинами покрыл лоб. Возникла мысль, что неплохо было бы найти способ поднять рюкзак на вершину холма как-то иначе, чем на собственной спине. За каждым выступом, на который он взбирался, простирался следующий скалистый участок.

Христиан сделал привал на небольшом уступе, чтобы перевести дыхание. Самое время глотнуть воды из бутылки в рюкзаке. Обратив внимание на Свиток, лежащий рядом, он вытащил его. И понял, что нуждается в отдыхе и ободрении.

Держа Свиток на ладони, Христиан нажал указательным пальцем кнопку питания. На маленькой панели он нашел клавиши меню и выбрал «Ободрение». Трехдюймовый экран засветился и на нем стал прокручиваться клип из фильма

Евангелиста — Иисус, сидя с учениками у огня, смеется, беседует, то и дело подбадривает их. Поверх изображения бежали слова Его обетований: «Веруя в Меня, станете непоколебимы и пребудете в глубоком покое. В этом безбожном мире вы будете по-прежнему испытывать трудности. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

«Просите Отца обо всем, что касается истин, которые Я открыл вам. Просите во имя Мое, согласно воле Моей, и Он наверняка даст вам это. Ваша радость будет как река, переполняющая берега!»

Христиан улыбнулся и закрыл глаза. «Итак, Отче, сейчас мне так нужны сила и стойкость, чтобы одолеть эту Скалу!» По мере того, как он впитывал мысли и слова, усталость во всем теле уменьшалась ровно настолько, чтобы встать и одолеть еще один отвесный участок. Затем еще один. И еще.

Спускались сумерки. Орел и бурундуки давно покинули Христиана. Он был уверен, что в мышцах уже не осталось кислорода, однако поднялся еще на утес на одном только мужестве и услышал звук, который любят слышать все истощенные альпинисты — шум водопада. По мере приближения к последнему уступу призывный звук становился все громче с каждым толчком и рывком, пока последнее усилие не привело его на внешний край небольшого озера.

“Очевидно, дорога не будет
идти прямо, как стрела,
до самого Небесного Града”

Христиан увидел перед собой такую картину. Узкий поток, верхняя часть которого терялась в пурпурной дымке, низвергался с огромного утеса в полутора-два метра впереди. Поверхность скалы служила задней стенкой природного водоема около трехсот метров в ширину.

После дня, проведенного между ярким голубым небом и серебристо-розовыми камнями, эта смена палитры цветов стала целебным бальзамом для его чувств. Последние пятнадцать метров каскад круто ниспадал в иссиня-черное озеро, окруженное темно-зелеными соснами и елями. Они качали

кронами, синхронно склоняясь от ветра, который свистел в их иглах, и окутывая Христиана своим резким свежим ароматом. Еще одна табличка указателя гласила: «Добро пожаловать в Приятное Укрытие. Сооружено и содержится Хозяином Скалы для отдыха утомленных путешественников».

«Неплохо». Христиан присел, чтобы передохнуть, попутно изучая две гигантские пирамиды из зеркального стекла, возвышающиеся метров на десять над верхушками деревьев у противоположных краев озера. Их грани отражали великолепные оттенки позднего вечера, однако у оснований сквозь листву мягко просвечивали мерцающие огоньки. Он попытался представить, где могут быть проходы к пирамидам. Любопытство подняло его на ноги и повлекло к озеру.

С обеих сторон у самой воды стояли каменные домики, оборудованные простыми, но удобными кроватями и мебелью. Христиан вошел в один из них, бросил рюкзак на стол и плюхнулся на свежезастланную постель. Дрова в камине только и ждали спички, и через несколько минут веселый огонь согрел комнату и его ноющее тело. Уголья обещали во мгновение ока хорошенько поджарить один из завернутых в фольгу обедов из его рюкзака. Но каким бы усталым и ослабевшим он ни был, загадка пирамид вскоре повлекла Христиана назад к тускнеющему свету.

Завтрашний путь пролегал по скале слева от водопада. Камни мерцали в наступающей темноте. Позади, ближе к краю, от которого он пришел, светящийся Путь раздваивался и шел вокруг озера, огибая домики по обе его стороны. У основания водопада разделившиеся каменные дороги вновь сливались. Он поискал глазами какой-либо признак отвления дороги, ведущей к пирамидам, но ничего не нашел.

«М-га, становится так темно, что мне нужно или отправляться, или ждать до утра. Все это озеро, несомненно, является частью Укрытия. Очевидно, горoga не будет идти прямо, как стрела, до самого Небесного Града. Наверное, когда она достигает какого-то места, нужно просто пересечь его, а затем от дальнего края опять следовать ей. Какой смысл выкладывать светящимися камнями весь этот участок?»

Оставив еду греться на углях, Христиан направился к левому краю бассейна. Меньше чем через пять минут он вышел

на поляну и внимательно взглянул на остроконечную башню из черного стекла. Вблизи она казалась гораздо больше — размером со средней величины отель. Он стал подходить ближе, но заметил табличку «Только для женщин». *«Надо же! Что это такое? Экзотические туалеты?»* Он не мог ничего разглядеть сквозь входные двери из темного стекла.

Христиан побрел назад к своему пристанищу. Однако до полной готовности обеда оставалось еще минут пятнадцать — как раз хватит, чтобы проверить, нет ли случайно справа таблички «Только для мужчин». Короткая прогулка, и он обнаружил то, что искал, перед второй пирамидой. *«Всего пара минут, чтобы посмотреть, что это такое».* Дорожки к двери определенно не было. Христиан крупным шагом пересек травяной ковер, сделал еще пару шагов и толкнул темную дверь.

Две необычайно привлекательные молодые женщины — одна блондинка, другая брюнетка, лица которых обрамляли мягко спадающие волосы, улыбались ему из-за стойки вишневого дерева.

— Добрый вечер, — обволокли его спокойные, мягкие голоса. — Вы только что приехали?

— Да, я остановился в одном из домиков, но затем нашел дорогу сюда. Прекрасное местечко. Как минимум четыре или пять звезд. — «Увидят ли в нем человека бывалого и искушенного, способного сходу определить уровень их заведения?» — Так это часть Приятного Укрытия?

— Вы хотите сказать, что не слышали о нас?

— Ну, я не здешний, — Христиан вдруг ощутил острую потребность оправдаться. — И, — добавил он, сияя своей фирменной обаятельной улыбкой, — вы находитесь немного в стороне от проторенного пути.

Улыбка подействовала. Их смех объял его, когда они вручали ему цветную глянцевую брошюру.

— Пирамиды Приятного Убежища, — вслух прочитал он заголовок и раскрыл брошюру, пытаясь вчитываться. — Зачем же кому-то останавливаться в домиках, если можно поселиться здесь?

— А там еще кто-нибудь был? — спросили они.

— В общем-то, нет. Но я хотел сказать, зачем вообще предлагать оба вида помещений? Кто пойдет в домик, если...

— Совершенно верно, — прервала его одна из женщин. — И вы ощутите это еще больше, когда пройдетесь по пирамиде. Двери свободных комнат открыты, так что можете выбрать интерьер, какой вам понравится. Лифты расположены справа за углом, а слева есть кафе для любителей спорта. Выбрав комнату, просто позвоните нам сюда и мы зарегистрируем вас на любой срок, какой вы пожелаете.

— О, я выеду завтра, — Христиан вспомнил о своем рюкзаке и обеде. — Вообще-то я оставил в домике обед, и, думаю, мне нужно забрать свой рюкзак.

— Не стоит беспокоиться. Вы можете заказать обед прямо здесь или воспользоваться тележкой с едой, когда она будет проезжать мимо вашего номера. Мы пошлем кого-нибудь забрать ваш рюкзак. Сообщите нам, как подберете себе комнату. — Когда он свернул налево за угол, ему попалась на глаза зеленая неоновая вывеска: «sports.com». Гигантский телеэкран в дальнем конце показывал баскетбольный матч. *Быстрый пас на край и изящный навесной бросок прямо в корзину.*

— Это финал?

— Да, первый матч. Вы только заехали? — к нему направилась еще одна из привлекательных хозяек заведения.

Христиан кивнул.

— Я удивлен, что у вас тут есть свободные места, — он окинул взглядом около дюжины парней, попивающих напитки и закусывающих орешками.

— Ну, большинство просто предпочитает смотреть игру в своих номерах. Были наверху?

— Еще нет.

Она улыбнулась:

— Вы увидите, почему так происходит.

Справа открылись двери лифта, и к ним направились еще двое мужчин. Поколебавшись секунду, Христиан успел вскочить в лифт до того, как двери закрылись. Он нажал на кнопку пятого этажа. Всего их было семь.

приятный теплый голос объявил: «Пятый этаж». Дверь открылась в идеально убранный вестибюль. Толстый ковер во весь пол, бронзовые ручки дверей и светильники. Стеклопанель пирамиды, располагавшаяся напротив лифта, обещала назавтра прекрасный вид. Христиан

решил пройти по коридору направо. Его поразило то, что коридор шел вдоль *внешней* стены пирамиды, поглотив каждый квадратный метр вида, открывающегося с пятого этажа. Все двери по правую сторону коридора должны были вести во внутренние комнаты, откуда вообще ничего не было видно. «*Брег!* — пронеслось в голове. — *Какой болван это проектировал?*» Затем он дошел до открытой двери.

Во всем остальном, кроме вида из окна, «болван», проектировавший эту комнату, проделал фантастическую работу. «Ух, ты!» — невольно вырвалось у Христиана.

В действительности здесь *был* вид: высокие мужчины толкались, закрывали друг друга и боролись под щитом за мяч на огромном, размером два с половиной на три метра, плазменном экране. Быстроногий защитник нырял, петлял и продвигался к корзине. Несмотря на то, что Христиан стоял в дверях, крики толпы болель-

щиков через систему объемного звука окружали его со всех сторон, создавая ощущение, что он сидит в первом ряду. Тяжелые бархатные шторы, колышущиеся по обе стороны экрана, повторяли ярко-голубой цвет ковра, с пестрым орнаментом из разбросанных катушек пленки в окружении конфетти из билетиков и золотистого попкорна. Стоящий в углу большой аппарат для приготовления попкорна наполнял комнату запахом кинотеатра. Напротив булькающей джакузи над мягким ярко-желтым диваном и глубокими креслами висели фотографии кинозвезд в витиевато украшенных рамках.

Следующая открытая дверь — то же зрелище. Но здесь, вместо стилизации под кинотеатр, бросался в глаза антураж сафари. Брезентовые шторы, кушетка и кресла, окрашенные под леопарда коврики и подушки гармонировали со скатертью, свисающей с круглого столика с лампой. По обе стороны от джакузи гигантские слоновьи бивни образовывали арки над торчащими из стены головами газели, буйвола и других жутких трофеев. Настольная лампа и торшер были выполнены из рогов, что подчеркивало декор Великого Охотника.

Несмотря на усталость, Христиан мог бы часами ходить по номерам, вникая в концепцию и экстравагантные детали каждой комнаты, в большинстве из которых был один и тот же вид. И этот вид притягивал его. Он страстно желал погрузиться в джакузи и смотреть большую игру.

Христиан остановился в дверях комнаты в стиле дебрей тропического леса. Его очаровал водопад, низвергающийся в джакузи со скалы, и свежие хрупкие орхидеи, каскадом ниспадающие из ваз, расположенных на вершинах мраморных колонн в каждом углу комнаты. Однако следующий номер — комната путешественника — выглядел еще лучше. Роскошный персидский ковер, реалистично смотрящиеся поленья, пылающие в костре. Объемные изображения экзотических цветущих уголков на островах призывали его рухнуть на роскошный диван коричневой кожи, положив ноги на большую круглую оттоманку. Декоративные столики выглядели как большие стопки красиво увязанных дневников путешественников, а стены были от пола до потолка расписаны изображениями таинственных храмов. Стилизованная под римскую ванну джакузи из фальшивого мрамора была украшена копиями античных скульптур.

В конце концов, завершая круг и вновь приближаясь к вестибюлю возле лифтов, Христиан нашел то, что искал. Над входом в эту комнату вполне могло быть написано его имя. Он уже подумывал вернуться обратно в комнату-кинзал, но висящие над джакузи фотографии знакомых лиц в рамках остановили его. О-о-о — это было похоже на комнату-кинотеатр, только получше. На индивидуальных и групповых портретах мифические галактические воины стояли на страже святилища научной фантастики.

Христиан оглядел знакомые фигуры и удивился, как могло случиться, что здесь висит только то, что было ему по душе. Это почти пугало — они словно знали, что он придет. Христиан глянул на номер на двери и разыскал возле кресла устройство громкоговорящей связи. Однако на устройстве не было кнопок, и он не мог понять, как оно работает. Его внимание привлекла книга в кожаном переплете, лежащая на стеклянном приставном столике. «Бортжурнал космического крейсера, — прочитал он. — Скажите — и все исполнится».

Христиан попробовал:

— Телефон, набрать дежурного.

Раздалось три гудка, два звонка, и спокойный вкрадчивый голос произнес:

— Дежурный администратор, чем могу быть полезен?

— Это Христиан. Я выбрал номер 512, — он улыбнулся во весь рот и покачал головой — так ему все здесь нравилось.

— Хорошо, сэр. Мы заберем ваш рюкзак и пришлем в 512-й номер. Поздравляем, вы сами разобрались, как работает наша система связи. Многие из наших гостей, выбрав комнату, вынуждены спускаться к портье, чтобы разобраться с голосовым управлением. «Бортжурнал космического крейсера» на вашем столе может объяснить как все работает. Желаем приятного отдыха.

— Телефон, отбой, — Христиан вновь улыбнулся и развалился в кресле темно-синей кожи. Он снял обувь и носки и погрузил пальцы в пышный ворс темно-синего в золотых звездочках коврика. Нежная гладкая кожа обнимала его. Взгляд скользнул вверх к черному куполообразному потолку, по которому проплывал звездный пейзаж из светящихся

красным газовых туманностей и горячих голубых квазаров, проецируемый миниатюрным планетарием в углу. Он как раз мчался к гигантскому огненно-розовому звездному скоплению, когда услышал стук в дверь. Еще одна хозяйка заведения с певучим голосом стояла возле тележки с продуктами:

— Как вы тут? У этой комнаты есть свои хитрости.

— Да, я уже обнаружил систему голосового управления.

— Поздравляю. Готова поспорить, вы хотите есть. Наши новые гости всегда голодны. Вы можете заказать обед внизу в «sports.com», или выбрать что-нибудь другое на этой тележке. Вы уже разыскали минибар?

— Да, кажется, он здесь, рядом с дверью.

— В холодильнике вы найдете богатый ассортимент напитков и фруктов, а кроме того, выдвижные ящички с чипсами, орешками и печеньем. Если вам захочется того, чего там нет, просто скажите нам. Мы это доставим. Моя тележка с большим набором горячих и холодных закусок проезжает мимо вашего номера через каждые два-три часа. Не желаете ли чего-нибудь?

Христиан с трудом верил своим органам чувств. Выбрав чикагскую пиццу с колбасой и перцем и целую коробку своих любимых сливочных пончиков, он тихо посмеялся, вспомнив об оставленном обеде, который уже, наверное, обуглился. При мысли о домиках всплыло последнее смутное сомнение.

— Мисс, могу я задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Вы... пирамиды действительно официально являются частью Царского Приятного Укрытия?

— Вы хотите сказать, что никогда о нас не слышали? — ее лицо омрачилось разочарованием.

Он обнаружил, что вновь отступает и ослепительно улыбается, как внизу у конторки:

— Ну, я не здешний...

— К настоящему времени вы, несомненно, должны уже *знать* ответ на этот вопрос, — она серьезно взглянула ему в глаза и ее лицо просияло. — Вы можете подогреть пиццу в микроволновке. Если захотите еще, то я вновь буду здесь через пару часов. А теперь наслаждайтесь обстановкой. Вы выбрали великолепную комнату, — она усмехнулась и пони-

зила голос. — Можно даже приказать двери вывесить табличку «Не беспокоить», и она выдвинется из одного из этих маленьких пазов.

Христиан ответил ей улыбкой и постоял минутку, глядя, как она толкает свою тележку по коридору. Он поглядел на пиццу и пончики, а затем на комнату. «*Ой, да лагно! Я здесь просто переночую*». Он пинком закрыл дверь и шагнул к темно-синей с золотом ванне из фальшивого мрамора.

— Джакузи включить, — с потолка в воду ударил столб красного света и джакузи, забулькав, ожила. «*Это потрясающе*».

— Экран включить. Звук громче, — комнату заполнил скрип резиновых подошв о деревянный настил площадки.

Не прошло и четырех минут, как он скользнул в пузырящуюся воду, расположив на стоящем рядом столике ледяной «Д-р Пеппер» с запасом горячей пиццы и пончиков. «*Восемь минут до конца первой половины игры. Счет ничейный. Великолепно*». Он усмехнулся и утопил последнее слабо шевелившееся сомнение в глубинах пузырящейся воды.

Христиан открыл глаза и уставился в кромешную тьму. «*Что за...* — он резко сел и попытался собраться с мыслями. — *Ах, да*».

— Свет включить, — в темном куполообразном небе тут же замерцало множество звезд. Христиан с тоской посмотрел на джакузи, но вынес решение не в ее пользу. «*Не время размякать*». Он сгреб со стола «Бортжурнал космического крейсера». Быстро просмотрев страницы, Христиан был поражен возможностями электроники номера. Он выбрал один из дисков с записями природных ландшафтов и вставил его в DVD-плеер. Тот по команде стал быстро пролистывать разнообразные природные пейзажи — от тропического дождевого леса до снегопада на покрытом льдом горном озере, — пока Христиан не нашел панорамы зазубренных скал с парящими над ними орлами. «*Это должно привести меня в нужное настроение. Да и кому вообще нужны окна?*»

Христиан разогрел в микроволновке остатки пончиков и оделся. Отдохнувший и готовый двигаться дальше, он надел на плечи рюкзак и открыл дверь. Затем оглянулся, с тоской бросая последний взгляд на лучшее в мире место отдыха для мужчин.

— Экран выключить. DVD выключить. Свет выключить, — Христиан закрыл дверь и направился к вестибюлю у лифтов, но затем остановился. Пейзаж, который он ожидал увидеть этим утром сквозь стеклянную стену пирамиды, не появился. Стекло было таким же темным, как вчера вечером. Возможно, проектировщик этой гостиницы и не был полным болваном, но наверняка был с причудами.

В главном вестибюле Христиан поблагодарил сладкоголосых хозяек за великолепные условия проживания и был уверен, что они молчаливо проводят его до главного входа. Он открыл дверь и ошеломленно застыл. Вместо яркого голубого неба и серебристо-розовых скал, его приветствовали сине-зеленые сумерки. Он знал, что остановился в гостинице поздно и был уверен, что проспал. Но, возможно, это было не так. В номере часов не было, а он вышел из дому, не захватив свои. *«Сейчас должно светать. Не могу поверить, что чувствую себя таким отдохнувшим»*. Он оглянулся на конторку портье и обнаружил, что хозяйки гостиницы пристально смотрят на него, едва сдерживая снисходительные улыбки.

— Который час?

— Четверть восьмого.

— Утра или вечера?

— Вечера, — улыбки стали менее сдержанными.

Христиан со смешанными чувствами смотрел на темнеющие скалы над верхушками деревьев. *«Плохая новость заключается в том, что сейчас слишком поздно, чтобы оголеть оставшийся путь по скале. Но хорошая новость — в том, что я могу... провести еще одну ночь в 512-м номере»*. Направляясь обратно к лифтам и на пятый этаж, он даже не взглянул в сторону конторки портье.

Он двигался так стремительно, что чуть не столкнулся с продуктовой тележкой.

— Ой, извините.

— Привет! Вам у нас нравится?

— Да, но... скажите мне одну вещь. Как я могу здесь узнать, который час? Часов нет, окон — кажется, тоже... Я проспал целый день.

— Ну, вчера вечером вы выглядели очень уставшим. Давно путешествуете?

— Несколько дней, но путешествие весьма тяжелое.

Она улыбнулась и обнадеживающе коснулась ладонью его руки:

— Вам приходилось раньше находиться в таких стрессовых условиях?

— Да... да, приходилось.

— Ну, сейчас выходные. Отдохните как следует. И... вот. Мы делаем великолепные гамбургеры.

“Что делать, если можно сделать все, что угодно? Это было главным вопросом дня — каждого дня.”

Христиан приземлился на диван, держа чизбургер с беконом и обжаренными луковыми кольцами и еще одну пиццу с колбасой и перцем.

— Экран включить, — чудовищные грузовики разбрызгивали фонтаны грязи и легко преодолевали невероятные барьеры из легковых машин. Подавая голосовые команды, он переключался между вздымающимися грузовиками, последним фильмом о Джеймсе Бонде и повторным показом суперкубка.

Позже, лежа в джакузи, Христиан раздумывал над простой логикой слов хозяйки тележки. «Разве не было на табличке написано, что Приятное Укрытие сооружено для отдыха и восстановления сил утомленных путешественников вроде меня?» Пузырьки бомбардировали спину, и он начинал понимать, как сильно устал. Устал от всех этих стрессов и нервотрепки на работе — от постоянно поджимающих сроков. Отпуск, который он пару месяцев назад собирался провести на лыжах, пропал из-за плохой погоды. Потом — все это насилие в городе. Он чуть не умер в Топи. И он не привык к такому взрыву эмоций, как там, у креста. Он был в достаточно хорошей форме, но после нескольких

дней бега и лазания по Скале... «Куда спешить? Эта Скала никуда не денется до понедельника. Я заслужил небольшой отдых».

Христиан намеревался немного поспать, чтобы больше не путать день с ночью. Однако затем он обнаружил беспроводной пульт и инструкцию по пользованию интернет-телевидением.

Что делать, если можно делать все, что угодно? Это было главным вопросом дня — каждого дня. Христиан не был уверен, что принял верное решение. Но, проведя в своей комнате почти неделю, — достаточно, чтобы посмотреть четыре игры баскетбольных финалов, — решил для себя, что это действительно заслуженный отпуск. Он мог покинуть гостиницу после того, как закончатся баскетбольные финалы. А поскольку серии были ограничены двумя играми каждая, это давало как минимум пару дней отдыха. Вернемся к главному вопросу дня. Залезть в джакузи? Прогуляться по виртуальному лесу? Поболтать в спортивном баре? Прощелкать сотни каналов или миллионы веб-сайтов?

— DVD включить. Просмотр диска, — на экране замелькали пейзажи планеты. — Стоп. Воспроизведение. — Пальмы, белый песок, волны прибоя, заход солнца над океаном... Христиан собирался вставать, но просто лежать здесь было так прекрасно. Посмотрев немного, он перевернулся на спину, сложил руки на животе и закрыл глаза. Казалось, что они с Мэг одни на этом берегу, играя в волнах, бегая по берегу, загорая на песке, целуясь...

К пятой игре баскетбольных финалов Христиан перешел на лежачий режим. Он поставил на стеклянный столик большую пластиковую кружку «Д-ра Пеппера» и положил пончики. Затем открыл пачку чипсов со сметаной и луком и насыпал кучку себе на грудь. Таким образом можно было сгребать их себе в рот даже не отрывая локтей от дивана.

В перерыве между таймами Христиану пришло в голову, что он уже несколько дней не выходил из комнаты. Пирамиды наверняка должны были быть частью приюта Царя —

обычно, проведя даже в десять раз меньше времени перед телевизионным экраном, он начинал парить выше воздушного змея. Если его ноги по-прежнему оставались на земле, а спина утопала в мягких объятиях дивана, такова должна была быть воля Божья.

Христиан подумал, не спуститься ли на второй тайм в «sports.com». Это было великолепное зрелище — две практически равные команды. Каждая игра захватывала. Все еще думая, не спуститься ли, он предпочел потянуться за очередным пончиком и насыпал на себя еще чипсов. Шли последние минуты второго тайма, а счет опять был ничейным. Если он сейчас пойдет к лифту, то может пропустить важные моменты. Защитник команды соперника приближался к корзине справа и готов был передать пас, но затем перебросил мяч в левую руку и крючком бросил его вверх, где тот *целую вечность* катился по кольцу, а затем упал... наружу! Аут!

Команда Христиана подобрала мяч под щитом, пас на проход через две трети площадки, где мяч... пойман! Затем индивидуальный проход к кольцу, пока часы отсчитывают 5... 4..., и бросок... 2... достигает цели! Система объемного звучания взорвалась криками и приветственными возгласами, и тут прозвучала сирена.

Христиан сгреб остатки чипсов и удивился, почему ликование на площадке больше не поднимает ему настроение. Подобно Алисе в Стране Чудес, он, казалось, уменьшался с каждым укусом, в то время как сияющие лица, с которых капал пот, и подпрыгивающие фанаты, обнимающие друг друга, становились все больше и больше. *«Надо было спуститься вниз и смотреть игру в баре. Почему мне кажется, что это требует так много усилий?»* Он бродил по спортивным веб-сайтам, изучал статистику и читал интервью после игры, пока не заснул.

Следующим утром — или в полдень? — Христиан, переключая каналы, наткнулся на рекламную передачу для пирамид. Женщины из пирамиды «только для женщин» неумеренно восхищались этим лучшим в мире местом отдыха.

— Моя любимая часть гостиницы — первый этаж, — вещала блондинка с ямочками на щеках. — Там находятся ювелирный бар и модный бутик, куда можно ходить каждый день и примерять одежду и украшения — порой часами! — пока не подберете подходящий наряд для обеда. А римские спа, где эти великолепные здоровяки в тогах массируют вам руки, ноги или плечи.

Камера переключилась на бойкую брюнетку.

— В каждой комнате имеются превосходно оборудованные домашние кинотеатры, и я могу сказать вам, какую программу любят смотреть все: «Мой друг, Филип».

— О-о-о, да! — согласно закивала блондинка. — Я просто *балдею* от аватара ведущего!

— Да какой он аватар! — глаза ее подруги сверкали. — Я не знаю, как все устроено, но этого шикарного голубоглазого блондина по имени Филип сделали полностью интерактивным. Он готов часами слушать наши истории или обсуждать наш день и говорить: «О, расскажи мне еще». Он любит выслушивать все в мельчайших подробностях и никогда не перебьет тебя просьбой кратко изложить суть дела.

— А еще интересуется, что мы чувствуем — всеми переживаниями, которые мы испытывали в этот день. И глубоко заглядывает в глаза, рассказывая, что он сам думает и чувствует. Мы все сидим и говорим с ним часами...

“ Может быть, я слишком долго пробыл зрителем. Это ведь просто игра. ”

Христиан закатил глаза и переключил канал. Когда появилась хозяйка тележки, он поразил сам себя, взяв вместо пончиков огромные липкие булочки с корицей. Он хотел поболтать с хозяйкой, но та вручила ему пакет и, уходя, бросила через плечо:

— Это спецпредложение для тех, кто решил провести у нас отпуск.

«Пирамида-Квест» — было написано на коробке внутри пакета. Христиан вставил диск в DVD-плеер, и перед ним развернулись картины шикарной трехмерной графики. Детализовка изображения, от скалистых гор до затхлых темниц, просто потрясла. С трудом дождавшись окончания

обучающего вступления, он с головой ринулся в этот новый мир. Более пятнадцати уровней! Заклинания, навыки, классная экипировка. В предвкушении приключений, Христиан приступил к игре. *«Может быть, я слишком долго пробыл зрителем. Это ведь просто игра».*

Пока Христиан рубил и избивал полчища мух и саранчи, его пульс стремительно учащался. И это было нелегко! Стоило подумать, что он победил их, как ползучие твари возрождались и вновь сыпались с неба. Чем большего успеха он добивался, тем лучшие мечи, заклинания и одежду мог получить. В игре он был командиром армии фараона, преследующей врага в бесплодной пустыне. В этой версии, когда плохие парни пытались бежать через расступившиеся воды большого моря, его дивизии неотступно преследовали их до другого берега... и уничтожили. Это вызывало у него слабое чувство внутреннего противоречия, но он продолжал играть.

Другие уровни перенесли Христиана из мира пирамид в мир японских правителей и средневековых замков с рыцарями. Внимание было полностью поглощено все новыми и новыми задачами, которые ставили перед ним живописные призраки, огры и гоблины — мир игры овладел им. *«Какое ощущение силы! Все это кажется таким реальным».*

Новый мир даже предлагал ему спутников. С переходом на более высокие уровни монстры стали объединяться, и не было другого способа победить их, кроме как найти в сети другого игрока и образовать команду. Его экранный рыцарь посылал сообщения другим рыцарям, чародеям и служителям.

Они играли до тех пор, пока Христиан не почувствовал, что его глаза готовы вылезти из орбит, и они договорились немного поспать и возобновить квест. После короткого перерыва на еду Христиан послал Зеленому Рыцарю сообщение: «Только что моя союзница из реального мира (весьма хорошенькая) пополнила мои запасы провизии пиццей и шашлыком. Теперь я готов продолжить».

Зеленый Рыцарь прислал ответ: «Тот, кто истинно верует, не станет говорить о другом царстве».

«Прости, Зеленый Рыцарь. Слово Драйдона — моя жизнь».

Уровень 10, уровень 15.

Ожидая одного из членов своей команды, чтобы сделать перерыв, Христиан вспомнил о баскетбольных финалах. Он щелкнул кнопкой и обнаружил, что игра в самом разгаре. «Седьмая игра? Как такое может быть?» Испытывая муки выбора, он пару минут следил за игрой. Но Христиан знал, что товарищи по команде будут ждать его.

Уровень 20, уровень 25.

Их команда хорошо потрудилась, чтобы оставаться вместе. Если кого-то ранили, они все ожидали, пока индикатор его здоровья не наполнится больше чем наполовину. Никто не выходил из битвы, пока все остальные благополучно не минуют врагов. И они не только рубились, дрались и покупали снаряжение. Их чувство товарищества росло по мере того, как они разыскивали покинутых сирот и находили для них дома, пели в большом зале серенады принцессе в ее брачную ночь.

Христиан проснулся во мраке. Что-то ударило его по носу. Он попытался схватить его, но руки наткнулись на что-то большое и твердое. Он попробовал поднять голову и ударился лбом. Христиану удалось немного согнуть колени, но было похоже, что он находится в ящике. А где свет экрана?! Он всегда оставлял его включенным, чтобы сообщения товарищей по команде могли его разбудить.

— Экран включить. Свет включить, — никакого эффекта. Он чаще задышал в кромешной тьме. «*Может, это сон из серии "Помогите! Меня схватил пещерный гигант"?*» Он протянул руки вверх, исследуя находившееся над ним препятствие, толкая его. Руки выпрямились, но прекратив толкать, он опять ударился о препятствие. Он опустил руки за спину. Там не было ничего. Только воздух.

ристиан надеялся, что все еще находится у себя в комнате. Не нужно было ощупывать стену, чтобы понять — он парит, как дирижабль. Хорошо, что в комнате есть потолок! Волна страшного отчаяния поднялась из глубин его существа и окатила Христиана с головы до ног.

«Я опять парю! Но почему сейчас? Я здесь уже не первую неделю. И почему так высоко? Господи, я пытался выяснить, находится ли это место на Пути...».

Свет мигнул и остался гореть, за ним последовал кондиционер, и невидимая сила оттолкнула Христиана от потолка, возвращая обратно на диван. Плазменный экран, замерцав, ожил, высветив обращенное к нему сообщение: «Странствующий Рыцарь, где ты?»

Христиан уставился в экран с колотящимся сердцем. *«Хороший вопрос. Неужели то, о чем я думаю, случилось ... на самом деле?»* Он взглянул на потолок. Был ли это сон, или минутное помрачение? Его взгляд упал на игровой пульт, но, преодолевая действие какой-то внутренней силы, Христиан сел и заставил себя внимательно посмотреть вокруг. Жирные коробки из-под пиццы и пончиков, разнокалиберные пластиковые чашки и тарелки, пустые банки

из-под «Д-ра Пеппера», несвежий попкорн, пластиковые миски с ложками, покрытые засохшими остатками хлопьев с молоком — его номер напоминал мусорную свалку, увенчанную корками от пиццы и ломтиками картофеля-фри. За исключением расчищенных дорожек от дивана до дверей и бара и до ванной комнаты, пол вокруг дивана был покрыт толстым слоем отбросов.

В ванной комнате Христиан провел еще один тщательный осмотр. На этот раз — самого себя. Затуманенный взгляд налитых кровью глаз, волосы, с которыми не стоит показываться на публике без бейсболки, начинающая пробиваться жиденькая борода, грязная (нет, лоснящаяся!) тенниска, и шорты, натянувшиеся на его растолстевшем как минимум кило на пять теле. Он склонился над раковиной и пристально взглянул себе прямо в глаза. «*Кто ты?*»

«Явно не благородный рыцарь», — пробормотал он вслух и опустил глаза.

Христиан хотел помолиться, но ощущал себя слишком грязным. Он принял душ и стал искать среди мусора рюкзак и кроссовки. Вытащив их из-под завалов, он счистил с них куски засохшего томатного соуса и джема.

Какая-то властная сила внутри уговаривала его: «*Что, если ты выйдешь, а там опять ночь? Может, стоит сначала спуститься вниз и посмотреть. Если сейчас ночь, ты можешь послать сообщение своим товарищам и пройти с ними еще один уровень перед тем как уйти. Вообще-то говоря, поступить так — твой долг перед ними.*»

Взвалив на спину рюкзак, он последовал к двери. Но ручка не поворачивалась, дверь не открывалась. Новая волна отчаяния поднялась из недр его души. Он боролся с ручкой. Безрезультатно.

Ровный приятный голос спросил его:

— Вы собираетесь покинуть нас, сэр?

Христиан резко обернулся, обегая взглядом комнату.

— Сэр?.. — голос исходил из устройства громкоговорящей связи.

— Да. Спасибо, все было великолепно, но мне нужно идти дальше.

— Мы огорчены, что вы не будете больше нашим постоянцем, — голос чуть заметно помрачнел. — Может, мы

могли бы каким-либо образом сделать ваше пребывание здесь более приятным?

— Спасибо, нет, а теперь не могли бы вы просто... — он вновь дернул ручку, — открыть эту дверь.

— Довольны ли вы пищей? А джакузи, не находите ли вы, что это необычайно успокаивает? — голос становился суше.

Христиан резко повернулся, уперся левой ногой в стену и вложил всю силу инерции тела в очередной рывок. Дверь даже не шевельнулась. Несомненно, существовал некий неподконтрольный ему запорный механизм.

— Сэр, единственная наша цель — доставлять удовольствие нашим гостям...

— ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ! — Христиан pokrылся потом с головы до пят. Он стиснул зубы, пнул дверь ногой и стал колотить в нее кулаками. Он звал хозяйку тележки и ни разу не виденных им на этаже горничных, — ЭЙ, КТО НИБУДЬ...

— Успокойтесь, пожалуйста, — сказал зловеще приятный голос. — Все в порядке.

Христиан перестал колотить по двери и, закрыв глаза, прислонился к ней спиной. Он пытался успокоить дыхание. Затем повернулся и еще раз посмотрел на экран. Ну конечно!

Своим лучшим командным голосом капитана космического крейсера Христиан приказал:

— Компьютер, открой дверь... НЕМЕДЛЕННО!

Ничего.

— Дверь открыть!

Никакой реакции.

Его разум иступленно искал какой-нибудь способ преодолеть силу, контролировавшую комнату. Клавиатура!

Он вытащил беспроводное устройство из мусора на кофейном столике и установил на экране компьютера режим «кадр в кадре».

В большем кадре настойчиво мерцало сообщение от Зеленого Рыцаря: «СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ! ПОЖАЛУЙСТА! ТЫ НУЖЕН НАМ!»

Уткнувшись подбородком в грудь, бросая быстрые взгляды с клавиатуры на экран и обратно, Христиан исследовал компьютерные программы.

— Если этот номер не удовлетворяет вашим потребностям, — сказал вкрадчивый голос, — мы легко можем перевести вас в другой, более подходящий.

Яростно стуча по клавишам, Христиан просматривал одну программу за другой.

Внезапно экран, как и все остальное в комнате, покрылся мраком. Христиан почувствовал, что его тело всплывает над диваном. Он покрылся обильным потом, в желудке екнуло. Сжимая клавиатуру в левой руке, Христиан поднял над головой правую, чтобы предотвратить удар о потолок.

Однако потолка он так и не коснулся. Христиан услышал звук, словно над ним плавно открылась дверь. Он продолжал подниматься сквозь тьму. *«О Боже, во что я влип?»*

Что-то плавно закрылось под ним. Замерцали огни, и Христиан увидел, что стоит в комнате с декором средневекового замка, напоминающей уменьшенную версию большого зала, в котором они с товарищами пели принцессе серенады в ее брачную ночь.

На плазменном экране его новой комнаты засветилась битва «Пирамиды-Квеста», однако ракурс самовольно сместился с его персонажа на товарищю по игре. Топоры гоблинов наотмашь рубили их доспехи, заставляя отступать и заливая весь трехмерный ландшафт компьютерной кровью. **«СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ! НА НАС НАПАЛИ! ТЫ НУЖЕН НАМ! МЫ ПОГИБАЕМ! НЕ БРОСАЙ НАС!»**

— Мы знаем, вам понравится эта комната, — сказал вкрадчивый голос. — Приятного отдыха.

Христиан уставился на игровой пульт на стоящем перед ним тяжелом дубовом столе. Казалось, экран наплывает на него, и нечто могущественное тянет опуститься на подушки гобеленового дивана. Он посмотрел на клавиатуру, по-прежнему зажатую в левой руке. Вероятно, она не станет работать с этим экраном. Он вновь взглянул на электронное побоище. Еще несколько мгновений — и его товарищи по команде будут мертвы. Их предварительно записанные вопли от боли заполняли комнату замка. **«СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ, РАДИ ДРАЙГОНА!..»**

Христиан на пару мгновений закрыл глаза. А открыв их, увидел вождя гоблинов, пытающегося топором отрубить го-

лову его другу Зеленому Рыцарю. «НЕЕЕТ!» — кричал его персонаж.

— НЕЕЕТ! — Христиан швырнул клавиатуру себе на колени и замолотил по клавишам. В ответ на команду клавиатуры из старого номера, на новом экране возник кадр в кадре. — ЕСТЬ! — Игнорируя вопли цифровой боли, он начал систематизировать многочисленные файлы. Команды управления. *«Вот оно!»*

Христиан открыл программу и просмотрел перечень команд — команды клавиатуры, настройки комнаты. Он открыл файл и с чуть заметной улыбкой установил опцию «слушать только команды с клавиатуры». Его палец переместил курсор к надписи «свет выключить». Щелчок клавиши. В комнате, освещенной теперь лишь огромным плазменным экраном, потемнело. Горло сжалось, когда он двигал курсор к надписи «дверь открыть». Нажав на клавишу, он тут же вскочил с дивана, привел в порядок рюкзак и... *«Наконец-то... она открывается!»*

Христиан выбежал в коридор и лифтом спустился в вестибюль на первый этаж. Дверь открылась, он молнией вылетел из лифта, однако, толкая входную дверь, застыл. *«Стоп... Здесь, очевидно, действует та же сила тяжести, которая удерживает нас на земле. Что, если я выйду и взлечу, и буду парить как раз над краем бассейна?»*

За спиной он услышал шаги и отзвуки суматохи...

«Боже, помоги мне вернуться на Путь!»

И с этими словами он выскочил за дверь.

Прильнув к поверхности скалы, Христиан смотрел с высоты около сотни метров вниз на бассейн. Ему всегда было очень странно наблюдать за летающими ниже него птицами.

Он старался не смотреть на табличку, советующую взбираться на скалу только опытным альпинистам, и по возможности запастись веревками и страховочной системой. Христиан чувствовал такое облегчение от того, что вновь видит полуденное солнце, был так рад вырваться из сияющей внизу стеклянной западни, что с презрением отверг меры

предосторожности и положился на то, что многолетний опыт поможет ему взойти на Скалу.

Под его цепкими пальцами рук и ног светящийся Путь подвергал испытанию мельчайшие детали его альпинистских навыков. Даже в пределах пути были места, где Скала становилась столь гладкой, что следующая зацепка или опора были совершенно недостижимы. Ему приходилось спускаться, смещаться в сторону и начинать вновь. Уступы становились все меньше и уже, а участки между ними — все длиннее.

“ Может ли вообще быть какая-либо реальная безопасность до прихода в Небесный Град? Наверно, просто разные виды опасностей. ”

На этой половине Скалы Христиан задышался, мышцы ныли, он чаще останавливался для отдыха. Переводя дыхание на маленьком полукруглом уступе, он думал не только о разном характере Скалы ниже и выше бассейна, но и об отличиях в самом скалолазе. *«Я абсолютно не в форме! Я знаю, что надо делать, но насколько тяжелее заставить свое тело делать это»*. Он чувствовал себя так, словно тащит огромный сливочный пончик вокруг талии. Обильный пот и общее состояние напоминали ему об утомительных занятиях в спортзале после отпуска — они были болезненным, но заслуженным наказанием за время, проведенное в потакании своим желаниям.

Вдохнув полные легкие живительного, бодрящего сухого воздуха, он вдруг услышал голоса и знакомый ритм переступающих ног при скоростном спуске со скалы, сопровождаемый скрипом трущихся о крюки нейлоновых веревок. В поле зрения сверху появились два человека. Христиан слышал тревогу в их голосах и видел мрачное выражение лиц.

— Эй, ребята, а вы вообще в правильном направлении движетесь?

Спускающиеся резко остановились, и обернули к нему перепачканные, все в полосках от стекающего пота, лица.

— Мы шли в Небесный Град. И фактически добрались до вершины Скалы. Но чем дальше мы продвигались, тем более опасным становился путь.

— Я бы рискнул подняться на гору с километровыми отвесными стенами, — сказал второй из них, небрежно плюнув вниз, чтобы подчеркнуть свои слова, — но посещение логова львов — нет уж, увольте. Удачи тебе. И остерегайся слабо держащихся камней ближе к вершине, — освободив захваты, они быстро соскользнули вниз.

— Эй, погодите... — Христиан видел, как они продолжают спуск уже ниже него по склону. Их слова заметно охладили его пыл. Впервые с того момента, как он покинул город Гибельтаун, Христиан всерьез подумал, не повернуть ли назад. *«Табличка гласила: "Скала Затруднений". Я не ждал, что это будет прогулкой по парку. У меня за плечами много трудных восхождений. Но... львы. Я никогда не имел дела со львами. С другой стороны, нет никакой гарантии, что я буду в безопасности, если поверну обратно».*

Его мысли метались между взорванным банком и токсичной свалкой. *«Может ли вообще быть какая-либо реальная безопасность до прихода в Небесный Град? Наверно, просто разные виды опасностей».* Он напряженно всматривался в светящийся Путь, идущий вверх по поверхности скалы.

«Я иду дальше. Да, я никогда не имел дела со львами, но Даниил имел, не так ли? Можно просто посмотреть, как он это делал». Он пошарил в рюкзаке в поисках свитка, но не нашел. Он выложил из рюкзака все, расстегнул каждую молнию.

Свитка не было.

Христиан заставил свой разум успокоиться и шаг за шагом восстановить минувшие события. Его потрясло осознание того, что он не читал Свиток и даже не заглядывал в него все время своего пребывания в пирамиде. Первый и последний раз он читал Свиток на нижнем участке Скалы. *«Следовательно, когда я пришел в домик, он должен был лежать в рюкзаке сверху».* Он смутно припоминал, как доставал Свиток, когда искал на дне рюкзака завернутый в фольгу обед. Вполне возможно, что тот, кто забирал его рюкзак, не заметил Свитка, или не захотел его заметить. Если Свиток не в домике, он мог выпасть в комнате в пирамиде, а в этом случае...

Он смотрел вверх и был почти уверен, что видит вершину Скалы. В сотне метров ниже, слева от него, поток воды низвергался каскадом в бассейн. Судя по положению солнца,

было сомнительно, что у него хватит времени, чтобы спуститься, найти Свиток и закончить восхождение на вершину.

Он отпустил несколько метких выражений в свой адрес, опустил голову, заложил за нее руки и покачался назад и вперед. Резко выдохнув, Христиан вытащил из рюкзака веревку и приготовился к спуску со Скалы. Что бы он готов был сейчас отдать за всего час-другой из уймы времени, потерянного в пирамиде? *«Тропинки к зданиям не было; они по существу никогда не отвечали на мои вопросы; совесть влекла меня обратно на Путь, но я находил всему логичные оправдания и продолжал играть...»*.

Обычно спуск на веревке был весьма захватывающим, но сейчас он просто выполнял необходимые движения.

«Дурак, ДУРАК! Я гумал, что наконец постиг... наконец обрел Бога в своей жизни. Пришло первое искушение... всего лишь еще немного отдыха... еще одна игра... еще один фильм... еще одна ночь в сети... какой идиот!»

Приземлившись возле бассейна, он сбросил снаряжение и побрел к домикам. *«Насколько дальше я мог бы уже быть в это время? Теперь же нужно проходить один и тот же участок трижды, а время все более позднее...»*

Христиан переступил порог домика и обшарил глазами комнату. Свитка не было. Не было его и возле камина. Наконец, он обнаружил его под столом. *«Благодарю Тебя, Боже! Немного запыхался, но...»*. Открыв Свиток, Христиан нажал кнопку питания и слабо улыбнулся, когда на экранчике появилось меню. Он подумал о том, чтобы перевести дух и поискать историю Даниила, но знал, что не имеет в запасе лишнего светлого времени.

Вновь проигнорировав предостерегающую надпись, Христиан атаковал Скалу без страховки и дополнительных веревок. Он бы скорее согласился лезть вверх в полной темноте, чем зависнуть тут еще на какое-то время. По мере того, как Христиан снова миновал те же выступы и трещины, в памяти всплывали некоторые прежние мысли. Бодрый дух, бытовавший у них в фитнес-клубе — «это трудно, но мы знаем, зачем оно надо», покинул его.

Усугубляя подавленное настроение, удлиняющиеся тени пятнали серебристо-розовые скалы темно-серым цветом. В лазурном небе начинали мерцать звезды. Собравшись с силами,

чтобы перенести последствия своего неправильного решения, Христиан попытался немного увеличить темп движения, но понял, что слишком устал для этого. Он сделал передышку на уступе, с которого в прошлый раз повернул назад и поискал глазами вершину. Двигаясь достаточно быстро, он сможет достичь ее до того, как окончательно стемнеет.

Отталкиваясь от одного упора за другим, Христиан поднимался на Скалу. Встреченные им парни были правы относительно ненадежных камней. Под действием ветра и дождя последние сто метров пути представляли собой просто груды голышей. Он должен был проверять каждый захват и упор перед тем, как перенести на него свой вес. И даже при этом руки и ноги часто соскальзывали и перед каждой новой точкой опоры он должен был удостовериться, что готов в любой момент перенести свой вес на предыдущую.

В сгущающейся темноте становилось все труднее находить устойчивые точки опоры. Вынужденный больше полагаться не на зрение, а на осязание, он ощупывал каменистую поверхность руками и ногами. Единственным освещением оставалось слабое свечение самого Пути. Порой ему требовалось по нескольку минут ощупывать поверхность, чтобы найти опору для следующего движения.

“ Это странствие куда более рискованное предприятие, чем я ожидал. Я не думаю, что оно мне по плечу. Только Ты сможешь это совершить. ”

Нашупав левой ногой то, что казалось прочным упором для ноги, он схватился левой рукой за находившийся прямо над ним захват. Но когда он подтягивался вверх, камень пришел в движение. Целый пласт, на который пришелся вес левой руки и ноги, скользнул в бездну. Он перестал опираться на него как раз вовремя, и успел увидеть, как пласт с грохотом исчезает во мраке под ногами, оставляя его в неудобном растянутом положении. С молитвой (и выбросом адреналина) он старался подтянуть свое тело к поверхности

скалы. Когда его выпученные глаза увидели, как исчезает огромная глыба, в памяти всплыло воспоминание о полных ужаса других глазах, которые тоже исчезали в бездне, пристально глядя на него. Сквозь шум и грохот камней доносило эхо отчаянного вопля: «КРИС... КРИС, ПОМОГИ ...»

Наконец Христиану удалось раскататься и крепко ухватиться за скалу, дрожа при этом так, что он боялся не удержаться. Дым, струящийся из щелей вокруг двери, за которой скрывались его воспоминания, душил Христиана.

«Нет, НЕТ! Я не могу думать об этом... думай о том, как выжить... о том, как добраться до вершины». Он крепко прижимался к Скале, отказываясь смотреть вниз, прилагая все усилия, чтобы сосредоточиться, пока пальцы рук и ног не начали слабеть и разжиматься. И только тогда адреналина в его крови стало достаточно для того, чтобы двигаться дальше.

Минут пятнадцать он переводил дух, лежа на спине на краю вершины. *«Забудь об этом. Иди дальше. Но я не могу туда идти!»* Он попытался представить себе большие кошачьи уши, настороженно сканирующие темноту, большие кошачьи носы, втягивающие ночной воздух. Он поднял голову и напряг слух, пытаясь услышать хоть что-нибудь, обнаружить какое-то движение в сумерках. Это постепенно начало приносить результаты — призраки внутренней тьмы Христиана были вытеснены настоящим страхом перед чем-то четвероногим. *«Что я буду делать, если внезапно столкнусь во мраке лицом к лицу со львом?»*

Он сел, скрестив ноги, и пристально вглядывался в звездную ночь. *«Боже... Боже, я хочу воззвать к Тебе... Я действительно думал, что после креста все пойдет совсем по-другому. Но я по-прежнему продолжаю принимать глупые, эгоистичные решения... только теперь я чувствую себя еще более виновным».*

Он прижал колени к груди и крепко обхватил их. *«Я ощущал в душе эту новую, волнующую любовь к Тебе. И сколько это продолжалось? Мне хочется думать, что я люблю Тебя больше, чем баскетбол, больше, чем телевизоры с большим экраном... но, Боже, если Ты слышишь меня, прошу тебя — прости... Мне так жаль... серьезно! Я целый день думал: да, я облажался, и теперь плачу за это сполна. Но мои промахи на самом деле больше, чем я думал».* Он положил голову на ко-

лени. *«Отче, я устал и боюсь. Мне неведомы причины, по которым Ты мог бы захотеть помочь мне. Это странствие куда более рискованное предприятие, чем я ожидал. Я не гдую, что оно мне по плечу. Только Ты сможешь это совершить».*

Он медленно и скрытно двигался по дороге, слыша лишь доносящиеся со всех сторон отголоски странных звуков, которые издавали неизвестные ночные животные. Через пять минут он миновал изгиб дороги и увидел метрах в двухстах впереди величественный чертог, освещенный, словно сказочный замок. И Путь вел прямо к нему.

Христиан пошел как можно быстрее, надеясь, что этот чертог действительно стоит на Пути. Дорога привела его к очень узкому проходу, примерно в ста метрах от караульной сторожки. Внезапно в отраженном свете чертога он увидел рядом с собой две тени — один лев стоял слева, другой — справа. Они припали к земле, вперив в Христиана глаза и крутя в предвкушении хвостами.

Теперь он знал, почему люди, которых он встретил на скале, повернули назад. И уже подумывал, не стоит ли к ним присоединиться.

Привратник, увидев из своей сторожки, что он остановился, крикнул: «Давай, парень, где твоя храбрость? Не бойся этих львов. Они находятся здесь, чтобы испытать твою веру и выявлять тех, у кого ее нет. Держись середины пути, и ты будешь в безопасности».

Христиан слышал эти слова, но ему казалось, словно он вновь оказался в детстве, на крыльце родительского дома наедине с их старым серо-белым котом. Незадолго до смерти Пусси Гато часто впадал в злобное настроение и, припав к оконному карнизу у двери черного хода, вперял свои янтарные глаза в любого, кто осмелился приблизиться. Если вы подходили ближе, он бросался на вас. Это могли подтвердить оставшиеся у Христиана шрамы от когтей. Сколько раз он оказывался заложником на этом крыльце, зная, что еще один шаг, и Пусси Гато бросится на него? Слова привратника никак не вязались с уставившимися на него янтарными глазами.

Слева раздалось долгое горловое рычание. Христиан, трепеща, посмотрел вниз, чтобы убедиться, что находится точно посередине Пути, и сделал еще шаг. Он поднял глаза и увидел, как оба льва сорвались с места.

Сердце Христиана кричало: «Беги!» Но вера приковала его к середине дороги. Съежившись и зажмурив глаза, он слышал, как дергаются туго натянутые цепи и разочаровано воют огромные кошки. Открыв глаза, Христиан видел, как они, кусая и царапая металлические звенья, пытались порвать сдавливающие их шеи цепи. Львы бросались на него, но Путь находился вне досягаемости их когтей. Тяжело дыша, Христиан рванулся к воротам.

— Сэр, — спросил он привратника, — этот дом стоит на Пути? — он бросил взгляд назад на львов.

— Да. Если вы подождете, я позову кого-нибудь, — сказал привратник и ударил в колокол. Некоторое время спустя к ним приблизилась молодая женщина, освещенная позади огнями замка. Легкий ветерок шуршал ее длинным шелковым одеянием и играл прядями темных, волнистых волос. Приблизившись к воротам, она тщательно изучила лицо и всю взъерошенную фигуру Христиана.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Христиан.

— Куда вы идете?

— В Небесный Град.

— Все еще? — пристальный взгляд ее темных глаз встретился с его глазами.

— Все еще, — его голос был тих, но тверд.

Она дала знак привратнику, и тот поспешил открыть ворота. Когда решетка скользнула мимо Христиана, она протянула руку и, улыбаясь, взглянула ему прямо в лицо.

— Входи, Крис. Добро пожаловать в Чертог Великолепие. Я — леди Благоразумие. Этот дом был построен Хозяином Скалы специально, чтобы принимать странников вроде тебя. Пойдем, познакомишься с моей семьей. Мы как раз собирались сесть за поздний ужин.

Услыхав слова «семья» и «ужин», Христиан осознал, как он истосковался по тому и другому.

— Вообще говоря, мне нужно сперва привести себя в порядок, — пробормотал он.

Тяжелая дверь распахнулась, и они вошли в освещенный огромной хрустальной люстрой вестибюль.

— Добро пожаловать, странник, милости просим, — его окружили, сердечно приветствуя и пожимая руки, двое осанистых, атлетически сложенных парней и грациозная девушка, которые затем представили Христиана своим родителям — рыцарю Царства и его супруге. Представления закончились, и Христиан удалился в ванную комнату для гостей, чтобы освежиться.

Смывая с лица и рук глубоко въевшуюся грязь, он восхищался роскошной отделкой даже этого небольшого уголка замка. Матовые фарфоровые стены голубого цвета и белые рельефные корзины, полные виноградных гроздей и цветов, протянувшиеся от пола до потолка. *«Какая утонченность деталей. Слово вся комната сделана из фарфора»*. Последний взгляд в зеркало на спутанные волосы и крайне испачканную одежду, и Христиану подумалось, не лучше ли найти тихий уголок и там незаметно переночевать. Однако он был слишком голоден, чтобы сильно переживать из-за своего внешнего вида.

Следуя в сопровождении леди Милосердие и леди Благоразумие по длинному коридору, он задерживал дыхание у каждой комнаты, мимо которых они проходили. Настоящая дворцовая мебель, обои, ковры и уникальные сокровища — каждая комната была подобна произведению искусства. Но

больше всего его взор притягивали люстры — некоторые пяти- и даже десятиярусные; некоторые с кристаллами размером с кулак, иные же имели причудливые формы, вроде галеонов, идущих на всех парусах, и Сатурна с его кольцами.

— Узнаешь? — кивнула леди Благоразумие на великолепное изваяние.

— Да, Евангелист показывал мне. Это херувим стражи.

Они заняли места в помещении, которое хозяйки назвали семейной столовой. Длинный стол красного дерева с шестнадцатью стульями, буфеты и серванты, украшенные изящной резьбой — если это семейная столовая, хотел бы он взглянуть на зал для приемов. Висящая над головой копия Чертога Великолепия, выполненная из золота и хрусталя, заливала ярким и мягким светом стол. Он был заполнен блестящими серебряными столовыми приборами и хрустальными бокалами для вина. Серебряные блюда, ломящиеся от холодных вареных креветок, ошеломляющий выбор различных сортов мяса, приправленных соусами, любые фрукты, какие только можно себе представить, включая его любимую клубнику в шоколаде. А выбор хлеба! Корзинки, наполненные только что испеченными рогаликами, черный ржаной хлеб с изюмом и орехами, и большущие, посыпанные сверху булочки со свежей черникой.

Он с верхом наполнил серебряную тарелку и заставил себя пользоваться ножом и вилкой, несмотря на то, что был голоден как волк и целый месяц ел пальцами из пластиковой посуды. Его взгляд был прикован к карточке с красиво выписанным на ней именем «Христиан». Если бы хозяевам потребовалось спешно выставлять еще один столовый прибор, ее бы здесь не было. Дождавшись, пока он удовлетворит первый голод, хозяева завели с ним беседу.

— Скажи нам, Крис... — Великий Рыцарь положил парчовую салфетку рядом с тарелкой, — что подвигло тебя оставить дом и пуститься в странствие?

— Я жил в Гибельтауне... это ни о чем вам не напоминает?

Они понимающе кивнули.

— Стрельба в школе и взрыв банка — и все это за одну неделю.

— Ужасные забавы врага рода человеческого.

Христиан продолжал:

— К тому времени я уже так устал от насилия в моем собственном сердце... пустом и гневном. Это стало последней каплей.

— Итак, ты отправился в путь. И какой эпизод из твоего странствия стал самым важным на данный момент? — спросила леди Благоразумие.

— Должно быть, История Царства, показанная Евангелистом.

— Вот, вот, — согласно улыбнулись все вокруг.

— Я думаю, что на всю жизнь запомню то, что тогда увидел.

— Особенно сцену Последнего суда Христова, — заметил лорд Благочестие, пронзая Христиана внимательным взглядом.

— Да, это был, наверно, наихудший момент моей жизни. Но... я рад, что видел это. Когда действительно видишь, как заканчивается История...

Леди Милосердие задумчиво сложила руки перед собой на столе, сплетя пальцы:

— Мне нравится думать об Истории Царства как о поцелуе — поцелуе, который разрушил чары, наложенные дьяволом.

— Ага, — согласно кивнул Христиан, — вы начинаете смотреть, как обычная лягушка, а когда История полностью захватывает вас, вдруг понимаете,.. что на самом деле призваны быть принцем.

Великий Рыцарь, сидевший во главе стола, сказал:

— Да, и вы осознаете, что сила врага сокрушена, и двери его темницы распахнуты, — он погладил бороду. Золотистый свет люстры освещал складки его темного бархатного плаща и красный атлас парчовой рубахи. Он обернулся к Христиану. — Но даже принцы остаются на всю жизнь в темницах, лаская прутья решеток и свои цепи.

Христиан сглотнул. Его лицо слегка посуровело, он отвел взгляд. *«Еще всего одна игра, просто дойти до следующего уровня... Как это могло снова засосать меня с такой легкостью?»*

— Позволь мне задать тебе вопрос, — снова заговорил Великий Рыцарь. — Почему ты так влюблен в компьютерные игры и баскетбол? Что в них есть такое, что завоевало твое сердце?

— Потому, что жизнь по большей части скучна, а игры такие захватывающие. Это замечательное приключение, полное неожиданностей, испытывающее твою храбрость. Когда ты смотришь игры чемпионата, ставки так высоки. О, а когда ты достигаешь пятнадцатого уровня, ты испытываешь замечательное ощущение успеха и участия в истории. Ты дошел так далеко. А возбуждение от близости победы, от того, что ты поднимешься на самый верх, от того, что ты король этого маленького мира! — он сделал паузу, пытаясь понять, как окружающие воспринимают его эмоциональные излияния. — Почему это так захватывает меня?

— Хороший вопрос, — сказал Рыцарь. — Помнишь маленькие истории на дамбе, ограждающей Топь, — те, которые заставили потускнеть большой экран?

“ Находясь в плену иллюзии, будто все в наших руках, нам хочется определять свой курс и следовать им ”

— О, да.

— Истории о спорте, даже об игре под названием «бизнес», вместе с историями о романтической любви, — одни из самых ярких, поскольку более всего похожи на Божью Историю Царства. Некоторые называют эту Историю «священным романом», потому что Бог любит нас так же страстно, как влюбленный жених — невесту, и также настойчиво и пылко добивается нас, — сказал Великий Рыцарь. — Божья История Царства — это тоже роман в традиции великих повествований о короле Артуре и Эль Сиде — рассказ о замечательном приключении с королями и замками, мерзкими демонами, таинственной магией и попавшими в беду девами.

Христиан окинул взглядом роскошно отделанный стол, освещенный хрустальной люстрой, и отполированные доспехи по обе стороны от камина.

— Когда мы молоды, — продолжал между тем Рыцарь, — то, находясь в плену иллюзии, будто все в наших руках, нам хочется определять свой курс и следовать им. А затем жизнь начинает приносить свои неприятные сюрпризы. Мы отступаем и довольствуемся лишь тем, что не сопряжено с замет-

ным риском. Мы можем порой пойти на рискованный поступок, хорошо просчитав все «за» и «против», но большей частью мы просто привыкаем жить в какой-нибудь версии истории поменьше.

— Однако Жизнь была написана как роман, — живые глаза Великого Рыцаря пристально смотрели на Христиана. — Благой Царь добивается Своей возлюбленной. Он созывает Свою царскую семью и посылает нас убить дракона, взять крепость, быть Его ангелами спасения, защитниками тех, на кого никто не обращает внимания — униженных и забытых. Он призывает нас сыграть свою роль в Его Истории Царства, гораздо более значительную, чем та, что мы сами для себя выбрали.

Христиан кивнул:

— Умом я верю каждому вашему слову, но сердцем...

— Хочешь знать, почему ты так жаждешь возбуждения и приключений? Возможно, потому, что ты был для них и рожден и к ним призван. Не к виртуальным, которые всегда можно выключить, но к реальным приключениям с реальным риском и реальными ставками.

Слова Великого Рыцаря пробудили страстное желание в сердце Христиана. Рыцарь олицетворял многое из того, чего так часто не доставало ему самому и его современникам: *gravitas* — весомости. Если бы Рыцарь играл главную роль в грандиозном приключенческом фильме, едва ли понадобились сцены, утверждающие его моральный авторитет. Он обладал им так же естественно, как носил свой бархатный плащ.

— Я хочу верить, что Жизнь — это грандиозное приключение, — чтобы считать и мою жизнь такой же, — Христиан медлил, пытаясь выразить словами боровшиеся в нем могучие новые желания. — И, когда я слушаю то, что говоришь об этом ты, все действительно выглядит великолепным и захватывающим, однако когда я просто живу своей обычной жизнью... ну, это не кажется ни реальным, ни захватывающим.

— А баскетбол и компьютерные игры кажутся более реальными и захватывающими? — осведомился лорд Мудрость.

— Честно говоря... да, наверняка более захватывающими. И чаты, и социальные сети, и хождение по сайтам до поздней ночи...

— И романтические фантазии, книги и фильмы, — добавила леди Благоразумие. — Я знаю. Но не смущает ли тебя тот факт, что это *не* настоящая жизнь?

— Только когда я думаю об этом, — сказал Христиан, усмехаясь и бросая быстрый взгляд вниз, на хрустальный бокал, который крутил в руках. — Вы правы, — продолжил он, встретившись с ее абсолютно серьезным взглядом. — Она ненастоящая. Но позвольте мне выступить в роли адвоката дьявола. Ну и что, что она ненастоящая?

Ее взор омрачился легким беспокойством:

— Я думаю, ты сам должен ответить на этот вопрос.

Великий Рыцарь склонил голову и разрядил неловкое молчание заключительной благодарственной молитвой. От имени собравшихся он выразил глубокую признательность за Божью заботу и присутствие.

Когда он сказал «аминь», Христиану захотелось обвить руками шею этого благородного мужа и поблагодарить его за смирение, достоинство и великодушное сердце. Но это было бы неловко — а они в маркетинговой компании не допускали неловкостей. Он ограничился рукопожатием и глубоко прочувствованным «спасибо».

“Ему нравилось практически все,
что загружалось, включалось
или втыкалось в розетку”

Подошла супруга Рыцаря и взяла его за руку:

— Дорогой Крис, я уверена, что вы очень устали, — она провела его по лестнице одной из замковых башен наверх, в спальню для гостей. Ноющие икры напоминали о дне испытания скалами. Она открыла дверь, на притолоке которой было написано: «Шалом».

— Это окно выходит на восход солнца, и утром из него открывается замечательный вид. — Убедившись, что он не испытывает никаких неудобств, она пожелала Христиану спокойной ночи.

Пенящиеся струи горячей воды смыли грязь с его смертельно уставшего тела. «Как хорошо, когда желудок наполнен настоящей едой и настоящим вином, и ты будешь спать

в настоящей кровати». Хозяйка дома даже отвернула покрывало и увлажнила простыни духами с запахом тропических цветов.

Он снял покрывало, наслаждаясь другими окружавшими его настоящими вещами — настоящим мрамором в отделке комнаты, настоящими книгами на полках, настоящим углем, тлеющим в камине. Он уютно свернулся под пуховым одеялом, согретый также драгоценным общением с настоящей семьей, посвятившей себя такому служению. А в настоящем ночном небе за большим арочным окном мерцали настоящие звезды.

Из восхитительных глубин своей постели Христиан пристально смотрел на отдаленные заснеженные горы, сверкающие на утреннем солнце. Наконец-то. Просыпаясь — и видишь настоящее утро. За окном кружились орлы, время от времени резко устремляясь вниз, туда, где крутой земляной мост соединял выступ, на котором располагался замок, с покрытой невысокими горами местностью. Из замка было видно, что Путь вел через мост в тенистую долину.

«Ну и что, что она ненастоящая?» Вопрос прошедшего вечера вернулся, нарушив его созерцание.

Он был человеком, у которого есть свои любимые фильмы. И своя любимая музыка. Ему нравилось практически все, что загружалось, включалось или втыкалось в розетку. Когда он не катался на лыжах, не лазил на скалы или не играл в спортивные игры, то любил смотреть, как на экране это делают другие. Он вспомнил вечер, когда Мэг вырвала у него из рук пульт дистанционного управления и ногами спихнула его с дивана. «Ну же! Давай займемся чем-нибудь *настоящим!*» Она потащила его в залитый лунным светом соседний парк, где он все выше и выше раскачивал ее на гигантских качелях. Беготня под огромными орехами в погоне за светлячками, сладкие поцелуи под падающими звездами — это было волшебно. По-настоящему волшебно. А он едва не променял все это на унылый вечер комедийных

телешоу, где запуганные горожане, не ведавшие, что значит бороться и истекать кровью, энергично отпускали остроты в адрес тех, кто это делал.

Христиан сел на кровати и посмотрел на дикую местность, простиравшуюся внизу. «Ну, по правде говоря, я не знаю, найдется ли здесь в ближайшее время что-нибудь, что можно воткнуть в розетку». Он обнаружил свою чистую одежду, висящую на двери, и направился вниз. Мужчины уже отправились по делам Царя. Леди пригласили его к роскошно отделанному бельгийскому вафельному буфету. Христиан взял одну вафлю с земляникой и небольшой горкой взбитых сливок, и вторую с орехами.

Пока он обмакивал трубочку в сироп, Милосердие спросила его:

- Скажи мне, Крис, у тебя есть семья? Ты женат?
- Нет... Я хотел жениться, но не получилось.
- А братья или сестры есть?

Христиан помедлил. Такие расспросы всегда убивали его.

— У меня есть старшая сестра, но я утратил связь с нею около пяти лет назад. Мы никогда не были близки. У Рейчел от самого рождения были проблемы с сердцем. Это всегда означало особую диету, особое обращение, особую заботу со стороны родителей. Поездки в пункт скорой помощи. Приступы в больнице.

Ей было трудно не отставать в школе. Она постоянно ссорилась с родителями... и со мной. Думаю, она иногда использовала свое состояние здоровья как оружие. Внимание родителей всегда было настолько сосредоточено на ее нуждах, что, похоже, у них не хватало времени на меня... — Христиан остановился, — на меня, или на мои проблемы. Она бросила школу. Начала жить с одним парнем, потом — с другим. Последнее время я слышал, что она с каким-то парнем из рок-группы.

- А твои родители?

Христиан глубоко вздохнул:

- Они по-прежнему живут в том же городе.

— Крис, — сменила тему разговора хозяйка дома. — Вот книга записи гостей Чертога Великолепие. Взглянув на имена и даты, ты заметишь, что все наши гости на некоторое время останавливались в замке.

Она была права. Большинство гостей выписывались примерно через неделю. Он со вздохом подумал об отдыхе, который он мог бы, даже *должен* был бы здесь себе устроить.

Она, наверное, прочитала его мысли.

— Ты не первый, кто прибывает к нам после долгого отдыха внизу. Но Царь желает, чтобы даже в этом случае гости проводили здесь как минимум день, — супруга Рыцаря улыбалась любезнейшей из улыбок, но говорила абсолютно серьезно.

Христиан провел день в библиотеке замка, вдыхая запахи чернил и кожи среди великолепно переплетенных первых изданий книг, заполнявших полки. Погрузившись в уютнейшее, мягкое кожаное кресло, он провел часы за чтением биографий святых, мало известных миру, великих строителей и посланцев благодати в Царстве.

В сумерках, как раз к ужину, вернулись мужчины. Лорд Мудрость извинился за их внешний вид.

— Прости, Крис, но мы сперва поедем, а потом приведем себя в порядок. Мы умираем с голоду, — они медленно прошли в столовую и рухнули на стулья у стола, на котором стояли суп из омаров и фаршированная грибами телятина.

Глядя на изможденное лицо лорда, Христиан сказал:

— Вы, должно быть, хорошо потрудились. Даже самим немного досталось... — он дотронулся до своего левого виска, чтобы показать, в каком месте лорду следует вытереть кровь со лба.

— Иногда мы получаем задания, — сказал Мудрость, вытирая со лба следы крови. — Мы не имеем права сообщать подробностей. Но находимся ли мы здесь, беседуя со странниками, или выезжаем на задание, — это нелегкий труд. Мы помогаем восстановить разорванные взаимоотношения, поддерживать потерпевшие неудачу правительства, школы, бизнесы, эксперименты в искусстве. Мы готовим последователей, учим, общаемся...

— Много общаемся, — энергично кивнул в знак согласия лорд Благодестие. — Уйму времени проводим с людьми с глазу на глаз.

Восстановив силы трапезой, отозвался Великий Рыцарь:

— Крис, тебя может поразить, насколько наша повседневная жизнь напоминает твою. Она полна обыденных

забот. Мы обеспечиваем свою семью. Мы сохраним этот великолепный чертог. Но у нас тут не просто «место для отдыха». Мы используем гостеприимство, чтобы войти в жизнь людей. Именно здесь совершается настоящий труд. Большая часть работы для Царства, о которой говорил Мудрость, может быть выполнена прямо здесь, за этим столом, — он похлопал рукой по полированному красному дереву.

— А как насчет тебя? — Великий Рыцарь изучал лицо Христиана. — Ты пришел к какому-то выводу? Большое ли значение имеет то, что ты живешь в *настоящем* мире?

— Честно говоря, я не могу сказать, что предмет моих желаний полностью изменился. Но то, что ты сказал о Жизни, кажется правдой. Я смотрю на тебя и думаю: «Это ведь то, чего я хочу — страстной любви к Богу. Посвятить себя Царству. Появляться в тронном зале с таким глубоким ощущением товарищества. Хочу послужного списка из настоящих приключений и свершений в Царстве. А не просто тысяч часов развлечений, вечно заканчивающихся ничем».

— Пожалуйста, Крис, не впадай в заблуждение, — лицо Милосердия озарилось теплой улыбкой. — Жизнь здесь едва ли можно назвать «скучной». Мы весело проводим время, однако это просто не самое важное во вселенной.

Христиан постучал себя по голове:

— Здесь я это понимаю. Посмотрим, как я поведу себя в следующий раз, когда буду жаждать чего-нибудь электронного.

— Кто знает, — сказала Благоразумие, шутливо подняв брови. — Возможно, другие путешественники однажды найдут твою биографию на полках замковой библиотеки!

Подумав о своем послужном списке до настоящего времени, он ответил:

— Фу ты, надеюсь, этого не случится.

Великий Рыцарь поднялся:

— Леди и джентльмены, тост. Лэхаим!

Ум Христиана зашнулся, но затем он вспомнил: «Лэхаим — за Жизнь!»

На следующее утро после завтрака, когда Христиан паковал свой рюкзак, в его дверь постучали.

— Мы тут принесли кое-что, нам кажется, это пригодится тебе в путешествии. Ты не будешь возражать, если я немного модернизирую твой Свиток? — спросил лорд Благодетель.

Пока он занимался Свитком, Мудрость показал Христиану нечто напоминающее по виду ручку.

— Вот, возьми это в левую руку. А теперь сильно сожми два раза... очень быстро.

Из ручки внезапно вырвался круг света около метра в диаметре.

“ Это настоящее оружие, которое
следует использовать, когда тебе
угрожает настоящая опасность ”

— Ух ты! — воскликнул Христиан. — Что это? Какой-то щит?

— Именно, — ответил Рыцарь. — И ты обнаружишь, что, чем сильнее твоя вера, тем больше будет этот круг и тем лучше защита.

— Нажми еще два раза, и он исчезнет, — продолжал наставление Мудрость.

Христиан нажал дважды, и световой щит исчез.

— Поразительно! — Христиан улыбнулся и включил щит вновь. — Брось в меня что-нибудь.

Рыцарь выудил из кармана монетку и метнул ее в Христиана. Легкий выпад кругом света — и монетка, изменив траекторию, отправилась плавать в ванную.

Благочестие поднялся, держа в руках Свиток:

— Порядок. Мы придали твоему Свитку способность генерировать силовой луч. Активируя этот луч, будь осторожен; обращай с ним как с оружием и без нужды ни на кого не направляй. Давай выйдем во двор, и я покажу тебе, как он действует.

— О, пока мы не ушли, — Рыцарь подвел Христиана к большому окну. — Видишь вдали эти пурпурные горы?

— Да.

— Это Отрадные горы. Прекрасные, поросшие лесом склоны, виноградники. Совершенно замечательная земля. Подобно нашему замку, она предназначена для отдыха путешественников. Когда ты доберешься туда, наши добрые друзья пастухи проведут тебя к месту, откуда ты сможешь увидеть весь путь до Небесного Града.

По пути во двор лорд Благочестие инструктировал Христиана насчет действия силового луча.

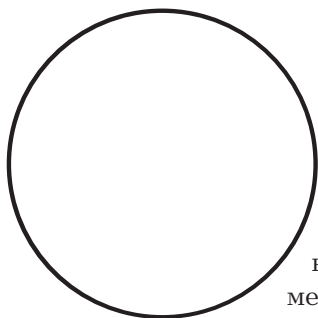
— Он тонкий, но очень мощный и острой обоюдоострого меча или даже лазера. Благодаря своим небольшим размерам это прекрасное скрытое оружие. Стукни два раза по любой точке его поверхности — и из передней части появится луч с радиусом действия до шести метров. Он рассеет любой обман и выявит истинную природу чего угодно.

— Спасибо тебе большое, — Христиан, держа Свиток как меч, выписывал лучом восьмерки и огромные буквы Z.

Великий Рыцарь успокаивающе положил руку Христиану на плечо:

— Это *настоящее* оружие, которое следует использовать, когда тебе угрожает *настоящая* опасность. И оно понадобится тебе в долине, что лежит там, впереди.

глава 7

бодренный видом голубого неба, Христиан с рюкзаком набитым всякими припасами из замка, пустился вслед за лордом Мудрость по усыпанному гравием земляному мосту вниз. Они с гиканьем бежали по гряде мелких камней в потрясающем, практически неуправляемом спуске. Когда насыпь закончилась, оба остановились и немного отдышались, чтобы можно было говорить.

— Еще раз спасибо за... все, — Христиан пожал руку своему новому другу. Свободными руками они похлопали друг друга по спине.

Взгляд лорда Мудрость был беспокойным.

— Будь осторожен в долине Уничужения, там впереди. Это суровое место... — он ощупывал долину взглядом. — И помни, как мы учили тебя пользоваться щитом и Свитком.

— Буду, — Христиан улыбнулся, отдал честь своему товарищу и посмотрел, как тот направляется обратно к мосту. Затем достал из рюкзака Свиток и одел наушники, чтобы послушать небольшое напутствие на дорогу.

Возлюблю тебя, Господи, крепость моя!
Господь — твердыня моя и прибежище мое,
Избавитель мой.

Возведи меня на скалу, для меня недостижимую,
ибо Ты прибежище мое,
Ты крепкая защита от врага.
Да живу я вечно в жилище Твоем
и покоюсь под кровом крыл Твоих,
ибо Ты, Боже, услышал обеты мои
и дал [мне] наследие боящихся имени Твоего.

Христиан изумился необычайно точному подбору мест из псалмов. *«Интересно, как эта штука работает?»*

Не успел он отойти далеко, как его взгляд привлек какой-то блеск. Примерно в пятидесяти метрах впереди дорогу преграждал автофургон передвижной телестудии. Под огромными буквами ЦДВЛ, красующимися на боку фургона, парень с микрофоном завлекал оживленную публику.

— Итак, *вы* собираетесь сделать мне предложение, от которого *я* не смогу отказаться — попытаться блеснуть в шоу? — смех в толпе. — Сожалею, но так не бывает. Минутку, мы готовы выйти в эфир... мы в эфире!

Зазвучали и стихли музыкальные позывные в исполнении басовых труб и ударных. Могучий диджей сцепил руки над головой и вращал бедрами в такт музыке. Публика с одобрительным ревом присоединилась к нему. Христиан спустил наушники на шею и наблюдал за событиями, стоя за спинами толпы.

— С вами Князь Силы в прямом эфире на канале ЦДВЛ из Долины, где мы правим волнами эфира. Смотрите великолепное шоу, самый последний выпуск, который готов взорвать все рейтинги! И прямо сейчас перед вами новая версия мегапопулярной игры, которая заставит заговорить каждого: «Кто хочет получить предложение, от которого невозможно отказаться?» И вот сегодняшний отборочный вопрос: «С какого дерева Ева в давние времена сорвала аппетитное красное яблоко в Эдемском саду?»

У Христиана в мозгу мелькнула сцена из фильма Евангелиста.

— С дерева познания добра и зла, — услышал он собственный голос.

— Там, сзади, ты дал правильный ответ! Посторонитесь, ребята. Дайте ему пройти!

Христиан, ошеломленный неожиданным развитием событий, попытался, но ближайšie к нему люди стали хватать его за плечи и толкать вперед. Ди-джей поприветствовал Христиана и положил ему на плечо руку в громоздких золотых часах.

— Ну, хорошо, а теперь назови нам свое имя.

— Христиан.

— Привет, Крис. Я Князь Силы. Все зовут меня просто Князь. Итак, откуда ты?

— Я из Гибельтауна.

— Ну, я вижу, ты давненько не был дома. Знаешь, а ведь все это насилие действительно сплотило людей. (Одобрительные восклицания и свист толпы). Да, народ, так и есть, — Князь показал всем большие пальцы рук. — Там было множество митингов, ночных бдений при свечах, там все теперь совершенно по-другому. Они даже переименовали свой город — теперь это Лайт-сити.*

“ Давай посмотрим, удастся ли
нам сделать тебе предложение,
от которого ты не сможешь
отказаться ”

Только многолетний опыт выступлений перед микрофоном позволил Христиану скрыть свое недоверие:

— Хорошо, я очень рад это слышать.

— И ты идешь...

— Я иду в Небесный Гр...

— Ну, ладно, давай посмотрим, удастся ли нам сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться, — ди-джей незаметно сменил свой тон веселого зазывалы. — Эй, ребята, вы можете смотреть прямую передачу на экране позади фургона, а мы пока зайдем внутрь.

Движимый любопытством и нежеланием устраивать сцены, Христиан позволил завести себя в фургон. *«Этот фургон, вне всякого сомнения, стоит прямо на моем пути, ну и, кроме того, обычно я весьма неплох в игровых шоу».*

* От англ. *Light-city* – Город Света. – Прим. ред.

Большой блок видеомониторов внутри фургона окружал два кресла и микрофон.

— Смотри сам, дружище. Все действительно изменилось.

На мониторе Христиан видел знакомые лица и события, произошедшие в его родном городе — похороны в Нордсайде, которые он смотрел из номера мотеля, службу в память о жертвах взрыва бомбы, погибших в тот день, когда он покинул город. Как в быстро сменяющихся друг друга кадрах новостей он видел бдения при свечах, протесты возле мэрии, большие общегородские митинги и концерты, где люди держались за руки и пели хором.

— Теперь это совершенно другое место, Крис. И там по тебе действительно скучают. Монитор заполнили лица его родителей — грустные, подавленные. Мать подходила к пианино и брала с него фотографию, где Рейчел, Филип и он стояли перед рождественской елкой. Сев в кресло, она держала фотографию на коленях, а затем подносила ближе к лицу, изучая их лица. Она тяжело вздыхала, и ее глаза наполнялись слезами. Отбойные молотки раскаяния сокрушали самообладание Христиана. Как никогда раньше, он обратил внимание на сеть морщин, которой начало покрываться лицо матери, и на поникшие плечи отца.

— Это будет для тебя новостью, но твоя бывшая невеста Мэг ушла от Джейсона, — на другом экране, рядом с родителями, вспыхнуло яркое цветное изображение Мэг. Она перевозила вещи в новую квартиру, распаковывала ящики, то и дело останавливалась, чтобы полистать старый фотоальбом. Христиан затаил дыхание, когда она провела пальцами по снимкам, запечатлевшим их вылазки в горы, и подолом рубашки вытерла пыль с забавных фото, сделанных в будке фотоавтомата. Она закрыла глаза и прилегла на диван, положив альбом на колени. Ее плечи слегка тряслись.

— Понимаешь, она вышла за Джейсона, потому что хотела надежности в жизни... так сказать, никакого тонкого льда под ногами. Но она всегда любила тебя.

Христиан протянул руку к монитору, словно стремился погладить ее по мокрой щеке: «О, Мэг... Мэг...»

На третьем мониторе загорелось изображение его банка и его друга Брэда, занятого с одним из клиентов. Пара ударов по клавишам — и Князь вывел на экран банковский ба-

ланс Христиана. Тот показывал, что на его счету по-прежнему остается несколько тысяч долларов. Еще пара ударов по клавишам — и на экране появился новый остаток на счету... миллион долларов.

— Крис, — голос Князя был ласков. — Возможно, твое решение уйти оказалось несколько поспешным. Это было тяжелое время. Ты не был единственным, кто покинул город. Но сегодня все не так; ты можешь вернуться. Тебе даже не нужно будет проделывать весь обратный путь. Просто скажи слово — и в следующий миг ты будешь стоять на пороге у Мэг. Ты можешь пообедать со своими родителями. Я говорил тебе, что я Князь Силы. Я правлю эфиром; я владею этим городом. Я могу сделать так, что все это произойдет. Эти деньги на твоём банковском счету настоящие. Ты можешь вернуться на свою старую работу. Ты можешь получить любую работу, какую захочешь. Просто скажи: «Да, Князь», и в одно мгновение ты можешь получить ту жизнь, о которой всегда мечтал. Просто скажи это, Крис.

Он был там. Он стоял на пороге у Мэг, погрузив лицо в ее душистые длинные каштановые волосы, ощущая тепло ее тела в своих объятиях. Они смогут начать новую жизнь, построить дом своей мечты, план которого они набросали, сидя перед камином той снежной ночью. Он мог бы основать свою собственную маркетинговую компанию и сделать ее лучшей в городе. Он знал, как это сделать. Он мог вкладывать деньги в курорты, наслаждаясь VIP-обслуживанием на каждом из них.

Христиан медленно отвел глаза от монитора и уставился в пол.

— Что ты сказал? — он устремил взгляд на Князя, освещенного сиянием мониторов. — Как ты только что меня назвал?

— Я сказал, Крис... или Христиан, — какая разница? Я сделал тебе предложение...

Христиан незаметно сунул руку в карман и постучал пальцем по Свитку.

— Какого ты... что у тебя в...

Мониторы тут же пропали. Стенки фургона испарились, глазевшая на экран толпа исчезла. Христиан пристально всмотрелся в расширявшиеся и менявшие цвет с синего на желтый глаза диджея, зрачки которых превращались в узкие

змеиные щелки. Только тот уже больше не был диджеем. Его широченные плечи и длинная шея вздымались над Христианом, радужные чешуйки сверкали на солнце. Тряхнув драконьей головой, он сложил крылья и прижал их к туловищу. Его хвост рассекал воздух в двадцати метрах позади от огромной львиной пасти и широких когтистых, как у медведя, лап. Он фыркнул и дунул над головой Христиана, наполнив долину пламенем, вырвавшимся изо рта.

Весь дрожа, с желудком, стремящимся вывернуться наизнанку, Христиан, тем не менее, сохранил достаточно присутствия духа, чтобы дотянуться до рюкзака и схватить ручку щита.

— Это была ложь! Все, что ты говорил мне, было ложью!

— Отнюдь, — покачал головой дракон. — Слегка искаженное представление атмосферы, царящей в твоём родном городе. Там по-прежнему идет бурная подспудная деятельность, но, по крайней мере, на поверхности теперь все относительно спокойно. Остальное — правда, — тварь выгнула шею и расправила крылья. — Я — Аполлион! — он дал этим словам эхом прокатиться по долине. — Князь Силы, господствующий в эфире... и в воздухе — ухмыльнувшись, добавил он. Вся твоя родина в моей власти, и ты — мой подданный, — он опустил голову до уровня глаз Христиана. — И, тем не менее, я желаю сделать тебе это предложение.

— Я больше не Крис, я Христиан, — его голос постепенно повышался. — Я не просто путешествую. Я — новый человек с новой миссией. Я уже присягнул на верность Царю, а не какому-то ящероподобному Князю, — он с наслаждением давал волю своему темпераменту. — И я выбираю Царя, Его службу, Его плату, Его служителей, Его правление, Его общество и Его Царство, а не тебя. А потому, — прочь с моего пути! *«Да, да, вот так, гаг летучий»*.

— Подумай еще раз, дорогой Крис, — сказал дракон, складывая крылья. — Его Путь полон боли и разбитых мечтаний. Его служители по большей части плохо заканчивают. Неразумно идти против меня и моего пути, — вздымаясь над долиной, дракон, перешел на крик. — Могут ли быть сомнения, что эта земля и это новое тысячелетие — мои?! Движущая сила истории изменилась. Это мой звездный час! — он вновь качнул головой в сторону Христиана. — Включи теле-

визор, — прошипел он. — Загляни в задние помещения судов или Конгресса. Внимательно прочти каталог университетских курсов. Могут ли быть сомнения во власти моего слова, моих идей?

С проворством, необычным для дракона, Князь зашагал назад и вперед.

“ Никто больше не почитает
твоего Царя! Они привыкли думать,
что Он добр, но Ему слишком
трудно служить. ”

— Никто больше не почитает твоего Царя! Они привыкли думать, что Он добр, но Ему слишком трудно служить. Теперь они смотрят на Него, как на ограниченного, нетерпимого, безжалостного фанатика, каким он в действительности и является. Своекорыстный, самонадеянный нытик! Если Его не все удовлетворяет, Он обрушивает землетрясения и призывает ураганы. Его никогда нет рядом, когда нужна помощь. Сколько его последователей были преданы позорной смерти! Ты думаешь, служить Ему лучше, чем мне? В самом деле! Он никогда не появляется, чтобы спасти тех, кто Ему верен. Что же до меня, то сколько раз — это хорошо известно всем в мире, — показывался я? Я верен своим обязательствам! Силой или обманом, я всегда спасаю своих.

— Ты все извращаешь! — Христиан нанес ответный удар. — Если Он не торопится спасти своих, то лишь для того, чтобы доказать, что все, чего мы действительно желаем, можно найти в Нем. Он развеивает наши приземленные мечты, чтобы мы могли искать высших! А что касается плохого конца, к которому, по твоим словам, мы приходим, то ты забываешь: смерть — еще не конец. Если мы терпеливо относимся к Его промедлению, то делаем это ради славы. И мы *обретем ее*, когда наш Царь и Его *лучшие* ангелы явятся во всей своей славе!

— *Лучшие ангелы!* — долина наполнилась неистовой яростью Аполлиона. — Я — *Враг* этого Царя. Я ненавижу Его личность, Его законы, Его людей и Его «лучших ангелов». Я беру свое предложение назад. Теперь я против тебя.

Мысли о Великом Рыцаре и его сынах придали Христиану смелости, когда он дважды сжал ручку щита. Вспыхнуло защитное силовое поле.

— Берегись, Аполлион. Я иду по Царскому Пути.

Широко расставив ноги, Аполлион, смеясь, перекрыл весь путь.

— Клянусь самым адом, ты не пройдешь дальше. Я сотру в порошок твою душу прямо здесь! — он пустил огненную стрелу прямо в Христиана. Искусным движением щита тот отклонил стрелу. Аполлион быстро приблизился к нему, пустив целый поток стрел. Христиан пытался орудовать щитом так, чтобы огненные стрелы отскакивали рикошетом назад в дракона. Но когда ему это удалось, его постигло разочарование. Стрелы отскакивали от Аполлионовой чешуи точно так же, как от щита.

С безошибочностью опытного бейсболиста Христиан орудовал щитом. Он со все большим мастерством парировал удары и тратил на это все меньше усилий. Однако, осознавая также, что никогда не выиграет битву, если будет только защищаться, он сунул руку в карман за Свитком. Его правая рука лишь на миг осталась без прикрытия, но этого оказалось достаточно, чтобы в нее попала стрела. От боли, пронзившей тело, он чуть приподнял щит, и еще одна огненная стрела попала в ногу. Христиан ощутил, как жгучая боль пульсирует во всем теле, и диаметр его щита уменьшился.

Христиану пришлось прилагать больше усилий, чтобы защитить себя, однако он был в хорошей форме, и битва продолжалась. Вновь и вновь он пытался сунуть руку в карман, однако правая рука стала практически бесполезной. Его дыхание становилось все тяжелее. Краем глаза он видел лужу собственной крови, скапливающуюся под ногами. Диаметр щита снова уменьшился. Христиан попытался перехватить щит раненой правой рукой и залезть в карман левой, но промахнулся и огненная стрела обожгла левый висок, повалив его наземь.

Аполлион воспользовался этой возможностью, чтобы подойти к Христиану поближе.

— Дорогой Крис, — глумилось чудовище, — неужели ты не видишь, что я лишь играю с тобой? Я могу убрать тебя с моего пути в любую минуту.

Христиану удалось сесть, и теперь он двигал руку к карману.

— Но, изгоняя тебя из своего царства, я хочу, чтобы ты покидал его с правильной точной зрения. Мы не можем позволить тебе уйти в славе, с чувством, что ты хорошо сражался. Я уже говорил тебе, каков в действительности твой Царь. Теперь позволь мне показать тебе, из чего в действительности сделан *ты*.

Ноги Христиана были неловко вывернуты и он не мог засунуть раненую руку в карман достаточно глубоко, чтобы стукнуть по Свитку. Находясь в весьма уязвимой позиции, ему удавалось по-прежнему удерживать щит, но тот имел в диаметре всего около тридцати сантиметров. Тварь легко уклонялась от него, извергая дым, который каким-то образом приковывал к земле истекающего кровью и неспособного пошевелиться Христиана. Внезапно перед ним материализовался огромный экран.

— Знаешь, с тех самых пор, как ты стал служить своему Царю, ты был прискорбно неверен Ему. В сущности, я не думаю, что тебя ожидает много славы.

Не в состоянии произнести ни слова, Христиан про себя подыскивал доводы в свою защиту. *«Да, я совершал ошибки, но Царь знает, что у меня в сердце. Он не назовет меня "неверным"»*.

— О, будь уверен, назовет!

«Значит, ты можешь читать мои мысли. Тем лучше. Ты узнаешь, как я презираю тебя, а мне не придется напоминать для этого мой былой словарный запас».

— Как мило, — ухмыльнулся Аполлион и наступил Христиану на ногу, раздавив ее в лепешку. Хрустнули кости, и кровь потекла быстрее. Перед Христианом замерцали огромные, как экран на стадионе, картины первых дней его странствия. — Едва ты вышел в путь, как легкий намек Уолдли Вайсмана на опасность навешивания ярлыков направил твой бег в Холмы Внутреннего света. Это прекрасный район страны, но отнюдь не тот, о котором особо заботится твой Царь. Ты едва не захлебнулся в Топи Уныния.

А в Пирамидах Приятного Убежища ты забыл и о своем Свитке, и о своем странствии, и едва ли не о своем существовании, — тебе хотелось только доставить себе удоволь-

ствие. Тебя почти уговорили повернуть назад при одной лишь мысли о львах. И даже рассказывая о своем путешествии в Чертоге Великолепие — обо всем, что ты видел и слышал, — ты слегка приукрасил свои заслуги, не так ли?

«Все это и многое другое правда. Но мой Царь милостив и готов простить».

— Ты так думаешь, да? Знаешь, ты о себе слишком высокого мнения.

Место действия перенеслось на встречу его класса по случаю десятилетия выпуска. Он прибыл на нее сидя в новеньком БМВ, нежно поглаживая новый начальственный костюм и галстук. Он старался почаще поглядывать на свои новые тонкие золотые часы, сыпя названиями пятизвездочных курортов и ресторанов, словно бисером перед свиньями. Все девушки, слишком классные, чтобы обращать на него внимание десять лет назад, выстраивались в очередь, чтобы с ним потанцевать, и он наслаждался их долгожданным вниманием.

— Ах, гордыня... как раз самый любимый мой грех. Твой тоже, надо сказать. Такой естественный! И, фактически, столь же пагубный, как гнев. Ты думаешь, Он готов прощать твою неистовую ярость снова и снова? — Душа Христиана зарыдала, когда он увидел себя набрасывающимся на Мэг — отшвыривающим ее в сторону, прямо на стену, когда он взрывался не дома; яростно трясушим ее за плечи во время каких-то давно забытых мелких размолвок. И наихудшее — его пальцы сжимают ей горло, а он со вздувшимися от ярости венами орет ей прямо в лицо.

Камера не последовала за ним, когда он покинул комнату. Она задержалась, выхватив крупным планом слезы и выражение унижения на лице Мэг, а затем показала, как на следующий день она смотрит в зеркало, дотрагиваясь до синяков, и слезы снова текут по ее щекам.

Последовали сцены, которых он никогда не видел — изображения Эми, проходящей с опущенной головой сквозь молчаливый строй протестующих, направляясь в больницу на «процедуру». Брошенная Эми — женщина, которая была после Мэг. Эми в больничной рубашке с поднятыми раздвинутыми коленями, глядящая, отвернув голову, в стену. На экране в кадре появился он, играющий с пар-

ниями в бассейне. Его глаза сканировали помещение в поисках следующей Эми.

Но эпизод не закончился больницей. Камера проследила за хрупкими детскими ручками и крошечными пальчиками в контейнере для медицинских отходов — от «процедурной» до мусоровоза и от него до мусорной свалки, где они стали добычей птиц и бульдозера.

— Ты думаешь, Он забывает *такое*?

Камера перенесла Христиана в бездну внутренней тьмы. Чудовищная боль душила его, не давая вздохнуть, — боль в десять раз худшая, чем от физических ран.

— Это не напоминает тебе убийство? — Аполлион выдохнул идеальное кольцо дыма. — Если нет, у меня заготовлен для тебя другой эпизод. Думаешь, Он простит и забудет *настоящее* убийство?

«Не-е-ет. Боже, пожалуйста, не позволяй ему, пожалуйста, не...»

— Ой, ой... ну, хорошо... давай посмотрим, остановит ли Бог этот показ. Итак... нет, шоу продолжается.

Христиан вновь попытался закрыть глаза, чтобы не видеть происходящего.

— Нет, я думаю тебе *действительно* нужно посмотреть на это.

Он в ужасе уставился на себя, восемнадцатилетнего, подбивающего младшего брата залезть на крутую скалу. Он знал, что это будет сложнейшим испытанием для него самого, и еще большим — для Филипа. «Ладно, ты можешь остаться здесь внизу и смотреть, — сказал он, дразня Филипа. — Я думаю, ты прав, это совершенно не твой уровень». Он одарил брата ранней, мерзкой версией своей убийственной улыбки.

Вместо общего плана их восхождения появилось изображение крупным планом рыжих волос и лица Филипа. Глаза, в которых отражалась решимость, борющаяся со страхом, раздраженно стиснутые зубы и красные от унижения щеки. Чем выше они поднимались, тем больше страх брал верх над решимостью. Страх, переросший в панический, после того, как Филип пару раз поскользнулся, а восхождение стало еще тяжелее. «Эй, Крис, я не могу больше. Давай вернемся. Я не шучу... Я боюсь». — «Вперед, слабак!»

Он тогда сказал это, даже не обернувшись, чтобы взглянуть на брата. Однако сейчас он видел, как в глазах Филипа вспыхнули боль и отчаяние. Брат остановился, а затем еще раз попытался догнать его, но лишь опять поскользнулся, а затем с трудом вскарабкался до отметки примерно в трех метрах ниже его. Потом он сам обернулся и глянул вниз как раз в тот момент, когда брат не удержался и упал с почти двухсотметровой высоты, приземлившись с глухим стуком на груду камней у подножия скалы. Картина была такой реальной, такой яркой. Точно как в тот день, двенадцать лет назад. Густой дым валил из-за закрытой двери в его сердце.

Затем были похороны и кадры опустевшего нижнего спального места их двухъярусной кровати. Езда в школу в одиночестве. Опустевшее место за столом. Никогда не виденные им полные боли и отвращения взгляды матери ему вслед, когда он выходил из-за обеденного стола.

Двери распахнулись и пламя чувства вины и угрызений совести поглотило его. Христиан снова посмотрел вниз на растущую лужу собственной крови. Приятно было видеть, что ее так много. Даже если в этом не было славы, это могло, по крайней мере, означать скорый конец. Аполлион взревел от радости.

Слабый шум коснулся его ушей, возвращая к реальности. Из наушников, по-прежнему висевших у него на шее, доносился записанный на Свитке голос, достаточно громкий, чтобы его слышать:

«Бог есть совершенное милосердие и благодать. Он прощает все твои грехи — все». — «Даже убийство?!» — «...Все. Будь бдителен. Дьявол всегда готов к нападению. Сопrotивляйся ему».

«Сопrotивляйся ему... Сопrotивляйся ему... Сопrotивляйся ему...» Христиан сосредоточил все свое естество на этих двух словах. Его рука продвинулась немного глубже в карман. «Он прощает все. Сопrotивляйся ему. Он прощает все. Сопrotивляйся ему». Христиан вновь и вновь повторял про себя эти живительные слова. Его рука все глубже продвигалась в карман. В конце концов, она добралась до Свитка, направленного в сторону Аполлиона. Он не имел ни малейшего представления, оторвет ли себе ногу или по-

падет в цель, однако дважды нажал на Свиток указательным пальцем.

Делая вдох, чтобы нанести последний огненный удар, Аполлион глянул вниз. Его броня облазила; радужные чешуйки осыпались, устилая дно долины. Затем начала облазить незащищенная кожа. По всей длине тела начала сочиться и капать его собственная кровь. Князь Силы, изрыгая проклятия, расправил свои драконьи крылья, поднялся в воздух, которым он правил, и умчался прочь.

Христиан, по-прежнему держа руку в кармане, упал на спину, вытянувшись на пропитанной кровью земле. Даже без Аполлионовых кадров его собственные пробудившиеся воспоминания продолжали подливать масла в пылавший в нем адский огонь. Он вспомнил безумный спуск со скалы, замешательство над изломанным телом брата, его бледное веснушчатое лицо. Он не знал, как оказывать первую помощь в такой ситуации, а потому понесся назад к лагерю, крича о помощи.

Затем он догонял перепуганного отца. Он даже не успел дойти до груды камней, когда отец пробежал мимо него с Филипом на руках.

Машина неслась к находящемуся в пятнадцати минутах езды курортному городку, где была больница. На заднем сидении мать и сестра баюкали залитое кровью мертвенно-бледное тело Филипа. Отец ехал так быстро, что Христиан боялся смотреть в лобовое стекло, когда машина проходила один крутой поворот за другим. Он думал: *«Когда ты признаешь, что это бесполезно и прекратишь эту гонку, которая убьет нас всех?»* И в следующий момент: *«Ну и что будет, если это случится?»*

Позже он мог только рассматривать кровавые пятна Роршаха на полу приемного покоя, ожидая пронзительного крика матери, означающего, что его брат мертв, а сам он проклят.

Где-то на заднем плане раздавалось приглушенное гудение обычных для приемного покоя разговоров. Один голос звучал отчетливее остальных: «Бог есть совершенное милосердие и благодать. Он не обращается с нами так, как наши грехи того заслуживают». Шум приемного покоя постепенно стихал, но голос продолжал звучать: «И как далек от заката

восход — так удалил Он от нас грехи наши». Наушники на шее вернули его обратно к дыму и пеплу и твердой земле под ними: «И как возвышаются над землей небеса, так сильна Его любовь к боящимся Его».

Сцены из фильма Евангелиста всплывали в его мозгу и смывались потоком воспоминаний о его разбитой жизни. Лоск его начальственного костюма. Бичуемый Иисус. Синяки Мэг. Гвозди в Его руках. Бесчестье Эми. Иисус, изуверченный и обнаженный, стоящий на виду у всего народа. Тело Филипа, изломанное о скалы. Тело Иисуса, безвольно провисшее на кресте.

Собственные переживания у креста тянули Христиана, вырывая его из мрака, назад, к вершине бесплодного холма. Он почти ощущал, как его пальцы вновь дотрагиваются до отполированных миллионами рук сучков и трещин на грубо отесанных бревнах; его руки обнимают крест, держась за него изо всех сил. Слезы стекали по лицу, смешиваясь на каменистой земле с его кровью. *«Ах, Иисус... я снова... ощущаю это время... эти последствия. Но сегодня... вот, какой я есть...на самом деле».* Резкое крещендо слез и боли постепенно затихало. *«Однако... даже при всем этом Ты любишь меня... и прощаешь мне... все».*

Некоторое время он лежал неподвижно, и благодать Божья исцеляла нанесенные самому себе раны.

Затем он увидел самое странное из когда-либо виденных им зрелищ — появившуюся из ниоткуда руку — одну лишь руку, — держащую несколько листьев.

косив глаза, Христиан пытался рассмотреть это видение: сильную, правильной формы руку, неподвижно повисшую в воздухе. В наушниках затрещало: «Листья древа жизни для исцеления народов».

С огромным усилием он поднял раненую правую руку и дотронулся до... настоящих листьев. Рука тут же исцелилась. Он медленно отвел руку и повертел ею, глядя на нее в изумлении. Затем взял предложенные листья и провел ими по лбу. Головная боль прекратилась... мгновенно. Со странной улыбкой на лице он сел, стянул обувь и носки, и провел листьями по обожженным, разбитым и окровавленным ногам. Тот же результат. Можно даже встать. *«Никакой боли. Невероятно!»*

Рука исчезла. Так же, как и его раны.

Христиан смотрел на крошечный осколок небес в своей руке. *«Лишь три листка, и вся моя жизнь мгновенно переменялась. Только... одно прикосновение»*. Он ощупал свою новую кожу. Никаких болезненных ощущений или следов ожогов.

Он попробовал пройтись и обнаружил, что все органы находятся в рабочем состоянии. *«Это... это... Господи, если только три листка из Небесного Града имеют такую ценность... то*

каково же будет все остальное?» Христиан закрыл глаза и вдохнул их слабый, но различимый аромат, — похожий на запах леса после дождя с легким оттенком мяты. Открыв глаза, он изучил мрачный горизонт, а затем закрыл их вновь, вдыхая небесный аромат. Фимиам его молитвы вознесся к Отцу. Тот знал абсолютно все его побуждения и самые тайные желания, и при этом продолжал любить его. Вместе с молитвой к небесам вознеслось его невыразимое восхищение Богом.

“ Бывают времена, когда
действительно комфортно
верить, что наши собственные
представления о реальности
и есть сама реальность ”

Ближе к вечеру муки голода — верный признак исцеления — заставили его порыться в рюкзаке. После бутерброда с ветчиной и грозди винограда он немедля ринулся одолевая дистанцию между этой долиной и Небесным Градом.

Весь оставшийся путь по долине Христиан держал Свиток в руке. «*На случай, если вернется Аполлион*». Но путешествие продолжалось без неожиданностей. Дорога в конце долины полого пошла вверх, чтобы тут же начать спускаться в другую долину. Ржавая табличка, прибитая к стволу кривого дерева, гласила: «Долина Смертной Тени». Надпись в нижней части таблички, сделанная красной краской из баллончика, добавляла: «Оставь надежду всяк сюда входящий — ты знаешь правила». Стоило ему заинтересоваться, что за шутники могли это сделать, как появились двое молодых людей в измазанных красной краской штанах и рубашках, раскрашивавшие склон долины.

— Куда вы направляетесь? — приветствовал их Христиан.

— Назад! И если ты не хочешь спятить, тебе лучше повернуть назад прямо здесь.

— Но почему? В чем дело?

— Мужик, ты не представляешь! Там темень — хоть глаз выколи. Там ничего не видать, но зато услышать и почув-

ствовать можно такое... — Судя по выпученным глазам, эти двое юношей были явно потрясены.

— Вы верите в ад? — спросил невысокий парень, понизив голос.

Христиан ткнул пальцем на предательские пятна краски на полах его рубашки:

— Наверно, больше чем вы.

— Там, внизу, люди... они вопят и стонут, — продолжал низенький.

— И твари, которые там носятся и бросаются на тебя, — добавил его более рослый приятель. — Напугали меня до чертиков. Я туда не вернусь, исключено.

— Лучше пройти *через* это, чем *в* этом закончить. Подобная перспектива не кажется вам более пугающей?

— Не-е-е-е! — рослый решительно мотнул головой. — Мужик, ты не понял. Ад — это такая одна большая тусовка, типа вечеринки. Плохие парни. Плохая музыка. Плохие женщины. А не толпа вопящих и плачущих неудачников, — он ткнул назад через плечо. — Слышь, Туз, давай просто пойдем назад тем же путем, как пришли. Ребята направились по дороге вверх и свернули с Пути в сторону серых холмов. Низенький оглянулся на Христиана. Его темные глаза были полны искреннего страха.

Сам лишь недавно уверовавший в реальность ада, Христиан сочувственно смотрел им вслед. *«Бывают времена, когда действительно комфортно верить, что наши собственные представления о реальности и есть сама реальность»*.

Идя вниз по дороге, он не знал, отчего так темнеет: заходит ли солнце или сгущаются тени долины. Свет постепенно угасал, и вот, уже на довольно большом расстоянии от таблички, он обнаружил, что оказался во тьме, так напугавшей тех двух ребят. Христиан мог продолжать идти лишь благодаря приглушенному свечению каменистого Пути. Он с трудом различал что-либо дальше, чем за шаг. Его дыхание становилось все чаще. Ему отчаянно хотелось побежать, но в этом случае пришлось бы выходить за пределы видимости.

Он шел, еле отрывая ноги от земли и пнул несколько попавших под ноги камешков. Те отлетели влево от дороги, но

он так и не услышал, как они упали. Заинтересовавшись этим, Христиан вынул из кармана монетку, метнул ее влево от тропы и, задержав дыхание, стал ожидать, когда она плюхнет в воду или ударится о какую-нибудь поверхность. Ничего. Он метнул еще одну монетку вправо и услышал, как она покатилась вниз и исчезла, проглоченная в темноте, словно огромным жадным до монет водоворотом.

Он не мог избавиться от детского воспоминания о Бездонном колодце в глубинах Мамонтовых пещер. Проводник, бросавший туда никогда не звеневшие монетки, рассказывал, как они спускались по веревке на целые километры в зияющую темную бездну, но так ни разу и не достигли дна. Когда они проходили мимо колодца, он мертвой хваткой вцепился в руку отца, испытывая беспричинный страх, что его может каким-то образом засосать в колодец, и он навеки провалится в Черное Ничто. Теперь он шел во мраке по узкой дорожке всего в нескольких сантиметрах от пустоты. Все его тело покрылось потом.

Христиан медленно, шаг за шагом продвигался вперед. Он начал слышать доносящиеся из рва далекие и неясные голоса. Чем дальше он шел, тем больше улавливал обрывки шепота и стенаний.

— Ты разрушил мою жизнь! Не надо было тебя слушать.

— Кто, я? — инстинктивно спросил Христиан. — Кто здесь?

Не обращая на него внимания, тоненький требовательный голосок визжал:

— Если бы ты не заставил меня переехать, не увез меня от всех моих друзей... заставил детей покинуть родные места... продолжаешь искать эту золотую жилу... еще всего одно верное дело, еще один новый партнер... смогу ли я когда-нибудь осесть, завести друзей, построить дом, наладить жизнь?

Женский голос звучал все громче:

— Почему ты никогда не мог сказать «нет» своей матери? Мы никак не могли иметь *собственную* семью, своих собственных друзей. О нет, мы всегда должны были быть с *твоей* семьей, постоянно сующей свой нос в наши дела, сыплющей фарисейскими советами, как нам воспитывать детей...

— Не могу понять, зачем я вообще связалась с тобой? Мне надо было выйти за Роберта. Он, по крайней мере, обеспечил своей жене и детям надежный дом... Я могла бы быть счастливой с Робертом. Почему ты...

Вечный монолог затих вдали. Христиан покачал головой, желая знать, как кто-то может, в конце концов, оказаться в этой черной дыре ожесточения. Как женщина, чья жизнь в общем-то сложилась, — муж, дети, собственный дом — женщина, которая стояла полная радости перед алтарем, которая качала на руках своих новорожденных детей и с улыбкой ждала будущего, могла деградировать до этого болезненно взбешенного голоса? Жертва навеки. «Почему ты выбрала это, а не Жизнь с Отцом во всей ее полноте? Гордыню и гнев, а не прощение и веру в Бога?» Однако еще до того, как эта мысль оформилась, за ней оформилась другая. «А почему ты ждал тридцать лет перед тем, как выбрал Жизнь?»

Затем он смог разобрать еще один голос.

— Ну, вот, а была еще сцена в «Ах, Ромео!», где Джульетта падает с балкона и будит своих родителей.

Христиан почти улыбнулся.

— Да, это было смешно. Кто ты? — крикнул он.

— И еще, о да, тот великолепный момент в самом конце «Приятелей», когда Пуч приходит на могилу Лестера, кладет на нее надувные шарики и говорит: «Держи, дружище, это должно поднять твой дух».

Поток воспоминаний ярких моментов из фильмов приостановился.

— До чего же скучно! — сетовал голос.

Чуть наметившаяся улыбка Христиана погасла:

— Вы слышите меня?

— Мне так скучно! Это неинтересно! Здесь нечем заняться. *Vserga!*

Христиан закричал, как только мог громко:

— ВЫ СЛЫШИТЕ МЕНЯ?

— Ладно, возьми себя в руки; а еще была маленькая девочка, которая пришла к маме и сказала: «Мамочка, возле моей кровати сидит мертвая женщина. Я могу ее видеть!» — голос засмеялся. — «Я могу ее видеть» — «Хорошо, деточка», — смех стал истерическим. — «Ты можешь видеть

мертвую женщину?! Это, конечно, мило — ведь ДАЖЕ Я НЕ МОГУ ВИДЕТЬ САМОГО СЕБЯ! — голос завизжал. — УМОЛЯЮ! ЗДЕСЬ ТАК ТЕМНО... И МНЕ ТАК ОДИНОКО... и здесь нет никого... никого, кроме меня».

Христиан чувствовал себя зевакой, который сбрасывает скорость возле места аварии, чтобы лучше рассмотреть жертв автокатастрофы. Врезавшиеся в стену последней реальности. Развлекавшиеся до смерти. Сколько смешных эпизодов из фильмов они с ребятами вспоминали долгими часами? «А часами, которые тянутся без конца? В одиночестве?» Подобно парню, проезжающему мимо стеклянной крошки и искореженного металла, оставшихся от автомобиля лихого водителя, только что пронесшегося мимо, Христиан ощутил всю узость дарованного ему Пути. С огромными усилиями он двинулся дальше.

Взглянув направо, Христиан увидел плавающие огни — желто-голубые и светло-оранжевые языки пламени, вырывающиеся из глубокого кратера, полного раскаленной лавы. Какая-то невидимая тварь с писком и бормотаниями пронеслась над головой. Он рванулся назад, споткнулся и едва смог устоять. Невидимые существа носились вокруг так близко от него, и Христиан боялся, что какое-нибудь демоническое создание, рассекая воздух над головой, заденет его острыми, как бритва, когтями и заставит сойти с Пути.

Сдерживая постоянные порывы шагнуть в сторону или пригнуться, он старался сохранять равновесие и двигаться вперед. Христиан вытащил из кармана Свиток, постучал по нему и обшарил лучом обступающий со всех сторон мрак. Путь подходил к кратеру. Огромные огненные смерчи с ревом вырывались из кипящего котла и обдавали Христиана опаляющим брови жаром. Охваченный таким же ужасом, как во время своего виртуального путешествия к престолу, Христиан едва мог двигаться вперед. Та же тошнотворная вонь и полные невыносимой боли крики. Но на сей раз все было реально, слишком реально. Реальные люди пылали и пылали, никогда не сгорая. Дым от горящих тел ударил в ноздри и заставил глаза наполниться слезами.

Целые стаи пронзительно кричащих демонов бросались на него. Он остановился и помолился вслух, испугавшись, что они могут столкнуть его с узкого Пути в огненный кра-

тер. Они толпились сзади и по сторонам, шепча ему в уши упреки и угрозы.

— Ты — самонадеянный лжец и убийца. Ты потребитель. Ты используешь женщин, зажигая их как свечи на своем алтаре самопоклонения. Ты — наш.

Чем больше он их игнорировал, тем громче и раздраженной они говорили:

— Ты поскользнешься! Мы бросим твоё тело как падаль хищным птицам ада. Твоему Богу нет до тебя никакого дела. Где Он, этот всесильный и всемогущий Бог?

Не отрывая взгляда от дороги, осторожно переставляя ноги, Христиан изо всех сил старался не реагировать на самые вопиющие из когда-либо слышанных им непристойностей и богохульств. Он страстно желал заткнуть уши пальцами, но ему нужны были свободные руки, чтобы сохранять равновесие. В ответ он начал выкрикивать молитвы, не уступая демонам в громкости.

— Боже, смерть смотрит мне в лицо, но Ты властен даже над армиями ада. Прошу Тебя, Боже, спаси мою жизнь! Спаси меня!!

Наконец, нечестивые мучители отстали от него. В наступившей относительной тишине дыхание Христиана успокоилось. Доносившийся из внешней тьмы слева от него шепот стал более вятым. Почти по-детски невинный голос жалобно скорбел:

— Ах-х-х... если бы я мог просто заснуть. Лишь на часок. Смотреть сны и не просыпаться. Будем ли мы метаться в постели вечно? Бывает ли утро во всем этом мраке?

— Привет! Ты меня слышишь? — Христиан не ожидал отклика, но не мог не попытаться.

— Возможно... возможно все это дурной сон. Если это так, то самое время проснуться! Проснуться! Пожалуйста, разбудите меня! Конечно же, это не навсегда. И сон, если только я сплю, просто уйдет... Как это может быть реальностью? Конечно, это все не на самом деле. Я проснусь и все будет...

— Эй ты, на Пути...

Христиана поразил этот голос в темной дали:

— Кто, я?

— Да, ты. Ты ведь на Пути, не так ли?

— Ну да, а ты где?

— Я здесь, на другой стороне пропасти.

— Кто ты?

— Меня зовут Регрет.*

Ошеломленный, Христиан старался подыскать слова:

— Мне... мне очень жаль...

— Нет, это мне положено сожалеть, — несмотря на нотки самоиронии, ее голос был тонким и усталым. — Я была из тех людей, кто думал о Царском Пути, но никогда не мог поверить... не решался довериться.

— Почему?

Громкий вздох:

— Я не могла заставить себя отказаться от единственной вещи, которая была действительно моей — собственной жизни. Мне казалось, что это мой единственный шанс — жизнь ведь только одна — чтобы делать то, чего *мне* хотелось. У меня было столько талантов, так много способностей. Я знала, что могу воплощать свои мечты, осуществлять свои цели. И я хотела этого.

— И ты... достигла своих целей?

— Да, блистательная карьера врача, положенная доля славы и богатства... в общем, достаточно. Ценные связи, куча друзей и впечатлений. Такой себе герой в глазах людей своего круга... но что значат несколько десятилетий такого по сравнению с вечным *этим*?

Христиан не знал, что ответить. Ему хотелось придумать что-нибудь утешительное для этого печального голоса.

— По пути я слышал множество других голосов. Ты не нашла себе какой-нибудь компании?

— Нет.

— Но я слышал людей, взывающих о помощи.

— Да, думаю, мы ничего не можем с этим поделать. Но мы знаем, что никакой помощи не будет. Мы редко смотрим вверх, потому что там не на что смотреть. Только бесконечное время для раздумий о маленьких историях наших жизней.

«Ну, да, историях, которые в конце концов окажутся такими маленькими — всего лишь крошечные точки в темноте». Ужас от иронии происходящего нахлынул на

* От англ. regret – сожаление. – Прим. ред.

Христиана. Если «это все обо мне», то в итоге все произойдет именно *так*, и больше не будет ничего: ни сюжета, ни декораций, никаких других персонажей. Только я. Только бесконечные драматические монологи, которые никто не слышит.

— Мне... действительно очень жаль.

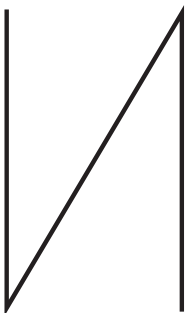
— Мне тоже. Все, что мне дорого и все, кого я действительно люблю, остались где-то далеко. И другие люди будут вечно владеть этим, — утомленный голос заплакал. Постепенно рыдания полностью затихли.

Мало-помалу черный, как в глубине пещеры, мрак стал светлеть, — подобно тому, как на смену лунному свету приходит серый рассвет, — что давало возможность Христиану идти быстрее. Страшно уставший и голодный, он не преминул этим воспользоваться. Когда он смог действительно различать, что его окружает, то отшатнулся от крови и костей, людских останков и изувеченных тел. Груды расчлененных тел валялись повсюду, так что Христиан постарался поскорее обратиться оттуда.

Путь впереди него постепенно устремлялся вверх сквозь тьму, но Христиан не мог начать длинный утомительный подъем. Реальность преисподней не отпускала его, голоса эхом продолжали раздаваться в мозгу. В отличие от тяжести собственной вины, которая была вознесена на крест, или ложных обвинений Аполлиона, сейчас его сердце сжимало бремя вины чужой, которого он никогда так остро не чувствовал раньше.

Христиан мучительно вспоминал всех утраченных друзей и семью. «*О Боже! А как же там мой брат Филип?*» Он остановился и оглянулся назад, всматриваясь в темные глубины. «*О Филип!*» Новые слезы потекли из едва зажившей раны в его сердце. Он искал в памяти любой намек на то, что брат мог бы найти Путь. И вспомнил, что, кажется, в то последнее лето Филип начал ходить со своим другом Энди в какую-то церковь или на группу по изучению Библии.

Его внимание привлек еще один голос: «Даже если Путь проходит долиною Смертной Тени, я не боюсь, когда Ты идешь со мной». Слова доносились спереди сверху. Бросив туда взгляд, Христиан заметил какое-то движение и, немного успокоившись, снова зашагал вперед.

з долины Христиан последовал за голо- сом в каменные холмы. Пара вечер- ных звезд возшла над горизонтом, томясь в ожидании других из своей сверкающей компании. И хотя ноющие ноги не могли быстро преодолевать кру- той подъем, он не жаловался. С него было уже вполне достаточно долин.

— Эй, там, наверху!.. Эй!.. Подождите меня, я сейчас.

Неторопливая тень остановилась и оберну- лась. Христиан преодолел разделявшее их пространство и, напрягая зрение, разглядел знакомое лицо своего соседа и товарища по ут- ренним пробежкам.

— Фидель, ты?! — удивленно воскликнул он. — Это я... Крис.

— Крис? Вот это да! Ты тоже прошел через эту адскую дыру? — Рукопожатия почему-то показалось недостаточно и они, пусть и не- ловко, обнялись.

Христиан внимательно посмотрел на знако- мую эмблему на форме Фиделя.

— Слушай, а мне нравится твой наряд, — сказал он, сбрасывая с плеч рюкзак.

— Ну вот, наконец-то и *ты* надел форму. Пока мы не расслабились, я думаю нам будет

лучше провести ночь там, немного повыше, где дорога слегка изгибается, под вон тем скальным выступом.

Христиан внимательно посмотрел в сторону, куда указывал бывший морской пехотинец.

— Выглядит неплохо. Это ж тебя учили приемам выживания, не меня. Думаю, мои резиновые ноги смогут одолеть еще метров пятьдесят.

Последние пять лет, с тех самых пор, как Христиан переехал в свой спальный район, почти каждое утро они вместе бегали трусцой по дорожкам вдоль аккуратных коттеджей. И хотя этот парень был на пятнадцать лет старше и на пять килограммов тяжелее Христиана, армейская дисциплина заставляла его бегать даже в снег и под ледяным дождем, когда изнеженный напарник оставался дома. Каждый раз, выходя на пробежку, Христиан неизменно находил его у себя перед домом, разминающимся и отпускающим колкие замечания насчет его умственной и физической формы. Христиан только пожимал плечами на диктаторский, в стиле кубинского лидера, подход к тренировкам и приговаривал: «Ну, ладно, ладно, Фидель». Так это прозвище к нему и пристало.

Время от времени они вместе играли в сквош, или, точнее говоря, Фидель *играл с ним*. Даже не играл, а забавлялся. Единственный раз, когда Христиану действительно удалось выиграть, он на следующий день пришел на работу и вывел на электронное рекламное табло возле их офиса надпись: «Крис 15, Фидель 11».

Позже, перед обедом, единственный раз за всю историю их знакомства, Фидель зашел к нему на работу. Он потребовал переигровки тем же вечером и разгромил Христиана со счетом 15:3, после чего посмотрел на него и сказал: «Помести *это* на свое табло». Христиан лишь огрызнулся: «Когда у тебя будет *свое собственное* табло, сможешь сделать это сам».

Несмотря на все это, Фидель понимал, как сильно восхищается им Христиан. Он был простым сельским парнем, который выбился в морпехи, а затем служил охранником в тюрьме. Парнем, который сделал карьеру в этой системе и теперь курировал в тюрьме все сельскохозяйственные работы. И, хотя их мало что связывало кроме спорта, Христиан торопливо прошептал, обращаясь к Богу: «*Спасибо. Спасибо!*»

Фидель покачал головой.

— Скажи, ведь правда, там было просто жутко? Эти постоянно причитающие голоса...

— Да, голоса... это люди, реальные люди. И мысли о том, что люди, которых я люблю, направляются...

— Знаю, я тоже оставил там родных. Двух дочерей, обе замужем, и даже... даже жену.

Христиан услышал боль в голосе своего друга.

— Ты оставил жену?

— Я две недели *уговаривал* ее и дочерей пойти со мной, и они, в конце концов, согласились. Но она каждые пятнадцать минут оборачивалась и, вытянув шею, смотрела на силуэт нашего города. На следующее утро... она ушла. Оставила мне вот эту записку; пишет, что любит жизнь в нашем городе больше, чем меня. И что ей глубоко безразличен какой-то далекий Город, где она никого не знает.

— Однако ты решил идти дальше.

— Это было самое тяжелое решение в моей жизни, — тихо произнес Фидель. — Я добрался до креста и просто закричал во всю глотку. Но... — он остановился и взглянул на Христиана, — это было не первым моим посещением креста.

— Что?

— Двадцать пять лет назад я уже совершал путешествие на тот холм. Но мои планы сорвались, нужно было работать и растить детей в нашем чудесном городе. Ты знаешь, в своей жизни я видел много насилия. Я работал в тюремной системе, после того как демобилизовался из морской пехоты, но все эти мертвые дети, а потом еще и взрыв машины... Знаешь, когда ты ушел, об этом говорил весь город.

“ Должно быть, Он видит во мне
 что-то, чего я сам не вижу ”

— В самом деле?

— Ага, тебя обсуждали в вечерних новостях по телеку и во всех газетах. Узнав об этом, я больше не мог там оставаться.

— Много народу ушло?

— Ну, ходили разные слухи, и была куча обсуждений в ток-шоу о «неминуемой гибели» и твоего «отчаянного путе-

шествия как попытки спастись». Бесконечные повторы кадров с носилками, снующими у школы, воронкой от бомбы, торчащих из-под обломков конечностей. Люди заламывали руки в слезах, глядя на эти впечатляющие кадры. Но после похорон все потихоньку улеглось.

— Как и решимость, — прошептал Христиан, качая головой, — если нет ясного плана борьбы, куда ее можно направить. Они совершенно не понимают, почему все так происходит.

— А если кто-то говорит им почему, они не верят, — тихо добавил Фидель. — Но я поверил.

— Каково это, вернуться назад к кресту?

Бывший морпех отвел глаза и громко вздохнул.

— Не так уж и тяжело, как я думал. Больше слез, чем в первый раз. Но потом — такое облегчение! Знаешь, я снова *обрел себя!* Это было... ну, словно возвращение блудного сына. Я все растрянжирил. Пустые руки, пустая жизнь. Годы, пущенные на ветер. Но когда я попросил у Христа прощения и сказал Ему, что готов вновь начать с того же места, на котором остановился, Он принял меня с распростертыми объятиями. Даже подтвердил то новое имя, которое дал мне столько лет назад... Верный. Какая ирония судьбы, правда?

— Вот это да! Так выходит, твое имя всегда было Фидель*?

— Да, такие вот дела... Парень, который начал, затем бросил, а затем снова продолжил свое странствие, уйдя от жены. Однако Он продолжает звать меня Фиделем — Верным. Должно быть, Он видит во мне что-то, чего я сам не вижу, — его жесткий голос заметно дрогнул.

— Он — специалист в этом, — Христиан похлопал товарища по спине. — Рад познакомиться, Фидель. Меня зовут Христиан.

— Крис, — Фидель посмотрел ему прямо в глаза, — похоже, нам предстоит долгий путь. — И затем, слегка подмигнув, спросил. — Ты ведь собираешься идти дальше?

— А ты сам-то готов продолжать путь?

Подойдя к изгибу дороги, они бросили рюкзаки и свои усталые тела на каменистый склон холма. Было бы неплохо

*Имя Фидель на латыни означает «верный». — Прим. ред.

развести костер, но они удовлетворились свежими персиками, двумя ломтями хлеба и хорошо прокопченным цыпленком из запасов кухни Чертога. Хрустя печеньем с белым шоколадом и орехами, они сравнивали свои впечатления от щедрого гостеприимства Чертога. Беседы за столом Великого Рыцаря произвели на обоих неизгладимое впечатление.

— Да, они расспросили меня, все выяснили и вытащили на свет целый ворох серьезных недостатков в моей семейной жизни. Показали, как многолетняя нехватка духовного руководства с моей стороны способствовала решению Джулианны и дочерей остаться. Широко распахнули дверь для сожалений.

— И, как я догадываюсь, Аполлион с готовностью ухватился за это и едва не наслаждался успехом.

— Брр, не говори.

Воцарилась тишина. Было слишком темно, чтобы разглядеть лицо Фиделя, но Христиан подозревал, что сейчас его выражение точь-в-точь как и у него.

— Я думал, что вполне готов бросить вызов дьяволу. Выхватить свой щит. Пустить в ход световой луч. Знаешь, мысли вроде: «А ну, давай, повелитель тьмы, или как тебя там, подойди сюда, попробуй! Я жду тебя!»

“ Возвращаться, даже для того,
чтобы привести кого-то,
очень опасно ”

— Абсолютно точно! Ха! Я еще сделал Евангелисту самоуверенное замечание насчет того, что сатана «получил свое» при распятии. Он тогда предостерег меня: «Не стоит его недооценивать!» Тот дракон знал, как обойти мою защиту.

— И разорвать твою грудь, вынуть из нее сердце, извлечь из него все и растоптать его.

Звездное воинство в полном составе мерцало над затихшей и погруженной во мрак землей. Светящийся Путь по левую сторону от путников резко сворачивал и огибал следующий холм. Ни ветерка, ни луны. Но эта темнота была дружелюбной, уютной — совершенно не похожей на темноту долины Смертной Тени. Они, вытянувшись вдоль скалы, лежали голова к голове, подложив под головы рюкзак.

— Тебе... тебе являлась рука? — усмехнулся во тьме Христиан.

— Рука с листьями, да, являлась. Интересно, что нам предстоит пережить на пути к тому дереву, с которого их сорвали.

Христиан сонно смотрел на приятеля, делавшего чуть поодаль упражнения на растяжку.

— Фидель, те голоса в бездне... Они не заставили тебя подумать о том, чтобы повернуть обратно?

— Как бы мы смогли пройти все это и не думать о возвращении? — Фидель вытрусил одеяло и начал его складывать. — Но мы не просто оставляем их там. Мы каждый день молимся, чтобы Бог побудил их сердца уверовать в Истину.

Фидель посмотрел поверх головы Христиана на Путь.

— Страстно желать, чтобы люди уверовали в Истину — это правильно. Давай будем искать любого удобного случая поделиться ею с неверующими, которых встретим, идя по Пути. Но, поверь мне, — сказал он, решительно покачивая головой, — возвращаться, даже для того, чтобы привести кого-то, очень опасно.

Христиан встал, отряхнул с себя пыль и начал упаковывать вещи в рюкзак.

— Но я хочу милости! Милости для всех!

— Вот тут осторожнее, — предостерег его Фидель, — ты хочешь милости для тех ребятков, что взорвали банк и устроили стрельбу в школах?

— Нет, — лицо Христиана помрачнело. — Для них я хочу правосудия.

Фидель поднял свой рюкзак.

— К счастью, два парня, которым крайне необходимо принять душ, не в состоянии понять, кто чего заслуживает, — он нахмурился, видя, как Христиан обернулся и бросил долгий взгляд на оставшуюся позади мрачную долину.

У Христиана ныло в груди. *«Почему Бог заставляет меня то и дело склоняться под эмоциональными ударами и гоним столько страданий?»* Наконец его воля обуздала сте-

нания сердца и вынудила тело повернуться. Он посмотрел прямо в обеспокоенные глаза товарища.

— Пошли.

Они уверенным шагом тронулись навстречу радостным лучам солнца. Христиан, продолжая наращивать темп, шел вперед, словно волоча за собой свое ноющее сердце.

После кромешной тьмы ущелья даже небогатое разнообразие серых скал и усталых гравием лощин казалось интересным. Чахлые растения по краям Пути блекло приветствовали возвращение весны. В течение всего этого прохладного утра путники сохраняли спокойное молчание.

Днем потеплело, и между ними завязалась беседа. Поскольку им выпало путешествовать вместе, они решили по очереди рассказывать друг другу истории из своей жизни. Христиан вырос в пригороде, Фидель — на семейной ферме, так что обоим было что вспомнить. К вечеру местность порадовала их низкорослым кустарником, из которого можно было наконец соорудить настоящий костер. Христиан насыпал Фиделю в чашку шоколадной смеси и залил ее кипятком.

— Представь себе горку свежевзбитых сливок, посыпанную шоколадной стружкой и корицей.

— Спасибо, я уж буду просто представлять это таким, как оно есть.

Христиан хихикнул:

— Подумать только, насколько другой была бы моя жизнь, довольствуйся я больше «обычным».

— И как ты пристрастился ко «взбитым сливкам» и «шоколадной стружке»?

— Как я уже говорил, мой папа был ювелиром. Долгие годы он пополнял список клиентов, желавших купить и продать ювелирные изделия, редкостные вещицы, предметы из коллекций. Я помню, как листал журналы, в которых он давал рекламу — ими был просто завален наш старый кофейный столик из дуба и стекла. Изысканные званые обеды, экзотические курорты для богатых и знаменитых... Он брал нас с собой туда, и мы жили в палатке в парках, а он встречался с клиентами в пятизвездочных отелях. Мы ходили после обеда в отель плавать в бассейне, потому что всегда жили где-нибудь неподалеку. Я чувствовал себя Алисой, которая, припав к замочной скважине, жадно ловит взглядом

отблески «Страны Чудес» Парк Авеню — совсем другой жизни, чем на нашей маленькой Парк Лейн.

И мне так хотелось иметь хоть что-нибудь из этого мира. Отец неплохо зарабатывал, но я часто ночами лежал в кровати, пытаясь представить, как мог бы пробраться сквозь замочную скважину и заполнить кусочек Страны Чудес для себя.

— Ну, в конце концов, ты все же пролез через нее.

— Да, но я чувствовал себя слишком маленьким, чтобы радоваться этому.

Проснувшись на следующее утро, Христиан обнаружил, что Фидель полностью поглощен своим Свитком.

— Прочти мне что-нибудь ободряющее, — пробормотал он.

— Я как раз занимался поиском слова.

— «Поиск слова». Что это значит?

— Это когда ты вводишь слово типа «сострадание» и Свиток находит и выдает все стихи, в которых есть это слово.

— С чего ты вдруг решил этим заняться?

— Я изучаю богословие.

— Богословие? Я всегда думал, что богословие — это просто куча религиозной чепухи.

Фидель посмотрел на своего товарища с плохо скрываемым изумлением.

— В Слове Божьем содержится больше, чем просто ободрение. Последнее время мне хочется познавать Бога — узнать Его сердце и разум. Это и есть богословие — Истина о Боге. Если ты не слишком хорошо знаком с Истиной, тебе остается надеяться лишь на собственный опыт. А опыт — штука весьма ненадежная. Ты расскажешь мне о том душевном покое, который ощущаешь, разводясь со своей женой, я расскажу тебе о мире, который ощущаю, когда прошу у Аллаха благословения взять вторую жену. Но где же Истина?

Христиан на миг задумался.

— Фидель, ты не мог бы научить меня братья за дело так же серьезно, как ты? Ну, основательнее, что ли?

— Конечно.

Каждое утро они начинали с того, что вместе изучали свойства и характер Бога. Обсуждения, разогреваемые вопросами Христиана, помогали им по утрам одолевать подъемы и спуски холмистой местности. Послеобеденное время они проводили, рассказывая о себе. Колледж, служба Фиделя в морской пехоте, отчаянные авантюры Христиана на заре его карьеры в мире рекламы и маркетинга.

Каждые пару дней они пополняли запасы в лавках Пастыря, где их приветливо встречали худощавые и обветренные местные жители. Здесь они меняли порожнюю тару на бутылки со свежей водой и разнообразную провизию, включая то, что Фидель называл «бутербродами с перепелами и манной».

Оглядываясь впоследствии на эту часть их пути, Христиан вспоминал мили и мили сострадания, сменяющие друг друга холмы святости и бескрайние равнины осознания Божьего всемогущества. Лежа ночью у обочины Пути, он вспоминал Послание к Колоссянам и не находил себе места в предчувствии следующего приключения. Однако по опыту предыдущих приключений он уже знал, что, если хочет закончить свое странствие хорошо, ему нужно наполнять Писаниями свой разум.

Фидель оказался хорошим рассказчиком, и Христиан вспоминал ночи у костра, полные удивительных историй о Боге. Вроде той ночи в Холмах Святости, когда он, не отрываясь, глядел на костер и слушал рассказ Фиделя о долине с глубокой и широкой огненной ямой, куда обманутые и непокорные израильтяне бросали своих детей, принося их в жертву Молоху. Там до поздней ночи били барабаны, чтобы заглушить пронзительные крики пожираемых пламенем младенцев. Там отцы и матери отворачивались от бойни в надежде, что этот идол благословит их — даст им обильный урожай и тучные стада, — и приносили своих детей в жертву на алтарь процветания. «Когда чужеземные армии выстроились, готовые разрушить Иерусалим, — закончил Фидель, — пророки Божьи указывали обвиняющими перстами на огненную яму в долине, как бы говоря: "я не отдавал такого приказа, мне даже в голову такое не приходило". Даже Бог, знающий людские сердца, ужасался самой мысли о подобном».

Как для простого парня, Фидель знал и употреблял много слов с окончанием «-логия». И в самый разгар его лекции по христологии, или истории жизни Христа, им, наконец, встретился первый признак цивилизации. Они пересекли границу, на которой стоял большой указатель со слегка облупившейся надписью: «Добро пожаловать в Сердцеземье».

Фидель ткнул пальцем в сторону большого красного сердца, изображенного на указателе:

— Выглядит ободряюще.

Полоски деревьев и ручейки извивались по заросшим сухими злаками невозделанным полям, покрывавшим холмы.

Белки и кролики не обращали внимания на проходивших мимо Фиделя и Христиана.

— Они ведут себя, как полноправные хозяева этих мест, — заметил Фидель, щурясь на заходящее солнце. Друзья перешли по мосту речушку, поверхность которой покрыл рябью вечерний летний ветерок, и оказались на безмолвной улице. Отражения двух странников, покачиваясь, не спеша проплыли в темных грязных витринах. Верхняя часть цоколя водонапорной башни была увенчана огромным алым сердцем, обозначающим центр безжизненного города.

Направляясь к башне с сердцем, они проходили мимо длинных, напоминающих склады зданий, тянувшихся по обе стороны улицы. Христиан вытащил фонарик и осторожно толкнул скрипучую дверь. Вдыхая затхлый, отдающий плесенью воздух, они обошли маленький замусоренный вестибюль, ведущий в длинный коридор.

— В этот коридор, должно быть, выходит дверей пятьдесят, — прошептал Фидель.

Христиан распахнул одну из дверей. Его фонарик осветил небольшое помещение три на три метра. Между двумя литыми пластмассовыми койками, покрытыми тощими матрацами, на пластмассовой тумбочке стоял телефон. Встроенные панели возле каждой кровати содержали щель для компакт-диска и кнопки управления персональными телевизорами, укрепленными на дальней стенке. Литые пластмассовые столики под каждым телевизором позволяли постояльцам работать за ними, сидя в ногах кровати.

— Кто бы стал платить за такое жилье? — спросил Фидель.

— Это напоминает игрушечный пластмассовый мотель, — сказал Христиан, — вот только цвет слишком мрачный — серый или темно-коричневый, кто его разберет?

— Ты что-нибудь понимаешь?

Луч фонарика Христиана остановился на маленькой нише в стене возле кровати. Из нее выкатился и упал на пол маленький огарок свечи. Осветив фонариком другую кровать, он обнаружил похожий закуток.

— Хм, может быть, что-то вроде ароматерапии?

Было трудно сказать, как долго это место оставалось заброшенным. Достаточно давно, чтобы им завладели тараканы и пауки. Фидель, снова оказавшись в коридоре, начал яростно счищать паутину с плеч и шапки.

— С таким же успехом можно спать и на улице, — ворчал он.

— Думаю, да, — сказал Христиан. Пока они направлялись к башне с сердцем, он не оставлял надежду, найти где-нибудь хоть чуточку проточной воды.

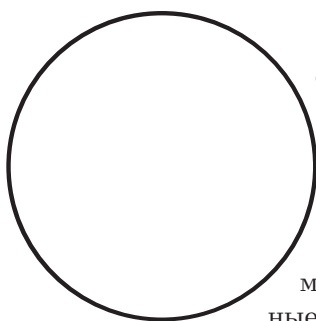
Осмотр еще одного похожего на склад здания выявил ряды проржавевших стиральных и сушильных машин. В другом обнаружилась некая разновидность производственной линии. В одном из зданий сквозь пыльные сумерки проглядывали бесконечные стальные ряды мертвых игральные автоматов. Другое вмещало в себя целый лабиринт полок и стеллажей и выглядело как опустошенный супермаркет после распродажи.

Улица перешла в то, что раньше было парком. Между сломанными скамейками и заброшенными киосками суетились самые тощие, каких только доводилось видеть Христиану, голуби. Он посмотрел на фонтан из неотделанного бетона — огромную чашеобразную конструкцию, высохшую и потрескавшуюся, если не считать небольшой лужи в самой глубокой трещине, полной гниющих водорослей и птичьего помета.

Когда в центре парка они приблизились к скрепленному болтами цоколю башни с сердцем, их глаза широко распахнулись. У Фиделя отвисла челюсть.

— Вот это да! — вырвалось у Христиана.

Они остановились и уставились вверх.

тполированное до блеска лицо, обрамленное мягкими серебряными кудрями, глядело на них сверху, сверкая в лучах летнего солнца. Христиан мог даже разглядеть блеск слез, стекающих из уголков ласковых глаз по монументальным скулам статуи. Пышные складки одеяния без рукавов окутывали трехметровый торс. Над плечами вздымались покрытые серебряными перьями крылья. Нежные золотые руки статуи были призывно простерты ладонями вверх.

Медленно обходя возвышающуюся на пьедестале статую, Христиан тихо присвистнул:

— До чего красивая! — он вытянул вверх руку и провел ею по серебряным складкам одеяния статуи.

— И к тому же популярна, — Фидель указал на ряды расплывшихся свечей, окруживших пьедестал.

Христиан расположился на старом матрасе, возможно, служившем некогда поклонявшимся статуе людям подушечкой для коленопреклонения. Его истосковавшиеся по красоте глаза любовались ангелом, на котором играли отблески зажженной им с Фиделем свечи. А между тем, статуя не была похожа ни на одного из огнен-

ных ангелов на картинках Евангелиста. Она вся была милосердие, в ней не было ни силы, ни могущества.

Ближе к вечеру следующего дня они шли через еще один заброшенный город. Где же здесь дома и кварталы? Они обнаружили нечто показавшееся им школой-интернатом, которую окружали заросшие по колено сорняками спортивные площадки и футбольные поля. Стоя посреди актового зала, они смотрели на ряды разбросанных оранжевых пластмассовых стульев, перевернутых вверх ногами.

— Никогда не думал, что мне будет так не хватать детского шума и возни, — признался Христиан.

На четвертый день своего путешествия по Сердцеземью, около полудня, они стали замечать изменения в окружающей местности. Вверх по отлогому склону холма поднималось, скрываясь за его вершиной, поле незрелой кукурузы. На горизонте материализовалось скопление домов и деревьев. Затем недалеко перед ними остановился на обочине грузовик, и друзья подбежали, чтобы поприветствовать водителя.

— Привет, ты живешь в том городе, что виден вдали?

— Ну, да, — приветливо ответил из кабины круглолицый дядя, одетый в спортивный костюм и бейсболку. — Запрыгивайте в кузов, и я подброшу вас к ШикарномуОтелю. Очень милое местечко для постоя.

— Это было бы замечательно, — Христиан встал ногой прямо на бампер с наклейкой «Я ♥ Сердцеземье» и, подтянувшись, забрался в кузов. Там же оказался и Фидель. Водитель потянул рычаг переключения скоростей, коробка передач дико заскрежетала, и машина тряско двинулась вперед.

Вскоре они оказались на улице, вдоль которой тянулись уже знакомые, похожие на склады дома, и движение стало оживленней. Слева дети в спортивных костюмах гоняли мяч по пыльной замусоренной спортплощадке. Выцветшие пластмассовые спортивные снаряды были облеплены множеством других детей, они скрипели и грохали, производя невообразимый шум. В тени под раскидистыми деревьями сидели десятки малышей, пристегнутых ремнями к детским стульчикам. Вывеска над входом гласила: «ОбщинныйУход». Некоторые из малышей, опрокинувшись вместе со стульями, истошно вопили. Другие просто взирали на мир из горизон-

тального положения. Несколько нянечек следили за порядком, но, по всему виду, не перетруждая себя.

— Здесь, должно быть, сотни детей, — сказал Христиан. — И полным-полно подростков. Напоминает ту школу-интернат, которую мы видели в заброшенном городе.

Лицо Фиделя помрачнело:

— Возможно, это была *не* школа-интернат.

После десяти минут езды по городу грузовик заглох возле знакомого вида центральной площади с еще одной украшенной сердцем башней — город назывался ТихаяГавань. Они пожали водителю руку, и Христиан обвел взглядом окружающие их постройки.

— Все ваши города, похоже, гм, были созданы по одному генеральному плану?

— Да, может быть. Хоть бы не развалились... — ответил фермер. Он приподнял бейсболку, пригладил волосы и натянул ее обратно на голову.

Его машина все еще скрежетала на перекрестке, когда они, распахнув дверь, вошли в гостиницу. Из-за конторки им улыбалось лицо с ямочками.

— Добрый день! — заговорила приветливо рыжеволосая женщина лет пятидесяти.

Христиан предпочел бы просто войти в вестибюль нового здания и не видеть мусора под мебелью из пластмассы и металла, перекошенных абажуров и протоптанных на ковре дорожек. Оценку персоналу он снизил из-за перхоти. *«И все в этих спортивных костюмах?»* Женщина за стойкой носила спортивный костюм даже под пиджаком униформы.

— Чем могу быть полезна?

«А можно мне предложить комнату, где не все из пластмассы?»

Они прошли по коридору к номеру люкс под названием «КакДома». Бойкая рыжеволосая дежурная обещала им «уют, сдержанный декор с потрясающим доступом, кучу разных развлечений и полный комплекс обслуживания».

Дверь распахнулась и перед ними предстала точная копия номера, уже виденного ими в похожей на склад гостинице. Только в этом были еще два потертых покрывала.

Христиан стоял под струями горячей воды и чувствовал, как его раздражение от окружающей пластмассы постепенно

тает. *«Горячий душ позволяет много чего простить. Наверное, оставшаяся часть нашего странствия будет проходить через серые скучные городки и села. И, возможно, горячий душ — это самое лучшее, что здесь можно найти».* Он поблагодарил Бога за большой водонагреватель под потолком.

Когда Христиан вернулся в комнату, Фидель мирно похрапывал на пластмассовой койке, а укрепленный на стене телевизор что-то бормотал в его наушниках. Христиан снова подошел к двери и выглянул в коридор. Дверь номера напротив была слегка приоткрыта, достаточно для того, чтобы он смог увидеть молодую — едва исполнилось двадцать, прикинул он, — женщину с большими глубокими глазами. Сидя на кровати, она вытаскивала какие-то предметы из перевязанного шнурком замшевого мешочка, лежавшего у нее на коленях.

Она погладила предмет, который держала в руке, а затем поставила его в расположенную рядом в стене нишу. Одну за другой, она выстроила полукругом в нише пять маленьких крылатых куколок, разного размера и в разных одеждах. Затем достала из мешочка жертвенную свечу и спички.

Она выключила лампу, и свеча засияла, отражаясь в золоте, серебре и полированном камне кукольных ангелов. Одни из них выглядели сильными и мужественными, другие напоминали Мадонну или детей. Ни одна из фигурок не была копией статуи ангела, но все были столь же таинственны. Молодая женщина, заправив за уши пару выбившихся прядей светло-каштановых волос, посмотрела вверх сквозь потолок, затем положила руку в круг ангелов и закрыла глаза.

Пламя свечи колебалось от звуков приглушенного песнопения, срывавшихся с ее приоткрытых губ. Ее руки вздымались и опускались в такт голосу, медленно обходя ангелов. Она склонила голову, вновь замолчав и держа руки на фигурках. Затем медленно подтянула колени к подбородку, ее затуманенные слезами глаза смотрели на ангелов. Она обращалась к ним и ждала, как бы слушая ответ. Затем говорила дальше.

На следующее утро Христиан толкал свой поднос вдоль прилавка в кафе по соседству, набирая хлеб с сосисками (вряд ли можно было назвать это хот-догами), оладьи и кофе. Омлет вызвал у него смутное подозрение. У Фиделя он, видимо, сомнений не вызывал, и тот навалил его полную тарелку. Большой кусок омлета свалился с раздаточной ложки и подпрыгнул на полу. Дважды. Фидель взглянул в глаза Христиану. Никто не проронил ни слова.

“ А главное – все просто.
И очень конкретно. Никаких
тебе непостижимых штук вроде
«хождения по вере в общении
с невидимым Богом».

Сев за один из немногих столиков, где были и солонка и перечница, Христиан быстро оглядел помещение, высматривая спортивные костюмы. Его мысли, как и взгляд, стали сосредоточенными. Он начал скрупулезно изучать каждого посетителя, стараясь захватить даже тех, кто сидел позади него.

– Фидель, – тихо спросил он, после полного осмотра, – с тех пор, как мы сюда пришли, ты видел хоть одного старика?

Фидель оглядел комнату, порылся в памяти и покачал головой. Справа от них две женщины, чуть старше Фиделя, жевали тосты и овсянку. Все остальные были того же возраста, что Фидель, или моложе.

– Наверно, где-то здесь есть дом престарелых, – наконец ответил он.

Друзья молча прошли через город. Вновь оказавшись на священной дороге в чистом поле, они обернулись, чтобы бросить последний взгляд на ТихуюГавань. Спустя некоторое время Христиан нарушил молчание.

– Я выяснил, зачем нужны ниши в комнатах.

– И зачем же?

Христиан подробно рассказал про обряд, который совершала их соседка.

– Я слышал предостережения Свитка по поводу сотворения кумиров и поклонения им. И думал: «Это все так

странно». Я просто не могу взять в толк, зачем людям может понадобиться делать что-то подобное. То есть, в чем его притягательность? И вот, стоя там и глядя на нее... это было действительно прекрасно. А главное — все просто. И очень конкретно. Так сказать, это то, что ты делаешь сам — напеваешь, молишься, водишь руками... Просто выполняешь эту последовательность действий и так устанавливаешь связь. Никаких тебе непостижимых штук вроде «хождения по вере в общении с невидимым Богом».

Фидель закатил глаза:

— Я видел кое-что об ангелах по местному телевидению.

— В самом деле?

— Это называлось «Время Ангела». С нарастающей волнительной музыкой и пятиминутной историей барышни о том, как она была одинока и ходила по магазинам с кредитными карточками, поскольку ее парень не обращал на нее внимания. Он всегда был где-то на охоте или рыбалке. И вот однажды ее «ангел-отец» велел ей «принести в жертву свои кредитные карточки».

Она призналась ему, что не может так поступить, поскольку ходить по магазинам — это единственное, что у нее осталось. Ее возлюбленного никогда нет дома. Она сказала, что ее «ангел-отец» пообещал, что если она «принесет в жертву» свои кредитки, то вернет ей сердце возлюбленного. И вот она сделала это. Показали инсценировку того, как она сжигает свои карточки в одной из этих ниш с куколками ангелов. И вот сразу же ружье ее возлюбленного сломалось, а удочки были таинственным образом похищены. Поскольку на новые у них не было денег, а кредитки сгорели, они закончили тем, что стали проводить все время вместе, и это спасло их отношения.

Затем в конце показали, как эта пара стоит, держась за руки и устремив глаза вперед и вверх, перед одной из этих больших статуй ангелов, а на экране под нарастающие звуки волнующих музыкальных тем возникла надпись: «Это история о Времени Ангела».

Некоторое время они шли молча. Мимо проехало несколько машин. Затем на краю дороги остановился большой белый микроавтобус. Из него высунулась загорелая, коротко стриженная голова.

- Мы едем в столицу. Подбросить?
 Христиан посмотрел на уходящий вдаль океан однообразных полей.
- А долго ехать до столицы?
 — Да часа четыре. Как раз по этой дороге.
- Христиан с молчаливой мольбой в глазах повернулся к Фиделю.

Они быстро ехали вперед. Фидель и Христиан слушали, как четверка студентов обсуждает достоинства 25-часовой рабочей недели. Когда эта беседа утасла, Христиан обратился к водителю:

— Слушай, НьюДейв у меня есть один вопрос. Мы проехали через несколько городов и... где дома? Где жилые кварталы?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, знаешь, такие, где... Как вообще ваши семьи живут вместе?

— Они не живут вместе, — изумленно улыбнулся НьюДейв. — Мы все выросли в «ОбщинномУходе».

Остальные кивнули. ХудышкаШейл, сидевшая впереди Христиана, обернулась:

“Сострадание составляет сущность морали, и никто не должен брать на себя никаких обязательств, если сам того не захочет”

— А вы росли со своими родителями?

— Да, я, мои мама и папа, брат и сестра, все мы жили вместе в своем собственном жилище.

— Значит, это у вас нормально? Каждая семья должна содержать собственный дом и сама готовить себе еду? Заботиться о собственных детях?

— В основном... да. Иногда им немного помогают с уходом за детьми.

— Вау!.. Как по мне, — слишком много мороки, — морща носик, сказала ХудышкаШейл.

— Ангел мой! Вы только представьте меня целыми днями ухаживающей за детьми? — закатила глаза ПылкаяДжейн. — Даже когда я была маленькой, то смотрела на Общинных-Мам и поражалась, как они это делали.

ПтицаДжей, сидевший рядом с водителем, сказал:

— Ну, моя мама занималась этим. Я всегда удивлялся... Я думаю, она решила на это, чтобы быть возле меня.

— Верно, ты был таким уникальным ребенком, — ПылкаяДжейн протянула руку вперед и взъерошила его короткие, тщательно причесанные волосы. — Я так рада, что живу в Сердцеземье, где «Сострадание составляет сущность морали и никто...»

Студенты в унисон продекламировали:

— «...никто не должен брать на себя никаких обязательств, если сам того не захочет».

Христиан задумался над этим коллективным идеалом:

— Но разве вам не надо трудиться? — спросил он. — Разве вы не должны «брать на себя некоторые обязательства, если сами того не хотите», чтобы все это вообще работало?

— Ну, да, — сказал НьюДейв. — Это Великое Исключение.

— Однако, — сказал ПтицаДжей, — даже оно подлежит обсуждению.

— Да, — сказала ПылкаяДжейн, — именно поэтому мы едем на выборы.

— Выборы?

— Да, — сказал ПтицаДжей. — Каждые четыре года мы избираем в столице нового короля или королеву.

— Вы избираете царствующих особ? — спросил Фидель.

— Да, лет десять назад все решили, что президенты были слишком скучны, — ПылкаяДжейн достала из ярко-розовой пластиковой сумочки губную помаду и пудреницу. Затем вздохнула. — Я просто обожаю все эти драгоценности, бархат и горностаевый мех. Когда я стану ангелом, я хочу иметь мантию с горностаем.

— А расскажите нам об ангелах, — попросил Христиан.

— Кто они? Я имею в виду, как каждый из вас приобретает столь тесную связь с ними?

— На самом деле, это очень просто, — объяснила ХудышкаШейл. — Ты умираешь и становишься ангелом. А затем помогаешь своим друзьям и семье, которые остались по эту сторону.

Христиан встретился с ее слегка вызывающим взглядом. Фидель скрыл свою реакцию легким покашливанием.

— Хорошо, а откуда вы знаете, что это правда?

— Вы что, не смотрели «Времен Ангелов»? — покосилась на него ПылкаяДжейн и возмущенно мотнула головой. — Они смотрят за нами и дают советы. Помогают нам принимать важные решения. Мои ангелы помогли мне разобраться с некоторыми очень трудными вопросами.

— И ты выполняешь этот небольшой обряд в нише?

— Ты имеешь в виду, воспеваю ли я? Конечно. Каждый воспевает.

Все головы согласно кивнули.

— Если ты не считаешь их, — добавила ХудышкаШейл, — они не будут о тебе заботиться. Но они столь сострадательны. Если ты просто будешь делать свою небольшую часть работы, они будут действительно охранять тебя.

— Я так понимаю, вы не воспеваете, — НьюДейв глянул на Христиана в зеркало заднего вида.

— Нет. Я не воспеваю, — Христиан заколебался, а затем рискнул. — Я молюсь Богу во имя Иисуса, Сына Его.

— Ну, Иисус может быть Сыном Божьим для тебя, но для меня Он не Сын Божий, — сказал НьюДейв.

— Это исключено, — пульс Христиана подскочил до предела. *«Вот оно. Скучный переходный период закончился, и мы опять в игре»*. — Пойми, НьюДейв, две противоположные идеи не могут одновременно быть истинными.

Речь НьюДейва стала резкой:

— Слова имеют тот смысл, какой нам хочется им придать. Для меня Иисус является частью Духа.

ХудышкаШейл обернулась и заговорила мягким, но намеренно поучающим тоном:

— Бог есть Дух. Дух вне нас, но Он также окружает нас. Дух, безусловно, является частью повседневной жизни.

— Да, — подтвердила ПылкаяДжейн, — и все ангелы есть Дух...

— Но откуда вам это известно? — вмешался Фидель.

Четверка в унисон ответила:

— Вы что, не смотрели «Времен Ангелов»?

Христиан пытался нащупать точку опоры. Говорить с этими студентами было все равно, что пытаться прибить к стене кисель. Он бросил на Фиделя быстрый взгляд, в котором читалось: «Ну, помоги же!», но тот, кажется, собирался предоставить ему возможность действовать самостоятельно. Он попробовал другой подход.

— Ну, хорошо. Вы ведь ходите на занятия? Сдаете экзамены?

— Да. Конечно, — закивали головы вокруг.

— Если слова имеют тот смысл, какой вам хочется им придать, как вы сможете понять, о чем спрашивает вас профессор на экзамене? Если вы напишете ответ, который имеет какой-то смысл для вас, но не для него, как он сможет его оценить?

Впервые с тех пор, как они присоединились к этой компании, в машине повисла тишина. Христиан изо всех сил греб против течения, бросающего вызов здравому смыслу, пытаясь вернуть разговор к обсуждению главного.

— «Сострадание составляет сущность морали». Хорошо, Иисус был воплощением сострадания. Сосредоточенным, подобно лучу лазера, на «малых сих».

А как насчет слова «сострадание»? Каков его смысл? Что сострадательно: питать жизнь, или причинять ей вред?

НьюДейв сурово глянул в зеркало заднего вида.

— Это зависит от значения слова «жизнь».

Христиан подался вперед на сидении.

— Если я ничего не упустил, слова имеют тот смысл, который придает им писатель или оратор. Если вы собираетесь отвечать на экзамене на вопрос профессора, вы должны знать, что он имеет в виду, задавая этот вопрос.

Христиан смотрел на НьюДейва в зеркало заднего вида.

— Чтобы понять, каково значение слова «жизнь», мне нужно справиться у Творца жизни. Я убежден, что Он подразумевает «всякую душу человека», поскольку говорит, что все мы созданы по Его образу. Что, по вашему мнению, он подразумевает под «состраданием»?

ПтицаДжей, обернувшись, посмотрел на Христиана. Его лицо и голос буквально источали моральное превосходство.

— Мне не нужен «творец», чтобы понять, что некоторым людям не стоит жить, и что смысл сострадания в том, чтобы не обременять других своими проблемами.

Христиан расширил эту мысль:

— Как вы проявляете сострадание к старым людям и инвалидам? Вы просто избавляетесь от них? Где они? Я не видел ни одного. А как обстоят дела с молодыми? Все эти плачущие маленькие дети в «Общинном Уходе», на которых никто не обращает внимания... Кто воспитывает их, кто дарит им любовь и внимание, в которых они нуждаются?

— Ну, и чего вы от нас хотите? — рассердилась ПылкаяДжейн. — Транслировать их всех? Некоторые из нас должны выполнять взятые на себя обязательства, иначе у нас не будет будущего. Должно соблюдаться равновесие. Сострадание заключается в защите наших прав и счастья от бремени, слишком тяжелого, чтобы его нести.

— Защите чьих прав? — спросил Христиан. — Если вы молоды, сильны и здоровы, вы достойны защиты больше, чем очень старый или очень маленький, болезненный или слабый? А как быть с их бременами? Где же сострадание к ним?

— Им лучше стать ангелами!

— Ты имеешь в виду, что им лучше умереть! — повысил голос Христиан. — Так вот какова сострадательная реакция — убивать каждого, кто более всего нуждается в сострадании? Убивать стариков! А как насчет беззащитных младенцев в ваших утробах? Вы их тоже убиваете?

Лицо ПылкойДжейн одновременно горело гневом и отдавало ледяной холодностью.

— Ради ангелов, давайте тогда просто все вернемся к рабству. Станем рабами нашей системы размножения. Это тирания. Тирания и полная противоположность состраданию. НьюДейв, а ну-ка останови машину.

НьюДейв с визгом затормозил на обочине.

ПылкаяДжейн резко распахнула дверцу.

— Забирайте свои безжалостные сердца прочь из нашей машины!

Минуту спустя Христиан с Фиделем стояли на обочине, глядя на исчезающую вдаль наклейку «Я ♥ Сердцеземье».

— М-да... это было не очень сострадательно, — пробормотал Фидель.

День выдался прохладным и ветреным, однако неуклюжая попытка свидетельства напоминала о себе струйками пота, медленно стекавшими к пояснице Христиана. Он вытер лоб и украдкой взглянул на Фиделя. На лице того, как обычно, ничего не отражалось.

Наконец он сделал попытку заговорить:

— Фидель?..

Бывший морпех не обернулся, но что-то проворчал.

— Скажи, что я сделал не так? Мне просто хотелось сказать то, что нужно. Пролить свет, — в словах Христиана прозвучал чуть заметный упрек. — Почему ты не помог мне?

Фидель бросил взгляд себе под ноги, а затем снова уставился на уходящую вдаль дорогу.

— Дружище, я вливаю в тебя свою жизнь, — он протянул руку и положил ее на плечо Христиану. — Пытаюсь научить тебя тому, что знаю сам. Мне просто показалось, что тебе пора было испытать свои силы.

— Ну, очевидно, я был не готов. Надо же, чтобы так облажаться!

— Ты был светом, — похлопал его по плечу Фидель. — Быть может, светом слишком ярким... ну, немного обжигающим.

Христиан тяжело вздохнул:

— Что же делать, если представления людей о жизни настолько разные?

В этот момент перед ними остановился знакомый грузовичок. Водитель помахал им рукой, и они подошли к машине.

— И куда вы теперь направляетесь? — это опять был знакомый им круглолицый фермер. — Может, подбросить вас до столицы? — он вытащил из пачки жевательную резинку и щелчком отправил обертку в окно.

Христиан проследил, как она описала тракторию над мостовой и затерялась в придорожных сорняках среди пустых банок и оберток от гамбургеров. *«Никому решительно нет никакого дела».*

— Спасибо. Кстати, меня зовут Фидель, — они протянули фермеру руки. — А это Христиан.

Фермер прикоснулся к засаленному козырьку своей шапки:

— СереднякБоб. Вы идете на выборы сегодня вечером?

— Уверен, это только для жителей Сердцеземья...

— Вы можете прийти. Да точно, вы можете голосовать. Арена большая. Там обычно не бывает тесно.

Фидель и Христиан еще раз поблагодарили и, забросив в кузов рюкзаки, сами перелезли туда через ржавый задний борт.

Двое странников под шум уличного движения, в котором растворился скрежет фермерского грузовика, внимательно разглядывали здание ЦентрОПлазы Сердцеземья. Подобно вычурной печати нотариуса на безликом документе, купола, колонны и поблескивающий мрамор находились в явном контрасте с остальными безымянными зданиями, столпившимися в однообразный город. Христиан улыбнулся. *«Ну, вот... Связь с настоящей цивилизацией, пусть и в скромном масштабе».* Над площадью возвышалась мать всех статуй ангелов — то же самое лицо и призывная поза, только раз в десять больше и вся из золота. С того места, где они стояли, казалось, что она увенчана куполом ЦентрОПлазы, возвышающимся позади нее, и окружена мраморными лестницами и портиками с колоннами. Справа от них плясали в лучах послеполуденного солнца струи фонтанов Сердцеземского ПаркоЦентра, а в больших палатках объявляли программу номеров ожидающегося перформанса.

Находящаяся прямо через дорогу от них ФорумАрена была украшена флагами и воздушными шариками. Тротуары заполняли праздного вида работники избирательных штабов, смеющиеся и размахивающие друг перед другом красными

флажками с буквами «ПМ» и зелеными с буквами «ПП». Христиан и Фидель влились в непрерывный поток людей, который вливался через парадный вход в огромный вестибюль, окружающий арену. Раскинувшаяся там ярмарка политсувениров и агитационной литературы соблазняла пришедших на выборы просветить свои умы и облегчить кошельки.

Фидель внимательно разглядывал парня с пятью зелеными значками «ПП», смеющегося вместе с парнем, красный галстук которого был полностью покрыт буквами «ПМ».

— Как думаешь, это выборы или съезд?

Христиан проследил за направлением его взгляда.

— Похоже, они все тут прекрасно ладят! — от расположенной у внутренней стены Арены небольшой закуской доносился настойчивый сырный дух мексиканских начос. — Слушай, давай возьмем чего-нибудь заморить червячка.

Из-за столика они наблюдали, как вестибюль постепенно пустеет по мере того, как оглушающая музыка извещала о главном событии. Христиан сгреб оставшийся на тарелке фастфуд и плотным комом отправил в пищевод, пытаясь большим последним глотком напитка протолкнуть еду по-дальше.

— Мне бы хотелось перед тем, как войти, быстренько глянуть на списки.

Фидель, продолжая жевать, кивнул и отсалютовал своим стаканом. Первые павильоны по обе стороны прохода были крупнее других, да и выглядели более официально. Зеленые футболки, украшенные «Официальной печатью Партии Папы» смотрели на свои красные визави от Партии Мама, висящие по другую сторону прохода. Буклеты в павильоне Партии Папы навязчиво поучали: «30-часовая рабочая неделя: что это тебе даст». Большие цветастые открытки на стороне Партии Мама просто требовали: «Защитим нашу 25-часовую неделю!»

Вся задняя стенка павильона Партии Папы состояла из огромного, многометрового портрета кандидата, мужчины около сорока лет, с темными волосами, чутким взглядом и лучившейся из-под усов широкой обаятельной улыбкой. Искусно сшитый спортивный костюм украшали несколько медалей. Портрет широко улыбался с задней стенки павильона

огромному изображению конкурентки. Та тоже смотрела на него с задней стенки павильона своей партии по другую сторону прохода. Она напомнила Христиану экс-королеву красоты — своей улыбкой, слишком возбуждающей для ее лет, пронзительным взглядом голубых глаз, худощавыми чертами и ярко-красными спортивными курткой и юбкой. *«Как для образа Мамы, пожалуй, страсти и силы многовато»*, — подумал он.

Застигнутый скрещивающимися взглядами двух пар огромных глаз, Христиан пристально посмотрел на Большого Брата, а затем на Большую Сестру. *«Ну, ладно, возможно это не совсем удачная метафора»*. Он был рад за жителей Сердцедеземья, за то, что у них есть выбор. Эти кандидаты, вероятно, не были тиранами, но что за интересный способ ведения политики — на каждом выборах что-то вроде битвы опекунов с детьми в качестве судей.

За официальными павильонами партий расположились более красочные будки мелких торговцев. Там предлагали широкий выбор наклеек на бамперы и значков: «Знойная Мама рулит!» и «Я — Папина доця».

Перед еще одним большим павильоном возвышались вездесущие статуи ангелов, а сверху висел плакат: «Трансляция... когда приходит время». Видеомониторы в каждом углу непрерывно крутили сюжеты из «Времени Ангела». Повсюду висели огромные глянцевые изображения шикарных, прекрасно оборудованных зданий, полных стекла, бронзы и мрамора; изумительный водопад в интерьере; композиции из растений, украшающие роскошные зоны отдыха; личные «палаты», трогательные сцены с «кандидатом на трансляцию», подключенным к капельнице, в окружении ласковых и заботливых лиц близких друзей. На других снимках «тот, кто должен уйти», светясь неподдельной радостью посреди праздничной толпы, наблюдал за собственным чествованием, происходящим на небольшой сцене. Несколько снимков изображали обоих кандидатов, катящих мимо водопада кресло-каталку, или держащих за руку кого-то, лежащего на роскошном диване, или провозглашающих тост в одном из этих маленьких театров.

Когда они направились к арене, живот Христиана свело спазмом. Все эти ангелы-трансляции живо напомнили ему

старые документальные фильмы про Холокост, видения погибших душ в аду, о пророках-царях Израиля, которые сокрушали иступанов Астарты и разбивали их в пыль. Он представлял себе, как руководит ночными нападениями в стиле Гедеона на каждую статую ангела, какую сможет найти.

В затемненном помещении арены они тихонько заняли два из множества пустовавших мест и сосредоточили внимание на изящной молодой женщине в спортивном костюме, одиноко стоявшей в единственном пятне света на огромной сцене.

— ... После семи часов тяжелых родов мне хотелось подержать свою девочку, — тонкое лицо и темные глаза блестели от слез на огромном экране арены. — Однако нянечки из «Общинного Ухода», после того, как помыли ее и завернули в одеяльце, принесли мне всего на... минуту. Одну минуту! — она пыталась держать себя в руках. — Я едва рассмотрела ее прекрасные маленькие, изогнутые как лук губки, изгиб ее щечек. Я погладила бархатистую маленькую головку, и ее тут же забрали в ясли. Они говорят вам, что вы можете посещать ребенка, когда хотите, но только ненадолго. Это ведь не одно и то же! Просто чуть-чуть подержать своего ребенка в комнате, полной других детей. Или даже погулять с ней, когда она станет старше, по площадке, заполненной другими детьми.

— Я хочу жить со своей собственной дочерью! — зарыдала она. — Это слишком ради-

кально? Я плохой человек? Я не говорю, что «Общинный-Уход» — это не прекрасно. Или что он не удовлетворяет большинство людей, поскольку очевидно, что это не так. Однако забота о моей собственной дочери не будет бременем. Это будет... величайшей радостью... — она потеряла самообладание и не смогла закончить.

Пятно света постепенно погасло. На гигантском экране за ее спиной душу собравшихся тревожили черно-белые изображения пограничных городов-призраков. Сквозь тьму полилась печальная мелодия популярной баллады. «Вспомни когда... вспомни когда...» Города, где некогда радовались любви и жизни, выглядели зловещими и нежилыми. Перемещенные в другие места сердцеземцы сопели во мраке, оплакивая свои пустые улицы и пластиковые кровати.

Музыка затихла, и сцену омыл мягкий голубой свет. Освещенные голубым фигуры медленно направились к пяти микрофонам. На переднем плане справа высокий парень наклонился ближе к микрофону:

— Сперва мы думали, что это просто слухи. Я имею в виду, как можно закрыть целый город? Да, мы знали, что обслуживание становится все хуже и хуже. Некоторые рабочие места оставались незаполненными. Но затем однажды был созван митинг на площади.

Женщина лет сорока с вьющимися волосами в глубине сцены по центру:

— И мэр встал и прочел эту бумажку. В ней говорилось об «уменьшении количества населения» в нашем городе, о нашей «экономике, находящейся в упадке», приводились все эти цифры, наводящие еще большую тоску. Это было ужасно. Нам говорились ободряющие слова о «добровольном укрупнении». Но когда он попросил поднять руки тех, кто хочет покинуть Величие, никто не поднял руки.

Впереди слева вступили в разговор двое парней студенческого возраста:

— Так что нам ничего не оставалось, кроме как протестовать.

— Мы боролись за наш маленький город. Говорили мэру, что мы будем более упорно трудиться. Мы не возражали против того, что очереди станут длиннее, а выбор скуднее.

— Это был единственный дом, который мы знали.

Женщина с длинной косой в глубине сцены справа:

— А затем во всех программах новостей и газетах было — «Конец Величия», — ее голос прервался, когда на огромном экране возникли эти заголовки. — Нам дали тридцать дней до того, как будут отключены системы снабжения и нас выселят.

Крупный мужчина в возрасте впереди сцены по центру:

— Это было похоже на зону боевых действий. Семьи грузили все, что могли унести, на тачки и запихивали в чемоданы. Каждый вечер на площади рыдали и обнимались люди. Из города выезжали длинные колонны велосипедов, мотороллеров, несколько легковых машин и грузовиков, множество людей просто шли пешком, — экран позади него заполнили кадры новостей.

Сцена медленно заполнялась, по мере того, как сердцеземцы, выселенные из Величия, Эдема и других пришедших в упадок городов, один за другим делились воспоминаниями о последних днях своих маленьких цивилизаций. Затем на гигантском экране крупным планом появилось лицо кандидата от Партии Папы, слегка прикусившего нижнюю губу и осторожно смахивающего слезы. После окончания последнего рассказа голубой свет, освещавший сцену, постепенно угас и огромный экран заполнили смонтированные выдержки из речей кандидата от Партии Папы:

— Я отчетливо помню свое пребывание в Величии и Эдеме во время их эвакуации. Я помню, как пешком покидал город с нашими бедными, смятенными соседями, помогая нести их багаж...

Лучи прожекторов сошлись на самом кандидате, который появился на сцене, продолжая свою речь уже вживую, но его слова на несколько минут были полностью заглушены аплодисментами сторонников. Он сделал паузу, протянул руки и слегка поклонился, перед тем как продолжить.

— Друзья мои, моя сердцеземская семья, — толпа заревела громче. — Вы слышали, как во время этой кампании я рассказывал о наших колоссальных успехах. С тех пор, как наша прекрасная возлюбленная Принцесса вернулась к нам как Великий Ангел Милосердия, с тех самых пор, как она побуждает нас оставить страхи и, когда придет наш час, присоединиться к ней на той стороне, мы увидели решение

столь многих наших проблем. Нет больше кризиса системы здравоохранения, нет больше опасности банкротства системы социального обеспечения, нет больше кошмарных историй об аппаратуре для продления жизни, которая давно уже стала невыносимой.

Живот Христиана свело еще сильнее. Фидель сдержанно качал головой.

“ Наступает новая эпоха.
Эпоха выбора. ”

— Однако мы стали жертвами наших собственных успехов. По мере роста популярности трансляции, особенно для еще нерожденных, численность нашего населения угрожающе сократилась. Поэтому в ходе своей кампании я сосредоточился на двух вопросах: во-первых, немного более долгой — всего на пять часов — рабочей неделе, с целью повышения продуктивности работающих. Если мы все будем работать всего на один час в день больше, то сможем компенсировать сокращение численности рабочей силы. Фактически, всего один дополнительный час в день — и мы станем свидетелями роста нашего уровня жизни. Я слышал ваши жалобы на качество товаров и услуг в Сердцеземье. Вы желаете лучших гостиниц и арендуемых комнат. Красивых и благоустроенных территорий. Лучшей еды. Эти цели вполне достижимы, если мы все возьмем на себя немного больше обязанностей. Полученное взамен стоит того!

Вторым вопросом, стоящим в центре моей кампании, является новая программа поощрений, побуждающая наших молодых женщин иметь больше детей. С глубоким сожалением я выслушивал многих, поведавших мне по секрету, что не хотят иметь детей, поскольку не смогут вынести разлуки с ними. Наша программа «Общинный Уход» была весьма успешной. Но наступает новая эпоха. Эпоха выбора. Мы все согласны, что никого нельзя принуждать нести бремя, если он сам этого не желает.

Аудитория разразилась длительными аплодисментами.

— Однако пришло время сделать все, что в наших силах, чтобы поддержать новую жизнь.

Одобрительные возгласы, аплодисменты.

— Позволить молодым матерям выбирать — оставлять или нет им детей с собой.

Приветственные возгласы и несколько неодобрительных выкриков.

— Наши дети — это наше будущее!

Еще больше приветственных возгласов.

— Они драгоценны! Они на вес золота!

Христиану и Фиделю пришлось встать, чтобы видеть сцену, поскольку большинство вокруг них повскакивало на ноги.

— Мы должны сделать это для наших детей! Изберите меня своим королем! Ради детей!

Толпа редела, а помещение резко наполнилось огнями и музыкой. Со всех концов арены на сцену хлынули дети. Яркое сияние огни рампы, батареи осветительных приборов залили светом бурно аплодирующую и кричащую публику. Сторонники Партии Папы пели хором официальный партийный гимн: «Я не дам погаснуть свету. Встаньте все со мною. Вместе будем мы сильны...»

Когда дети выбежали на сцену, очертания кандидата Партии Папы расплылись от движений — он прижимал их к себе, поднимал в воздух, целовал, собирал их под свои длинные протянутые руки.

Огромные напоминания на гигантском экране: «ГОЛОСУЙТЕ, ГОЛОСУЙТЕ!» И красные столбики, ползущие вверх вместе с децибелами... 60 процентов, 70 процентов. «ГОЛОСУЙТЕ!» «Почувствуй, как мои руки обнимают тебя...» Восемьдесят процентов.

Шум стал оглушительным. Христиан и Фидель закрыли уши. «Позвольте мне быть вашим Папой!» «Девяносто два процента» — вспыхивали и гасли гигантские красные буквы на экране. Музыка стихла, и освещение зала стало ярче.

— Леди и джентльмены, — призвал ко вниманию голос. — Леди и джентльмены, общее число голосов за кандидата Партии Папы достигло девяноста двух процентов. Пожалуйста, займите свои места, чтобы выборы могли продолжаться, — больше половины зрителей парило, и понадобилось почти пять минут, чтобы все снова расселись по местам. Свет опять погас, и из затемненных глубин донесся первобытный барабанный бой. Там-ТАМ, там-ТАМ. Синтезатор издавал высо-

кие зловещие звуки. Другой вторил ему теми же звуками, но на октаву ниже — словно привидения плакали друг другу. Небольшие всплески аплодисментов и возгласов кружились вокруг арены. Там-ТАМ, там-ТАМ. Христиан непрозвательно затаил дыхание.

Клавишные издали долгую трель, и из глубины арены в луче сине-фиолетового цвета материализовалась Великий Ангел Милосердия, паря примерно на высоте балкона первого яруса. Христиан разинул рот и толкнул локтем Фиделя. В тот же миг ее лицо крупным планом возникло на гигантском экране в противоположном конце помещения, и Христиан узнал голубые глаза и худощавые черты кандидатки Партии Мама. От прически до мягко ниспадающего одеяния и потрясающих изогнутых крыльев она выглядела вылитым Великим Ангелом, и сердцеземцам это нравилось. Сторонники Партии Мама словно по сигналу встали и включили карманные фонарики. В меньших сине-фиолетовых лучах рядом с «Мамой Ангелом» возникли четыре других ангела, по два с каждой стороны. Христиан пытался понять, парят ли они, или подвешены на проволоке, однако в темноте определить это было невозможно.

«Ты пришла и прикоснулась ко мне, Мама. Ты нашла меня там, где я ждал...» Звуки произнесенных полупшепотом стихов закружились вокруг нее во мраке. Скользя над морем огоньков, «ангел» и ее спутники плыли, соблюдая строй, над одобрительно свистящей, обожаящей аудиторией в сторону сцены. «Ты лила за меня мои слезы, Мама, ты поцелуем сняла мою боль». Аудитория хором подхватила припев: «Приди ко мне, утешь меня, Мама. Помоги мне улететь, сегодня же вечером улететь».

Христиан должен был почти кричать, чтобы Фидель его услышал:

— Вот это действительно выход!

— Ага, по сравнению с ним всякие там переходы из-за кулис просто бледнеют.

Вместо того, чтобы приземлиться на сцене, как ожидал Христиан, пять ангелов повернулись лицами к аудитории и парили метрах в пяти над нею. Постепенно музыка стихла, загорелся свет и сопровождающие ангелы опустили вниз к установленным на сцене микрофонам, чтобы поведать свои истории.

Первые двое поделились яркими воспоминаниями о том, как жизнь была сплошным стрессом при тридцатичасовой рабочей неделе. Они с мучительными подробностями рассказали о потере сна и возможности правильно питаться. Об ужасных очередях в столовых и прачечных. О попытках выкроить немного времени, чтобы посетить детей в «Общинном Уходе» или посидеть с друзьями.

“ Призыв к состраданию для убедительности всегда использует экстремальные случаи. Клины, которые вбивают и вбивают, пока законы и установления, воздвигнутые на мудрости веков, наконец не рухнут. ”

Христиан откинулся на спинку и пытался представить, на что должна быть похожа 25-часовая рабочая неделя и что, должно быть, думает его старый приятель, бывший морской пехотинец. Можно было ожидать, что это наведет его на мысль уйти. Однако, похоже, Фиделю по-прежнему хотелось увидеть результат этой электоральной буффонады.

Последняя из сопровождающих ангелов начала со страстной защиты «Общинного Ухода»:

— Когда они пришли в дом моего деда, то обнаружили моего пятилетнего отца все еще бегающим в памперсе. Он не умел разговаривать. Его длинные спутанные волосы были покрыты грязью и испражнениями. Социальные работники решили, что он никогда не мылся, поскольку, когда они попытались искупать его, он совершенно обезумел. Ванна в доме деда была заполнена экскрементами десятков собак и кошек, которые жили у него. Ковер был настолько пропитан мочой, что хлюпал, когда по нему ходили. Мой папа был покрыт блохами и вшами.

Я думаю, мой дед не имел ни малейшего представления, как о нем заботиться. Большую часть времени он проводил в своем старом маленьком доме, сидя перед телевизором в поломанном, скрипучем старом кресле. Позади кресла высилась трехметровая гряда пустых банок из-под пива, куда он

просто швырял очередную, когда допивал. Дом был полон мусора, а вонь стояла такая, что при следующих визитах социальные работники брали с собой противогазы. Вот почему был учрежден «Общинный Уход» — чтобы ни один ребенок не должен был страдать, как страдал мой папа.

— И если вы выберете человека, который уведет этих детей из «Общинного Ухода», — ее голос дрожал и ломался, — это будет все равно, что снова затащить моего папу назад в дом деда.

Христиан тяжело вздохнул и опустил голову, растирая рукой лоб. Призыв к состраданию для убедительности всегда использует экстремальные случаи. Клин, который вбивают и вбивают, пока законы и установления, воздвигнутые на мудрости веков, наконец не рухнут.

— Некоторые матери говорят, что хотят заботиться о своих детях, однако это работа, которая занимает по двадцать четыре часа семь дней в неделю, и очень многие женщины просто не в состоянии с ней справиться. Уход за маленькими детьми быстро становится бременем, которое слишком тяжело нести. Пусть женщины, которые хотят быть со своими детьми, идут в Общинные Мамы. Если матери решат ухаживать за своими собственными детьми в частном порядке, у нас будет не хватать Общинных Мам. «Общинный Уход», каким мы его знаем, развалится. Мы не можем позволить печальным историям пары разочарованных матерей разрушить то, что является наилучшим для каждого.

Христиан, как завороченный, изумленно качал головой. Он очнулся в тот момент, когда кандидатка Мамы начала медленно опускаться на сцену. Толпа в предвкушении вскочила на ноги, скандируя: «Королева Ангел! Королева Ангел!»

Она протягивала руки, словно хотела всех обнять. Она пыталась унять скандирующих, однако те кричали еще громче. Ласково утихомиривая их, она пыталась начать свою речь:

— Тсс... мои дорогие сердцеземцы... — они кричали и свистели в ответ. — Мои... тсс... мои дорогие сограждане...

Христиан изучал лицо на гигантском экране. Ее улыбка Мисс Вселенной лучилась харизмой, глаза блестели от слез. Сопротивляться ее призыву: «Твой ангел-хранитель Мама *любит* тебя» казалось бессмысленным.

— Сегодня вечером мы стоим на распутье, и вы должны сделать выбор. Согласитесь ли вы с предложенным ростом ответственности и теми наградами, которые кандидат от Папы сулит за это? Хотите ли вы рискнуть и отбросить прочь страховочный канат, или... — она выдержала долгую паузу, — или двигаться в будущее, зная, что кто-то заботится о вас, кто-то смотрит за вами, готовый подхватить вас, когда падаете? — в этом месте толпа громко закричала и затопала.

— Тем из вас, кого пленило это видение лучшего Сердцедеземья, я хочу напомнить: мы живем в мире, где нет реальности, а есть лишь восприятие. Если вы живете, думая, что наши улицы грязны, здания мрачны, а система общественного питания посредственна, ну, тогда для вас это и будет вашей реальностью.

“ Мы живем в мире, где нет реальности, а есть лишь восприятие. Если вы живете, думая, что наши улицы грязны, здания мрачны, а система общественного питания посредственна, ну, тогда для вас это и будет вашей реальностью. ”

Однако вы не в состоянии воспринять великолепие, совершенную красоту жизни, свободной от тяжких бремен, жизни, полной свободного времени и возможности проводить долгие послеполуденные и вечерние часы, отдыхая и веселясь с друзьями. Что может быть лучше этого? И с этой точки зрения окружающая нас обстановка, наши товары и услуги обогащают нас, поскольку требуют от нас меньшего. Это и есть лучшее Сердцедеземье. Кроме того, кто говорит, что пластмасса не прекрасна? Я говорю, что пластмасса очень красива и это, друзья мои, моя реальность. Вы сделаете это и своей реальностью?

— Да! — редела толпа.

— Что касается выбора между «Общинным Уходом» и самостоятельным воспитанием наших детей, то вы слышали

эти правдивые истории об индивидуальном уходе. Вы считаете наших детей драгоценностью? Вы верите, что они на вес золота? Но как вы тогда можете вернуть их назад под иго индивидуального ухода? Как можем мы позволить себе не обеспечить их всем самым лучшим?

Со всех сторон арены на сцену стали медленно выходить дети. Однако они не бежали, не подпрыгивали и не смеялись. Они двигались на креслах-каталках, на костылях, опираясь для поддержки на других людей. Избиратели все как один вздохнули при виде такого количества детей — в повязках и гипсе, хромающих и качающихся на ходу, — которых уже давно надо было бы отправить на трансляцию.

— Поскольку наше время истекает, я хочу, чтобы вы услышали самый убедительный голос в защиту «Общинного Ухода». Чтобы поддержать более короткую рабочую неделю и возможность проводить больше времени с детьми, для каждого ребенка на этой сцене здесь, сегодня, была отложена трансляция, чтобы дать возможность лично обратиться к вам и раскрыть перед вами свое сердце. Кандидат Мамы совала микрофон поочередно каждому ребенку. Пока камера показывала на гигантском экране их изможденные маленькие тела и запавшие глаза, каждый из них свидетельствовал о достоинствах системы и ценных качествах существующего положения вещей. А она держала их за ручки, целовала в лобики и качала на руках.

А когда они уже все сказали, она с мокрыми от слез щеками стала посреди сцены, протянув руки подобно статуе, и жалобным голосом умоляла своих соотечественников:

— Защитите нашу 25-часовую рабочую неделю. Защитите наш «Общинный Уход». Выберите меня королевой, — убеждала она. — Но не ради меня... сделайте это... ради «малых сих».

Там-ТАМ, там-ТАМ. Клавишные снова приглушенно запричитали, когда кандидатка Партии Мамы шагнула к пятилетней девочке, неуклюже двигавшейся в кресле-каталке, и подняла ее, поддерживая одной рукой за плечи, а другой — под коленками. Там-ТАМ, там-ТАМ. Под тихие звуки лирической песни, приглушенный рокот ударной установки и печальные аккорды струн, кандидатка выпрямилась и повернулась лицом к зрителям с безвольно повисшим у нее

на руках ребенком. Там-ТАМ, там-ТАМ. Она медленно подошла к переднему краю сцены и остановилась. С каждой следующей строфой сила звучания нарастала. «О Мама, пора пришла; теперь покажи мне, как *бьется* твое *сердце!*»

Лучи, освещающие ангелов, замерцали, меняя цвет от сине-фиолетового до кроваво-красного. Зазвучали большие барабаны и электрогитары. Кандидатка с ребенком на руках плыла вверх над зрителями. Там-ТАМ, там-ТАМ. «Ты чувствуешь, как разрывается мое сердце?» Лучи осветительных приборов перекрещивались и кружились по аудитории. Кандидатка, освещенная темно-красным светом, парила в шести метрах над полом, скорбящая Ангел Мадонна, держащая на руках едва подающего признаки жизни ребенка.

Клавишные взяли на октаву выше, синтезировав ряды органнх труб, в то время как барабаны зазвучали еще громче. Голоса почти вопили: «Приди ко мне, освободи меня, Мама. Не улетай! Не уходи!» И обезумевшая, вопящая, танцующая толпа кричала вместе с ними: «Не уходи!» Кандидатка Мамы медленно плыла в сторону задней части арены над корчившимися внизу своими поклонниками. Однако в последнюю секунду она, вместо того чтобы уйти, обернулась и помедлила, глядя поверх толпы.

Христиан заметил, что в этот момент что-то изменилось. Те, кто до сих пор парил, опустились на землю. Люди повсюду вокруг него искренне плакали и кричали: «НЕ УХОДИ! НЕ УХОДИ!» Она не ушла. Она поплыла назад к сцене. И когда она проплывала над своими последователями, те в экстазе били себя в грудь и визжали. Многие стояли с остекленевшими глазами, подняв в знак приветствия руки, и что-то невнятно бормотали. Другие падали на колени, кричали, их руки были сложены, словно для молитвы.

И в этот момент гигантский экран призвал к голосованию.

Вся арена дрожала, пока сердцеземцы кричали, подпрыгивали и хлопали друг друга по телесам. Столбики на экране быстро добрались до ста процентов и остановились, неспособные подняться выше. Кандидатка Партии Мамы на сцене вернула ребенка в кресло-коляску. Пока арена громогласно выражала свое одобрение, сопровождающие отстегнули ее крылья и накинули на нее красную бархатную мантию, отороченную горностаем. Она встала на колени и, пока ей на

голову возлагали сверкающую корону и вручали скипетр с шаром на конце, толпа безмолвствовала. Однако, когда она встала и простерла скипетр, толпа вновь взорвалась криками.

— Мы любим тебя, Мама! Не уходи!

Христиан и Фидель осмотрелись по сторонам. Похоже было, что эта вечеринка затянется еще надолго. Некоторые из сторонников Папы считали, что с них довольно и продвигались в сторону выходов.

Друзья поднимались по лестнице как раз перед двумя расстроенными приверженцами Папы.

— Это все музыка, КрутойДжо. Нам *обязательно* нужно найти лучшую песню, иначе мы *никогда* не выиграем.

Христиан улыбнулся Фиделю:

— Ты тоже думаешь, это все музыка?

Фидель помедлил, пока они вновь не оказались в вестибюле:

— Понимаешь, эта музыка... она *загает* тебя за живое... *будоражит* тебя. Все эти барабаны, бьющие в ритме сердца, все это нагнетание атмосферы, ее библейские образы. Это было просто ужасно. Исключительно нагнетание эмоций — духовных, сексуальных... Боже милосердный! Хорошо еще, что она их призывала только проголосовать.

— Да, думаю, попроси она их свалить в кучу все свои драгоценности, то могла бы не сходя с места сделать золотого тельца, — они друг за другом вышли из дверей арены и оказались снова на площади у ЦентрОПлазы. Христиан оглянулся по сторонам.

— Пойдем, подыщем пару хороших пластиковых кроватей.

Они направились в сторону Центра искусств, сопровождаемые сильным попутным ветром и подхваченной им красочной предвыборной агитацией. Увидев открытки, несущиеся вдоль тротуара, Христиан заметил:

— Да, они таки отстояли свою 25-часовую рабочую неделю... Ой, смотри!... Боже мой!!

Идущая впереди них женщина сошла с тротуара на проезжую часть, собираясь перейти улицу, когда на нее налетел голубой седан, круто выворачивавший налево с площади. Женщину подбросило в воздух, и она, перелетев через улицу, приземлилась на бок. Голубой седан несколько раз дернулся, пока его водитель боролся с неуверенностью, но

затем взревел мотором и скрылся. Когда Христиан и Фидель подошли к женщине, она лежала на спине, закрыв лицо руками. Услышав голос Христиана, она опустила руки и попыталась собраться.

— Мисс? — Христиан отбросил с ее лица длинную прядь светлых волос. — Вы слышите меня? — ее дыхание было затрудненным, но размеренным. Машина ударила ее в правый бок. Похоже было, что правая нога сломана, и у нее вполне могло быть внутреннее кровотечение.

— Пойду за помощью, — Фидель бросился в сторону арены.

— Вы слышите меня, мисс? — Христиан взял ее за руку и ощутил слабый, но ровный пульс.

— Ох, — застонала она, — что за кровавое месиво...

Он бросил взгляд на ее вывернутое в сторону колено и пропитавшийся кровью разорванный спортивный костюм, скрывавший лишь Бог весть насколько ужасные раны на боку и бедре.

— Думаю, вам не стоит двигаться. Лежите спокойно.

Она протянула руку к бедру и тут же отдернула ее, крича от боли и ужаса от того, что ощутила.

— Мисс, скажите, как вас зовут? — он склонился ближе к ее побледневшему лицу, чтобы ей легче было задержать на нем свое внимание и не потерять сознания.

— Кто... кто вы? Что случилось? — пробормотала она.

— Меня зовут Христиан. Мы с другом шли позади вас, когда вас сбил автомобиль. Выскочил непонятно откуда и сбил вас. Он не остановился.

— Что со мной? Я чувствую эту ужасную тяжесть... вся правая сторона, ниже талии...

— Да, думаю вам придется надолго отправиться в больницу.

Она отвернулась и уставилась на бордюр, слезы текли по ее переносице и капали на тротуар.

— Ну, вот и все...

— Эй, не надо так, — он вытер ей лоб носовым платком, который достал из рюкзака. — Просто полежите тихо, мисс. Как вас зовут?

— ДеткаГрейс. Не могли бы вы... не могли бы вы позвонить моему парню?

— Конечно, как мне с ним связаться?

— ПрыткийДок, 25-790.

К тому моменту, как Христиан это записал, подошел Фидель и склонился над ними, упираясь руками в колени.

— Как она? — выдохнул он.

Христиан кивнул на ее раны и поднял брови.

Фидель взял женщину за руку, чтобы прощупать пульс, и отпустил ее, когда с площади круто вывернул белый фургон и, резко затормозив, остановился метрах в полутора от них. Ни огней, ни сирены, но из фургона тут же выскочили двое с брезентовыми носилками.

— Это вы звонили о том, что был сбит человек, а автомобиль скрылся?

Фидель выпрямился:

— Да, вот она, — он рассматривал их грубые носилки. Один взял женщину под руки, другой подхватил под правый бок и колено, и на счет три они резко подняли ее и положили на носилки. Когда они подвинули ее правую ногу к левой, ДеткаГрейс закричала в два раза громче.

— Эй, парни, вы поедете с ней?

Христиан с Фиделем молча разделяли одно опасение. *«Что происходит с бременами вроде этого в стране, где составление требует минимальных усилий?»*

— Да, — ответили они в унисон и заскочили в фургон.

— А где же медики? — прошептал Христиан на ухо другу, когда водитель и его помощник быстро заняли переднее сиденье. — Вот, — он вручил водителю клочок бумаги. — Она дала мне имя этого человека и номер, чтобы с ним связаться.

Передавая по радио информацию диспетчеру, водитель разглядывал Христиана в зеркало заднего вида.

С лица ДеткиГрейс, время от времени освещаемого отблесками уличных фонарей, постепенно исчезал ужас, но вместе с ним — боевой дух и решимость жить. Слезы печали и смирения текли по ее вискам и исчезали в волосах. Ее невидящий и немигающий взгляд был устремлен в потолок фургона. Христиан коснулся ее руки:

— Слушай, через пару минут мы получим помощь. Тебе сейчас очень больно, но ты с этим справишься.

Она моргнула и снова уставилась в потолок.

Они несколько минут стояли на подъездной дорожке к

больнице, пока водитель не вернулся с кем-то в белом халате. «Ну, наконец-то!» Христиан с Фиделем вышли из фургона. Но вместо того, чтобы достать ДеткуГрейс, доктор сам залез в фургон с фонариком и начал изучать ее повреждения, в то время как она изо всех сил пыталась сдержать крик. Спустя несколько минут он вылез, качая головой и вешая стетоскоп обратно на шею.

— Мы здесь с этим не справимся, — сообщил он водителю. — Вам нужно везти ее в «ЛюбвеРадость».

Забираясь обратно в фургон, Христиан кипел от злости. *«Вот идиоты! Где пункт первой помощи?! Как можно не видеть, что ей нужна серьезная операция... и немедленно!»*

Водитель и его помощник забирались на переднее сиденье с заметно меньшей поспешностью. Христиан мог поклясться, что они ехали назад тем же самым путем, каким приехали. Когда они выехали на площадь, он уже знал, что возвращаются. Брезентовые носилки под ногой ДеткиГрейс были полностью пропитаны кровью. Он отдал бы все что угодно за руку с несколькими листьями.

— Послушай, ДеткаГрейс, — сказал он, пытаясь ободрить ее. — У тебя повреждена нога. Но сердце — а это самое главное — в полном порядке. Я видал случаи, когда дела действительно были плохи. Но у тебя сейчас — совсем другая история. Держись, ты сможешь с этим справиться, — он слегка сжал ей руку. ДеткаГрейс медленно повернула голову и пристально посмотрела ему в лицо, пытаясь примирить его слова и свою искаленную ногу.

Напротив Центра Сердцеземья на площадь выходил фасад прекрасного строения из стекла и мрамора. Они приблизились к нему и снизили скорость. И хотя Христиан с Фиделем не исследовали этот конец площади, здание казалось им знакомым. Роскошная обивка, изысканные цветочные композиции и большой водопад в ярко освещенном вестибюле пробудили в Христиане смутные воспоминания. Блестящие подсвеченные бронзовые буквы на мраморной вывеске над стеклянной дверью подтвердили его опасения: «Центр Трансляции ЛюбвеРадость».

Теперь вы можете с ней повидаться, — блондинка с аккуратно собранными в пучок волосами, одетая в спортивный костюм цвета коралла и сливок, проводила их в «палату» ДеткиГрейс. Лавируя между группами в основном пустующих глубоких кресел, они шли за ней следом по мягкому темно-серому ковру.

Несколько групп гостей с другой стороны вестибюля ожидали последнего прощания. Одни собрались вокруг мерцающих жертвенных свечей, совершая поклонение ангелам, другие тайком перешептывались, обсуждая последние сплетни. Помещение было наводнено ангелами — лампы в виде ангелов, обивка с изображениями ангелов, расписанные ангелами стены.

Конечно, ДеткаГрейс знала все с самого начала — с того момента, как дотронулась до своей раны и поняла, что не может двигаться. То, как ее забирали с места происшествия, отказ в больнице, неспешное возвращение на площадь — все это соответствовало жуткому сценарию, согласно которому их сопровождала теперь эта блондинка со шпильками в виде ангелов в волосах.

— Это Освенцим с мраморным вестибюлем, — прошептал Христиан другу.

— Какой из коридоров ведет к печам?

Выйдя из вестибюля и пройдя пару коридоров, их сопровождающая замедлила шаг и осторожным толчком локтя открыла дверь с выведенной каллиграфическим почерком табличкой: «ПалатаПокоя». «Ну почему эти люди так упорно не признают пробела?» ДеткаГрейс выбрала комнату с пурпурно-красными парчовыми обоями и роскошным персидским ковром золотистого оттенка. Она была обложена огромными гобеленовыми подушками, ее длинные светлые волосы были уложены в виде нимба вокруг головы. Аквамариновый шелк кимоно смягчал мертвенную бледность лица и подчеркивал голубизну глаз. «По крайней мере, они не должны умирать в спортивных костюмах». Через пышное одеяло с богатым узором друзья смогли различить, что на ее ногу наложена шина. ДеткаГрейс была уже подключена к капельнице.

Со слабой улыбкой она отвернулась от большого телевизора, по которому показывали «Время Ангела».

— Привет, — произнесла она неожиданно сильным голосом.

— Эй, только посмотри на себя — ты выглядишь гораздо лучше! — сердце Христиана екнуло от деланного энтузиазма в собственном голосе. «Кажется, они иногда совмещают больничный уход со своим "сервисом" трансляции». Он мягко пожал ей руку и присел рядом с кроватью.

— Похоже, они тебя слегка подлатали, — приветливо улыбнулся Фидель.

— Да, — приподнявшись, чтобы взглянуть на свою ногу, она пояснила. — Мне наложили швы на бок и бедро, немного, только снаружи, и наложили на ногу шину. Я по-прежнему не могу ею двигать, но это такое облегчение, что нет больше кровавого месива. Спасибо ангелам за морфий, — она упала назад на подушки. — Трансляция — это самый удивительный, самый необыкновенный момент нашей жизни. Они хотят, чтобы мы получали от него удовольствие.

Христиан глубже вдавил себя в кресло и укордкой взглянул на капельницу:

— Они уже... это уже началось?

— Нет еще. Я просила их подождать, пока Док сюда доберется, — ДеткаГрейс накрыла ладонь Христиана, продолжавшую лежать у нее на руке, ладонью другой руки. —

Спасибо, тебе, — сказала она и с улыбкой повернулась к Фиделю, — и тебе, за то что вы так быстро вызвали помощь и остались со мной. Все происходящее было таким... ошеломляющим. Я не подавала виду, но трудно выразить, как много значит не проходить через такое в одиночку. И, я подумала, — немного замаялась она, — не можете ли вы остаться? Это было бы для меня большой честью. Я позвала только Дока... моего парня.

— Ну, хм, это для нас большая честь, что ты нас приглашаешь, — Христиан запнулся и бросил на Фиделя отчаянный взгляд: *«Помоги же, мы должны что-то сделать»*.

В дверь постучали, и вошла их провожатая:

— Я нашла вашу сумку.

— О, прекрасно. Спасибо, — ДеткаГрейс взяла свою черную пластиковую сумку и стала в ней рыться, когда провожатая удалилась. Наконец она вытащила оттуда замшевый мешочек бирюзового цвета. По мере того, как она выстраивала на столике возле кровати хрупкие фигурки ангелов, глаза ее разгорались.

— ДеткаГрейс, — заговорил Фидель, наблюдая как она достает из мешочка жертвенную свечу и спички, — ты никогда не задумывалась, кто создал ангелов? Кто создал тебя?

ДеткаГрейс зажгла свечу и бросила спички обратно в мешочек:

— Не могли бы вы выключить свет? — Фидель выполнил ее просьбу. Она откинулась на подушки, ее изможденное лицо освещалось мерцанием свечи. — Да, иногда. Я всегда представляла жизнь в образе пылающей розы — прекрасной и ужасной одновременно. Это несравненно больше, чем могут создать время и случай. — Она нажала кнопку подачи морфия.

— Поэтому, когда Принцесса явилась к нам с того света и рассказала о вечной ангельской жизни... Я помню, как пришла здесь, в столице, в ФорумАрену со своими друзьями по колледжу, чтобы лично услышать это важное послание, посмотреть ее видеозаписи. Это не дало ответы на все вопросы. Но я думаю, что мы все издали большой коллективный вздох облегчения. Это была Надежда взамен Ничего. Будущее вместо неизбежного конца.

— Что же касается страховки — ну, вы понимаете, всего этого... — она слабым движением повела рукой вокруг, — сама возможность не стать бременем для тех, кого мы

любим, тогда воспринималась, как хорошая новость. И вот теперь... — взгляд ее блестящих глаз переместился с Фиделя на ее ногу. — Очень трогательно, правда? — она убрала ладонь с руки Христиана, чтобы вытереть щеки.

— ДеткаГрейс, у тебя *есть* будущее. Это *именно* Бог создал ангелов, — Фидель тихо продолжил. — Создал этот невероятно сложный и прекрасный мир. Не чувствовала ли ты этого порой, когда задавалась своими вопросами?

— Да, — поддержал его Христиан, — когда стоишь летним вечером под открытым небом и смотришь на звезды? Когда наслаждаешься столькими благословениями в жизни, сам ничего не сделав для этого?

— Да, ангельскими благословениями. Не знаю, как насчет Бога, но вы смотрели «Время Ангела»?

— Да, смотрели, — Христиан с Фиделем, стиснув зубы, глянули на эти вездесущие, никогда не прекращающиеся бредни, мерцавшие у дальней стены.

Дверь позади них медленно отворилась и лицо ДеткиГрейс озарилось сладко-горькой улыбкой:

— Док!

— Грейси! — он в мгновение ока проскользнул между Фиделем и Христианом и сгреб ДеткуГрейс в объятия. Целую минуту они, тихо плача, обнимали друг друга. ПрыткийДок отвернул одеяло, чтобы взглянуть на ее ногу, а затем вновь обнял ее и крепко поцеловал.

— Я... мне так жаль... не могу поверить...

— Тсс, — она прижала палец к его губам, а затем, овладев собой, обернулась к Христиану и Фиделю. — Ну, к слову о «Времени Ангела», это мой парень, ПрыткийДок, — она со сдержанной гордостью легонько погладила его по голове. — Док — продюсер «Времени Ангела». Док, это те джентльмены, которые вызвали скорую помощь, вызвали даже тебя, а затем оставались со мной — с момента аварии и всю дорогу сюда.

Христиан пожал мужчине руку:

— Рад познакомиться, — его радар ветерана маркетинга улавливал сигналы, передаваемые рукопожатием. Оно было чуть крепче формального жеста. — Я — Христиан, а это мой друг Фидель. Мы проходили Сердцеземье и чисто случайно попали на выборы...

— Очень рад встрече. И... я не могу выразить, насколько благодарен... Я так рад, что вы были здесь ради Грейси, — ответил он, пожимая Христиану руку сразу двумя руками и искренне глядя ему в глаза.

— Мы шли по площади позади ДеткиГрейс, когда ее сбили. Но, знаете, у нее повреждения только ниже талии — бедро и нога.

— Я знаю, — ПрыткийДок заметно помрачнел. — Я звонил и разговаривал с врачами, здесь и в больнице.

«Он действительно любит ее и знает, что это — конец игры». Христиан сделал глубокий вдох и решительно начал:

— Когда вы вошли, мы как раз говорили о Боге, Который создал ангелов. Боге могущества и величия, Который сотворил мир и держит его и нас в Своих руках, — Христиан пристально смотрел в лицо ПрыткомуДокку. — О Боге, предлагающем вечную жизнь в дар тем, кто хочет ее принять. К несчастью, многие отвергают этот дар.

По лицу ДеткиГрейс промелькнула тревога:

— Что вы имеете в виду?

ПрыткийДок смотрел на Христиана с нескрываемым интересом.

— Бог, Который создал нас, очень нас любит. Он желает поддерживать отношения с нами. Однако, если вы такие же, как я, то живете, попросту пренебрегая Им. Живете крайне эгоистично. Долгое время моя душа была похожа на ногу ДеткиГрейс. Сплошное кровавое месиво. Столько неудач, столько ошибок. Однако я постоянно латал ее, стараясь, чтобы внешне все выглядело красиво. А внутри страдал.

Фидель, наконец, пришел в себя и подхватил:

— Я тоже боролся с Богом. Я обнаружил, что у Бога есть Враг. И самое главное оружие этого Врага — плести паутину лжи, — Фидель старался не смотреть на ПрыткогоДока. — Лжи о существовании Бога, лжи о великой Божьей любви и истинном сострадании. И я назову вам одну, в которую верят здесь, в Сердцеземье.

ПрыткийДок сидел очень тихо и не шевелился. Однако ужас ДеткиГрейс оказался сильнее морфия.

— В какую? — потребовала ответа она. — В какую ложь мы верим?

— Здесь, в Сердцеземье, вы верите лжи Врага о сущности сострадания: не возлагать на людей никакого бремени, не заставлять их... как там у вас говорится?

ДеткаГрейс продекламировала Сердцеземскую мантру:

— «Никто не должен брать на себя никаких обязательств, если сам того не захочет».

— Вот-вот. Однако проблема, — продолжал Христиан, — состоит в том, что *никто*, будучи предоставлен своему эгоистичному, жадному маленькому «я», не захочет пожертвовать собственными потребностями, собственными устремлениями ради заботы о других. Поэтому мы и сидим сейчас здесь, в ожидании крайнего проявления этой лжи — трансля... в *ЛюбвеРагости* — и наблюдаем, как прекрасная молодая женщина, которая могла бы прожить богатую насыщенную жизнь, готовится умереть. ДеткаГрейс, — умоляюще сказал он, — после операции и двух-трех месяцев ухода...

— Док, скажи что-нибудь! — изможденное лицо ДеткиГрейс зарделось от гнева. ПрыткийДок — наоборот, весь побелел, кроме темных кругов вокруг глаз.

Фидель мягко и уважительно сказал им:

— ДеткаГрейс, Док, истинная сущность Божьего сострадания прямо противоположна той лжи, в которой вас убедили. Никто не любит больше, чем тот, кто полагает жизнь свою за других.

И самое поразительное, что, хотя мы грешны и осквернены, соблазнены ложью Врага, Бог, Творец нашей жизни и Истории Царства, в котором мы живем, Бог послал Сына Своего Иисуса сделать именно это — положить Свою жизнь за наши... понести наказание, которое мы заслуживаем за всю нашу моральную несостоятельность, чудовищной, ужасной смертью через распятие на кресте. Затем, чтобы подтвердить, что Он может простить наши грехи против Него, Он воскресил Иисуса из мертвых — и это гарантия того, что все, кто уверует в Его истину, обретут прощение и вечную жизнь. Не в качестве ангелов, а в качестве самих себя, вечно живущих и царствующих с Богом.

Христиан не мог сказать, что было причиной расстройства ДеткиГрейс — молчание Дока или ее личная приверженность сердцеземским верованиям.

— Но, — сказала она, рывком садясь на постели, — как вы можете верить, что это истина? А как насчет «Времени Ангела»? Док?

— Да, — прошептал Док, уставившись в экран на последний выпуск своей продукции, — как вы можете верить, что это правда? — он медленно выдавливал из себя слова. — Откуда вы знаете, что люди, жившие во времена Иисуса, просто не придумали эту историю... ради *своих собственных* целей?

Фидель молился над каждым словом, которое собирался произнести:

— Большинство основных участников событий, писавших об этом, «создавших» историю Иисуса, действительно *видели* Его воскресшим во плоти. Видели Его много раз. И они были настолько убеждены, что Бог воскресил Его из мертвых и что Его весть о прощении истинна, что с готовностью отдавали свою жизнь за то, во что верили, — взгляд Фиделя был прикован к ПрыткомуДоку. — Вы думаете, они бы умерли ради лжи?

— Но, дорогой, — ДеткаГрейс отчаянно пыталась получить от Дока поддержку, — ты же знаешь, что наши истории об Ангеле правдивы, так ведь? Ты же снимал Ангела Милосердия, правда? Записывал ее историю, когда это выпало тебе и другим Планировщикам? Снимал всех этих людей и их рассказы об ангелах... Док?

В наступившей после этого тишине в дверь снова постучали, и вошла сопровождающая.

— О, — сказала она, извиняясь, обученная вмешательству в деликатных ситуациях, — я всего на минутку. И прежде, чем кто-либо из них смог понять ее намерения или перехватить ее, она проскользнула к ДеткеГрейс со шприцом и ввела в капельницу смертоносный раствор. — Да благословит тебя Ангел, ДеткаГрейс.

— Просто вызовите нас по внутренней связи, когда будете готовы уйти, — сказала она напоследок ПрыткомуДоку и закрыла дверь.

Взгляд ПрыткогоДока застыл на пластиковой трубке, зафиксированной клейкой лентой на руке ДеткиГрейс.

— Док?.. Док! — ДеткаГрейс дотянулась до его подбородка и повернула лицом к себе. Он оттолкнул ее руку от подбородка и стал яростно отдирать ленту.

— О, Грейси, мне никогда даже в голову не приходило, что выбор, сделанный так давно, приведет меня сегодня сюда — в эту комнату. Ты сидишь на планерках, пытаешься найти решение проблемы. Ты предлагаешь план. Он кажется настолько исполненным сострадания! Он кладет конец экономическим трудностям. Позволяет справиться с тяжелыми случаями. Не нужно больше биться с зондами искусственного кормления и аппаратами искусственного дыхания, разрываться между работой, личной жизнью и заботой о тех, кто не может позаботиться о себе сам. Ты и понятия не имеешь, как то, что призвано решить столько проблем... Кто мог предвидеть, что больницы придут в упадок и закроются, что людей будут принуждать выбрать...

— Принуждать?! Док, да кто *захочет* страдать — быть бременем и заставлять страдать других, если он может стать ангелом раньше, а не позже. Я по-прежнему буду с тобой, — она попыталась отдернуть руку, но Док, сражаясь с лентой, держал ее крепко. — Док, что ты...

— А кроме того, мы пытались найти оправдание. Кто может определенно сказать, что происходит по ту сторону? Возможно, мы и становимся ангелами — множество людей рассказывают, что видели их, — ПрыткийДок наконец одолел ленту, швырнул ее на пол, а затем осторожно вытащил из вены ДеткиГрейс иглу капельницы, прижав пальцем крошечную ранку от укола.

— Док! — застонала ДеткаГрейс. — Прекрати, ты меня пугаешь!

Фидель быстро обследовал ванную комнату и вернулся с кусочком ваты и пластырем. ПрыткийДок смотрел прямо в глаза своей любимой.

— Грейси! — громко прошептал он. — Мне нужно, чтобы ты вела себя тихо. Не заставляй их прийти сюда. — Положив кусочек ваты на ранку и закрепив его пластырем, он взял ДеткуГрейс за обе руки и глубоко вздохнул.

— Грейси, я не просто выпускаю передачи «Время Ангела». Я их сочиняю. Я придумываю их.

— Док, что... что ты говоришь?! — широко распахнув глаза и вырывая руки, ДеткаГрейс отпрянула, словно пыталась отстраниться от этой невыносимой новой реальности. — Сейчас не время...

— Сейчас как раз время, поскольку, если все это неправда, нам нужно будет найти тебе помощь. Надо забрать тебя отсюда. — Он посмотрел на Фиделя и вновь обернулся к горячо любимой им женщине. — Грейси, я не позволю тебе отдать свою жизнь ради лжи.

Христиан дошел до выхода в вестибюль и остановился, надеясь, что отбойные молотки в его груди хоть немного сбавят темп. Он убедился, что ключи от машины ПрыткогоДока болтаются у него в руке, так что дежурные на входе смогут их разглядеть. *«Виците меня, гамы? Вот, я рассеянно иду к машине... погруженный в свои мысли... в этом нет ничего необычного. Прошу Тебя, Господи...»*

На улице его шаг ускорился, хоть он и пытался сдерживать себя. Христиан молил Бога сделать его друзей невидимыми для дежурных, наблюдающих за палатами. *«Камеры смертников! Какая ирония»*. Он нажал кнопку центрального замка, и черный седан, припаркованный у тротуара за три машины от него, замигал и тихо свистнул в ответ. Он скользнул внутрь, на кожаную прохладу сиденья.

Христиан ехал по пустынной улице вдоль длинной стороны Центра, пока дорога не кончилась тупиком на берегу реки. Ее ширины едва хватало, чтобы развернуть машину. Разворачиваясь, он мельком увидел несколько больших труб, тянущихся от задней стены Центра к чернеющей внизу реке.

Он выключил фары и стал ждать возле служебного выхода из «ЛюбвеРадости».

Лобовое стекло стало покрываться мелкой, напоминающей песок, изморосью. Он опустил окно и выставил наружу руку ладонью вверх. «Изморось» не была мокрой или даже влажной. Христиан растер порошкообразное вещество между большим и указательным пальцами и внезапно похолодел. Он с содроганием втянул руку обратно в машину. *«Нечист! Нечист!»* Он не мог разглядеть дымовых труб, однако смерть носилась в воздухе и с глухим плеском текла по большим сточным трубам, оскверняя тихие темные воды позади него.

Сидя в полнотемном полумраке узкой тупиковой улочки среди неясно проступающих вокруг стен сердцеземской «цивилизации», Христиан поглаживал на часы, бросая тревожные взгляды в зеркало заднего вида в поисках каких-то признаков Дока и Фиделя. Продолжал тихо падать пепел, слой которого становился все толще и толще, мешая видеть выход. Он решил было выйти из машины и ждать возле здания, но побоялся привлечь внимание. Медленно ползли минуты.

Пепел, подобно грязному снегу, покрыл лобовое стекло таким слоем, что Христиан включил дворники. Он вглядывался сквозь пепел в «Центр ЛюбвеРадость». По-прежнему огненная яма, но без криков или барабанного боя. Просто еще одна тихая ночь массового убийства на площади. *«Я никого не заставлял, мне даже в голову такое прийти не могло».* Сцена в больнице из фильма Аполлиона пронеслась в его голове. *«Отче, прости нас, ибо мы не знаем, что творим. И очень часто даже не хотим знать».* Он молился о ДеткеГрейс и о своей покинутой подружке Эми и их ребенку.

Христиан снова взглянул на часы. Четырнадцать минут с тех пор, как он вышел из комнаты. Что он будет делать, если им не удалось? Он помолился за них всех. *«Отче, у нас нет другого варианта... прошу Тебя...»* Внезапно весь их план показался ему совершенно дилетантским. Как вообще могут два человека с завернутым в одеяло инвалидом куда-нибудь «прокрасться»? А город, в котором есть больница, так далеко — за границей Сердцеземья. Как они могут не попасться в единственном роскошном седане...

«О, я маловерный». Христиан нажал кнопку разблокировки дверей и высунулся, чтобы открыть заднюю дверь, пока Док обходил машину. Фидель осторожно просунул в дверь сонную ДеткуГрейс, и Док положил ее ноги себе на колени. Они закрыли дверь и отряхнули пепел с волос и одежды. Христиану, чтобы видеть сквозь органические осадки, пришлось увеличить скорость движения дворников.

— Куда?

Док показывал путь к главной магистрали, ведущей из города. В квартале от площади Христиан смог выключить дворники и увеличить скорость. Он с облегчением обнаружил, что главная артерия города неплохо освещена.

Док с заднего сиденья протянул через плечо Фиделя порядочного размера бутылочку с таблетками.

— Вот, этого должно хватить, пока вы не доставите ее в больницу — по две таблетки каждые четыре часа.

— Ты не поверишь, — Фидель улыбнулся, глянув на Христиана, и взял бутылочку. — Мы не только похитили кандидату, но, убегая, прихватили еще и лекарств на дорогу!

Через пару минут Док жестом велел им остановиться и ждать, а сам исчез со своим кейсом под мерцающей неоновой вывеской «ЦентроБанк». Вернувшись, он бросил кейс на колени Фиделю и сел на заднее сиденье рядом с ДеткойГрейс.

Тот открыл кейс.

— А теперь ты что делал? Грабил кассу?

— Ладно, ребята, послушайте. Это все мои сбережения. Вы должны иметь возможность оплатить ее пребывание в госпитале, заплатить за операцию — за все, что потребуется. Через пару кварталов мы будем возле моего офиса...

— Эй, к чему все это? Я думал, ты собираешься ехать с нами? — Христиан сильнее сжал руль.

— Особо секретная спасательная операция в самом разгаре, а ты нас покидаешь? Ты нам нужен! — настойчиво заявил Фидель. Возникла неловкая пауза.

— Да, нужен. Я нужен вам, чтобы устроить здесь большую заваруху, а вы смогли выбраться из столицы...

— О, конечно, ты устраиваешь заваруху и тут же всем полицейским передают ориентировку на эту машину...

— Нет, вы не понимаете здешних порядков. У наших автомобилей нет даже номерных знаков. А что до обеспечения правопорядка... — Док закатил глаза, — скажем просто, что в стране безграничного сострадания обеспечение правопорядка *не стоит* на первом месте — нельзя же заботиться сразу слишком о многом. Вот почему если они свяжутся со мной, то не станут заниматься вами, особенно если вы покинете город. Кроме того, если я сделаю это... — он умолк и посмотрел на лицо ДеткиГрейс, — возможно, я спасу больше таких Грейси... Остановите здесь.

Христиан припарковал машину за квартал от здания с вертикально расположенными над входом буквами «СЗТВ».

— Я думаю, Бог *должен* существовать, — Док наклонился вперед и положил руки на плечи друзьям. — Он послал вас

мне — нам — как раз в нужный момент. Хотел бы я, чтобы у нас было больше времени — мне даже некогда написать записку Грейси, — он на миг закрыл глаза и предпринял величайшее усилие, чтобы совладать со своим голосом. — Скажите ей, — произнес он и повернулся, чтобы взглянуть на нее, — скажите ей, что я ее люблю. Сильно, страстно, от всего сердца, ныне и вовеки. И что я так благодарен за те годы, когда она была частью моей жизни. Скажите ей... — по его щекам текли слезы, — что я отдаю свою жизнь за нее. За нее и за Истину.

Он повернулся к своей любимой и нежно заключил ее в

“ Скажите ей, что я отдаю свою
жизнь за нее. И за Истину. ”

объятья:

— Грейси, Грейси!

Ее глаза заморгали и открылись, а губы расплылись в прекрасной улыбке:

— Привет, Док... — она обвила руками его шею, прижалась к его плечу и сразу же вновь погрузилась в сон.

— Я люблю тебя, Грейси, — прошептал Док. Он осторожно прислонил ее спиной к дверце, заботливо укутал одеялом и вылез из машины.

Сквозь открытое со стороны Фиделя окно ПрыткийДок пожал путешественникам руки:

— Эта дорога приведет вас прямо к границе, — вытирая щеки, он развернулся и быстро зашагал в сторону четырех ярко светящихся букв.

— Бог будет хранить ее, — крикнул Фидель ему вдогонку, — и мы будем молиться за тебя.

Док не обернулся. Он перешел боковую улицу и вошел в здание под большими буквами «СЗТВ».

На посту охраны он провел пропуском в щели сканирующего контрольного устройства и, введя длинный ряд цифр, перепрограммировал его. Потом он заблокировал дверь лифта на десятом этаже стоявшим в вестибюле столиком. Задержав взгляд на горящей красной лампочке «эфир», он неслышно проскользнул в студию и жестом поприветствовал, а затем позвал за собой дежурного инженера. Глянув на часы, инженер снял наушники и пошел с Доком к дверям

студии. Он все еще вопросительно смотрел на своего начальника, когда дверь перед носом инженера захлопнулась, и он услышал звук задвигаемой задвижки.

После того как Док переключил вещание на передачу «Время Ангела», ему понадобилась всего минута, чтобы выйти из аппаратной, выставить камеру и занять свое место перед микрофоном. В эту субботу, в 11:30 вечера, Док молился Богу Христиана и Фиделя, чтобы Он позаботился о Грейси и дал ему мужество и большую аудиторию.

— Привет от СЗТВ, это ПрыткийДок, сердцеземский Планировщик и продюсер «Времени Ангела». Простите, что прервал вашу программу, но у меня есть очень важное сообщение для всех сердцеземцев. Я рад приветствовать слушателей радио АТР, слушающих эту специальную передачу одновременно со зрителями СЗТВ.

Позвольте мне начать с небольшого экскурса в историю Сердцеземья. Все вы знаете, как мы относимся к навязыванию людям обязательств, которых они не хотят брать на себя добровольно. Вот почему наши дети находятся в заведениях «Общинного Ухода». Пока мы не пришли к этому решению, мы ухаживали за своими детьми в одиночку, в лучшем случае — нанимали помощников. С годами нам становилось все труднее обеспечивать уход за престарелыми, больными и инвалидами. Стоимость такого рода медицинского обслуживания и ухода резко возросла, и мы не могли привлечь достаточно людей для работы в этой области.

Годами мы работали над этой проблемой, однако она быстро выходила из-под контроля. Налоговое бремя, связанное с выплатами компенсаций, сдерживало рост экономики и привело наше государство на грань банкротства. У нас имелись законы, формально разрешавшие самоубийство с помощью врача, но поначалу требования к принятию такого рода решений были очень высокими.

Мы были в отчаянии. Мы экспериментировали со снижением уровня требований — один врач, не только неизлечимые болезни, просто искреннее желание не жить. Возможно, вы помните, что на первых порах безудержный спад в нашей экономике прекратился. Но мы видели, что если мы действительно хотим изменить положение вещей, то должны дать людям больше мотивации избрать уход из жизни.

На тайных совещаниях мы спорили, как это сделать, анализируя сотни предложений, пытаясь найти выход. Изучение рынка показало нам, что большая часть наших людей верят в Бога, ангелов и загробную жизнь. Поэтому мы стали обсуждать, как сделать так, чтобы загробная жизнь представлялась более желанным вариантом. Убедить людей увязать медицинские решения с тем, во что они уже верят...

Начальник избирательного штаба Партии Мамы, стоя перед телевизором в штаб-квартире и с трудом веря в реальность происходящего на экране, резко свистнул, чтобы утихомирить празднующих сотрудников. Стоящий рядом с ним менеджер службы опроса общественного мнения жестами подзывал толпу к большому экрану.

На окраине города Христиан заправлял черный седан бензином. На экране телевизора, висящего над кассой внутри заправки, исповедь ПрыткогоДока сопровождалась бегущей строкой: «Одновременная передача на АТР 89,3 FM». Пока вернувшийся в седан Христиан выезжал обратно на трассу, Фидель настроился на эту волну.

— А потом кое-что произошло, — слышался в динамиках голос ПрыткогоДока, — казалось, нам представился благоприятный случай, которого мы так искали. Умерла великая Сестра Милосердия. На одной из наших встреч я выдвинул идею: что если мы сделаем эту женщину — столь известную своим состраданием к больным, нуждающимся и умирающим, — нашей святой заступницей? Возведем ее в статус ангела-хранителя или чего-то в этом роде? Распространим мысль, что точно так же, как эта сестра ушла, чтобы пребывать с Богом и ангелами, и другие люди могут положить конец своим страданиям и присоединиться к ней. Мы могли бы даже развернуть вокруг этой идеи рекламную кампанию.

Я был совершенно не готов к реакции руководства. Они восприняли эту идею, но только гораздо глубже. Они решили, что мы пойдём дальше и будем рекламировать нашу святую заступницу, что она сама стала ангелом. Маленький шагок, но я вполне мог с этим смириться. Кто знает точно, что происходит, когда мы умираем? Затем они предложили, чтобы мы внушали мысль, что после смерти каждый становится ангелом. Еще один маленький шагок. Опять же, кто знает? Может быть, это правда. Пропаганда этих маленьких

поправок к верованиям, которых люди уже придерживались, обещала так много выгод, что дело наверняка того стоило.

Телефоны в столичном полицейском управлении раскалились добела. Диспетчер разбудил начальника и перенаправлял звонки прямо на него. Через пару минут ряды дежурных полицейских в здании управления стали быстро расти.

ПрыткийДок между тем продолжал:

— Все соглашались, что никто не сделал больше именно для той категории людей, которых мы хотели побудить присоединиться к ней, чем эта простая скромная женщина. Однако некоторые указывали, что ее последователи могут не согласиться с нашим планом. Эта женщина придерживалась крайних воззрений в вопросе о ценности каждой человеческой жизни. Она часто высказывалась против абортот и эвтаназии — точка зрения меньшинства, раздражавшая практически всех. Однако, рассуждали мы, возможно, если она «выступит» с «той стороны», то сама сможет засвидетельствовать как там прекрасно, побуждая других присоединиться к ней. Один сенатор даже предложил «найти» после ее смерти новые записи, смягчающие ее нежелательные взгляды...

Новая королева ворвалась в свой офис, чтобы позвонить лично. Ей ответили, что начальник полиции ожидается через минуту и тут же ей перезвонит.

— При каждом новом подобном «предложении», — вещал ПрыткийДок, — я испытывал некоторое неудобство. Но затем всякий раз думал: «А что, если мы не сможем решить эту проблему? Это будет означать конец нашей цивилизации в том виде, как мы ее знаем». Поэтому я взял на себя обязательство написать пробный сценарий... так возникла первая передача «Время Ангела».

Инженер наконец смог вытащить столик, блокирующий дверь лифта, но лишь обнаружил, что лифт по-прежнему не работает. Выбившись из сил и задышавшись после того, как пробежал вниз десять лестничных пролетов, он не смог разблокировать контрольное устройство двери своим кодом. Он кричал, что аппаратная захвачена и кто-то, должно быть, перепрограммировал дверь, однако разъяренная толпа за дверью не прекращала кричать и не слушала его.

— В ту неделю, когда я начал писать, — говорил ПрыткийДок, — нам в руки свалилась еще одна неожиданная

удача. Дочь короля внезапно погибла в катастрофе на воде. Она также была известна своим состраданием, но без раздражающих взглядов на аборты и эвтаназию, и мы переключили внимание на нее. Потрясающе красивая женщина, средства информации ее просто обожали. Они вовсю расписывали, сколько времени и усилий она посвящает благотворительной деятельности, так что по своему уровню она вполне соответствовала великой Сестре Милосердия...

Два автобуса с полицейскими в полной экипировке для подавления общественных беспорядков резко выехали из полицейского управления. Пару секунд спустя диспетчер ответил на звонок из «Центра трансляции ЛюбвеРадость» о пропавшей кандидатке. Он извинился перед старшей дежурной, сообщив, что весь личный состав в настоящее время направлен к месту чрезвычайного происшествия на студию сердцеземского телевидения. Кроме того, это не первый случай, когда кандидат умер и покинул Центр, не будучи отмечен в регистратуре.

Доехав до окраины города, черный седан снизил скорость. Он остановился на красном сигнале светофора возле башни с сердцем, а затем рванул вперед, когда редко расположенные серые блочные дома пригородов уступили место открытой дороге.

Рассказ ПрыткогоДока продолжался:

— Для меня это было очевидно. Сев тем вечером за компьютер, я написал первый сценарий для нашей Принцессы Ангела. Я слышал ее голос и плавное течение ее послания. Она рассказывала нашим опечаленным согражданам, что небеса — это место бесконечных ясных солнечных дней. «Нет больше боли, слез. Зачем тянуть? Зачем страдать? Пусть все страждущие приходят ко мне».

И вы пошли. Десятками, потом сотнями, потом тысячами. И нам пришлось построить центры трансляции, чтобы справиться с таким наплывом. И экономика подняла голову. Поэтому угрызения совести, которые я испытывал, когда видел людей, бросивших все дела и уставившихся в телевизор, страстно желая посмотреть еще одно «Время Ангела», успокаивались убежденностью, что я выполняю свой долг — в действительности, делаю дело Господне. Все это стало для меня чем-то вроде духовного упражнения.

Взрывник поджег фитиль, и управляемый взрыв вынес дверь вместе с контрольным устройством. Инженер выглянул из-под стойки, где нашел убежище, как раз в тот момент, когда дюжина винтовок, подхваченных взрывной волной, пронеслась мимо.

— Спустя некоторое время дело уже не ограничивалось одной Принцессой, — говорил ПрыткийДоку. — У нас появились и другие «ангелы», ободряющие людей, творящие маленькие чудеса. Джин вырвался из бутылки. Люди начали писать книги об ангелах, давать интервью о том, как они видели их собственными глазами. Мы были завалены «свидетельствами очевидцев» о встречах с ангелами, в основном с умершими членами семей и друзьями. Я не могу объяснить это явление иначе, как стадным мышлением.

Команда спецназовцев взбиралась вверх десять лестничных пролетов. Капитан собрал своих запыхавшихся бойцов в коридоре, чтобы перегруппировать их перед штурмом аппаратной, где профессионально поставленный подробный доклад ПрыткогоДока приковывал внимание всей страны.

— Какие-то предприимчивые головы придумали ангелов-друзей и членов семьи — маленькие фигурки, которые мы видим сегодня повсюду. Еще кто-то придумал маленькие жертвенники. Неожиданно все стали жечь свечи и воспевать. И мы, Планировщики, решили, что, если по-прежнему пытаться управлять этим, нам лучше принять и популяризировать многое из того, что развилось спонтанно. Поэтому был расширен выпуск передач «Время Ангела» и мы заказали большую скульптуру, копии которой установлены на центральной площади каждого города в Сердцеземье.

Друзья мои, вы меня знаете. Вы знаете, что более двенадцати лет я пользовался почетом и уважением как член Плановой Комиссии. Я клянусь вам, что рассказанное вам — правда. Если есть Бог, Который создал ангелов, я должен буду дать отчет за всю состряпанную мною ложь и за множество смертей, к которым я подталкивал. И я смиренно прошу у всех вас прощения.

Прорвавшиеся через дверь студии капитан, специалист по средствам связи и шесть других полицейских втиснулись в аппаратную, направив оружие на ПрыткогоДоку и готовые

открыть огонь. Остальные прикрывали единственный выход в коридор. Связист яростно набросился на пульт управления.

Глядя сквозь стекло на отряд, Док продолжал говорить спокойным голосом:

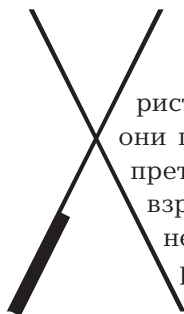
— Я знал, что если расскажу вам правду, то дорого заплачу за это. Но я убедился, что величайшее проявление сострадания — это заботиться друг о друге — отдавать свою жизнь за...

Связист нашел нужный переключатель. Красные огоньки над окном и над выходом в коридор сменились зелеными.

— Добрый вечер, джентльмены, — произнес Док устало. — Итак, похоже, наше сострадание имеет некоторые пределы.

Пули вдребезги разнесли стеклянное окно аппаратной и нашли свою цель. Пару минут спустя начальник полиции звонил новой королеве, докладывая, что проблема решена и что он очень извиняется за задержку. Она ответила, что ей немедленно нужен полицейский эскорт, чтобы прибыть в студию СЗТВ и заверить народ, что разглагольствования, к сожалению, сошедшего с ума брата-сердцеземца не должны поколебать их веру в систему.

Седан ПрыткогоДока несся под безлунным небом на север к Ярмарке Суеты.

Христиан сквозь резь в глазах отметил, что они пересекли границу сердцеземской «Запретной Зоны». Наверное, зона ядерного взрыва выглядела бы менее бесплодной и недружелюбной, чем местность, по которой, подпрыгивая и дрожа, двигалась машина Дока — солончаки, окруженные скалами и редкие груды камней. Однако впереди отчетливо виднелось сияние Пути — дорога через белое море, единственная отличительная деталь ландшафта среди уходящих вдаль бесконечных километров растрескавшейся земли. С заднего сиденья доносились стоны ДеткиГрейс, время от времени попадавшие в унисон с храпом Фиделя.

После еще двадцати минут езды на автопилоте, сквозь жару и туман впереди стало пробиваться мерцание ослепительного света. Прищурившись, Христиан смог различить блистающие холмы чего-то темного, сгрудившиеся у подножия чего-то большого и белого. *Стена?* Да, сверху был виден ее край, но в стороны она тянулась и тянулась — самое большое сооружение из когда-либо им виденных. *«Крепость? Город, окруженный крепостной стеной?»* Сияя белизной, сооружение простиралось на многие километры вдоль горизонта. Высотой в

двадцать-тридцать этажей, с гигантскими башнями, которые по углам вздымались в яркое послеполуденное небо этажей на сто.

Расстояние быстро сокращалось. Христиан изучал башни. Трудно было предположить, что здесь, посреди пустыни, находятся офисные здания, но чем еще могли быть эти цилиндры из зеркального стекла, срезанные под углом в сорок пять градусов? И теперь он заметил между угловыми башнями охватывающую большую часть сооружения огромную стеклянную сферу — прозрачный стеклянный купол-пузырь. Между угловыми башнями и главным куполом возвышались четыре стеклянных купола поменьше, каждый размером с кровлю большого стадиона.

Темные груды на переднем плане росли. *«Стекло? Что может так отражать солнце? И сколько птиц!»* Ныряющая, летающая кругами, заламывающая виражи маленькая цивилизация белых, похожих на чаек, птиц-мусорщиков занималась на холме своими делами.

— Фидель! Взгляни-ка на это!

Фидель проснулся и с удивлением обнаружил, что они держат свой путь вдоль подножия мусорных гор. По мере того, как он глядел на птиц, ныряющих вниз и осторожно пробирающихся среди мусора, до него постепенно доходило, почему его товарища столь захватил этот мусорный пейзаж.

— Ты когда-нибудь видел так много телевизоров с большим экраном и спутниковых антенн в одном месте?

Фидель потер глаза и сел, глядя на двухдверные холодильники, акустические системы, мониторы, компьютеры.

— Маловато поживы для птиц, — его замечание было бы справедливым для любой птицы, воспитанной на обычной свалке. Однако глядя, как эти чайки когтями и клювами разделяются с пластмассой, было очевидно, что они стали мастерами отсеивания насекомых и органических ископаемых от груд техники прошлогодних моделей.

— У многих экранов, возможно, разбито стекло, но этот хлам не кажется очень уж старым.

— Нет, он выглядит намного лучше, чем большая часть электроники у меня дома. Эй! — Фидель наконец заметил стену и пузырь над ней. — А это что такое?!

— Думаю, это город. Что-то вроде муниципально-корпоративного Тадж Махала. На углах, должно быть, офисные здания и, я думаю, весь город должен располагаться внутри.

— Тадж Махал и Королевство шоппинга.

Христиан усмехнулся приятелю:

— Весьма недурно!

— Да, я мог бы сделать карьеру в маркетинге. Но слагать оды детской присыпке — это явно не мой конек.

Седан грохотал мимо холма огромных бубликообразных компьютерных томографов, выброшенных рентгеновских столов и вентиляторов.

— Больницей повеяло, — Христиан с облегчением улыбнулся Фиделю, успокаивающе протянувшему руку назад к ДеткеГрейс.

Внезапно Христиан затормозил.

Фидель проследил за его взглядом:

— Ну и ну, ты только глянь!

Они задрали головы к ярко светящемуся телевизору с широким экраном, на котором говорила сквозь потрескавшееся стекло голова, вне всякого сомнения принадлежавшая Евангелисту. Христиан опустил боковое стекло.

— Приветствую, друзья мои! Благодать вам и мир.

Христиану хотелось выскочить из машины и обнять телевизор:

— Евангелист! Что ты тут... это потрясающе!

— Живой человек, отрада утомленным очам! — Фидель и Христиан, оставив мотор включенным, вылезли из машины.

— Итак, — сказал, тепло улыбаясь, Евангелист, — куда же вы добрались со времени нашей последней встречи?

Друзья за пять минут рассказали ему о последних событиях, отойдя в сторону, чтобы не закрывать окна машины и показывая на заднее сиденье, где беспокойно дремала ДеткаГрейс.

— Рад об этом слышать — конечно, не обо всех этих испытаниях, а о том, что вы вышли из них победителями и остаетесь ими. Продолжайте свой путь! — сказал он. — Венец ждет вас. Бегите к победе. Изо всех сил стремитесь к финишной черте. Сосредоточьте свой взор на Царстве. Вы видите его?

— Ну, если бы не этот огромный стеклянный пузырь... — начал Христиан.

Благообразный старик покачал седой головой:

— Способны ли вы взирать на невидимое глазами веры? Не позволяйте ничему приобретать власть над вашими сердцами и сбивать с толку. А теперь идите. Будьте тверды и мужественны, — и он благословил их. — Вся сила небес и земли да пребудет с вами.

— Погоди, погоди! — крикнул Христиан гаснущему изображению. — Евангелист! Тут вот какое дело. Нам нужна твоя помощь, — сказал он, указывая на ДеткуГрейс на заднем сиденье. — Как нам ей помочь? Как нам попасть в этот город или пройти через него, и что...

“ В этом городе вы привлечете внимание множества врагов. Они направят свою ненависть к Царю на вас. ”

— Что будет дальше? — Евангелист наклонился вперед, его лицо заполнило экран.

Христиан бросил взгляд на подавленное выражение лица Фиделя и попытался уклониться от прямого ответа:

— Ну, нам, наверно, не нужны все подробности, но мог бы пригодиться намек-другой. Ты знаешь, как обходиться с тем, что там впереди, и как... — он запнулся. Действительно ли он хочет это знать?

У Евангелиста лицо выглядело еще более серьезным, чем у Фиделя:

— Друзья мои, вы уже слышали, что путь в Царство заставит вас пройти через многие тяготы.

Христиан вздохнул. Тон Евангелиста был, как у его бухгалтер в конце неудачного квартала. Евангелист продолжил:

— По правде говоря, вам не стоит надеяться, что вы далеко продвинетесь на своем пути, не столкнувшись с трудностями. Они снова ждут вас впереди. Но оставайтесь на Пути, когда он будет спускаться к подножию этого города. Там найдете помощь для вашей подруги, — мышцы на затылке у Христиана слегка расслабились.

— В этом городе вы привлечете внимание множества врагов. Они направят свою ненависть к Царю на вас. Один из вас, или вы оба, скрепите свое свидетельство кровью. Но будьте верны, и Царь уготовит вам венец жизни.

Участь того из вас, кто умрет — хотя его смерть будет насильственной, а страдания велики — будет лучше участи его друга. Он избежит многих бедствий и раньше прибудет в Небесный Град. Когда начнется битва, и вы вспомните эти слова, мужайтесь. И вверьте заботу о своих душах Богу, вашему Неизменному Творцу. Благодать вам и мир, — и он со вспышкой исчез.

Все, что мог сделать Христиан, — это забраться в машину и продолжить путь. Он пытался сосредоточиться на дальнейших действиях. Как и предсказывал Евангелист, Путь пошел вниз, когда они приблизились к подземному гаражу. На контрольно-пропускном пункте под стеной к ним подошел контролер.

— Добрый день, сэр, — сказал он, с видом знатока кивая на седан ПрыткогоДока.

— Мы прибыли в Ярмарку Суеты из Сердцеземья. Нашей подружке нужно в больницу, — все пиаровские манеры Христиана совершенно испарились от слов Евангелиста.

Контролер бросил взгляд на ДеткуГрейс и немедленно запросил помощь по рации.

— «Скорая помощь» будет здесь через несколько минут. Добро пожаловать в Ярмарку Суеты. Я уверен, что нашей системе здравоохранения должен позавидовать весь мир. Вы прибыли туда, куда нужно.

Христиан положил усталую голову на рулевое колесо. Фидель собирал их пожитки, когда подошел контролер и указал Христиану их место стоянки. Через минуту контролер снова подошел к ним, на этот раз едва удерживая в руках кучу буклетов, рекламок и купонов.

— Вот ваша квитанция за парковку. Осмелюсь предположить, вам может понадобиться мойка машины.

— Хм, да, спасибо.

— Это будет стоить пятьдесят долларов — задаток за мойку.

— Хорошо. Фидель?..

— Понял.

— А вот в подарок — наша сезонная сумка для покупок и футболка.

— Спасибо.

— В сумке вы найдете книжку купонов. Это сотни долларов скидок на покупки, обеда и Ярмарку. О, еще карта и справочник, — контролер разгладил свою куртку с эмблемой Ярмарки Суеты и открыл дверцу со стороны Христиана. — Пока ваша подруга будет поправляться, вы найдете весьма удобное жилье и массу развлечений.

Едва небольшой белый электромобиль «скорой помощи» остановился, как санитары умело переложили ДеткуГрейс с заднего сиденья на складные носилки. Христиан с Фиделем едва успели поблагодарить контролера и забросить в машину свои вещи, как «скорая помощь» унесла их к выходу.

Шок, вызванный словами Евангелиста, постепенно перерастал в изумление по мере того, как друзья разглядывали внутреннюю часть пузыря. Позади них, словно фасад шикарной гостиницы, балконы двадцати пяти этажей тщательно спроектированных многоквартирных домов возвышались над уютными улочками магазинов и кафе, за каждым поворотом которых оказывался новый сюрприз: маленькая площадь с фонтанами и цветочными тележками. Огромный книжный магазин, в котором проводилась раздача автографов — очереди змеились между столиками уличного ресторанчика. Снова магазины и пассажи, которые внезапно оканчивались широким проходом к кинокомплексу на сорок экранов.

Фидель толкнул Христиана локтем, показывая на людей с маленькими реактивными поясами, которые то и дело влетали в оживленный поток движения и вылетали из него. Некоторые летуны Ярмарки Суеты довели свои навыки до такого уровня, что Христиан просто диву давался. «Скорая помощь» свернула на бульвар, по обе стороны которого искусно украшенные столбы обеспечивали летунам точки отталкивания. Прилизанный монорельсовый поезд со свистом пронесся в другой конец этого города-магазина. С больших плазменных экранов на каждом углу женщина-диктор с изумительными ногами интриговала прохожих бесконечными разговорами о текущих событиях.

— Пожалуйста, пропустите «скорую помощь», пожалуйста, пропустите «скорую помощь», — их водитель вежливо

сигналил и объезжал немногих пешеходов — в основном взрослых с маленькими детьми. Вытянутая и обтекаемая машина «скорой помощи» неожиданно быстро и проворно достигла юго-западного угла этого города — торгового центра, где одна из огромных переливающихся офисных башен исчезала в высоте над балконами фешенебельных многоэтажек.

Возле сооружения из дымчатого стекла, с потрясающим позолоченным куполом над портиком, они притормозили, и Фидель прочитал золотые буквы справа от главного входа: «Центр Нью-Имидж». «Скорая помощь» свернула к входу в отделение неотложной помощи. При виде каталки с озабоченными санитарями, ожидающими их прибытия, Христиан с Фиделем расцвели.

Держа заметно полегчавший кейс со сбережениями ПрыткогоДока, Фидель поднялся из-за стойки приемного отделения и направился в зал ожидания отделения ядерной медицины.

— Не знаю, как для нас, но для Грейси это место подходит как нельзя лучше. Они даже не стали терять времени на рентген. Сразу перешли к серьезному оборудованию.

Он уселся возле Христиана. Тот подвинул к нему кофе и несколько закусок.

— Выбирай. У нас тут есть «Миллионеры», «Голден Наггетс» и «Рич-н-Чипс». Так что говорят о Грейси?

— Она направляется отсюда прямо в отделение неотложной хирургии. Они знают, что нужна операция, но просто хотят выяснить, сколько потребуется винтов и пластин. Восстановление будет долгим. Однако они здесь занимаются и этим.

— Ну, это как раз то, что я хотел услышать, — Христиан победно сжал кулак. Он ненадолго закрыл глаза, наслаждаясь хорошими новостями и орехово-карамельной начинкой шоколадного батончика во рту. — Эй, — он сделал жест в сторону большого плазменного экрана на стене зала ожидания, на который смотрел, пока Фидель оформлял поступление ДеткиГрейс. — Взгляни-ка туда.

— А что там такое?

— Моделирование тела. Насколько я могу судить, оказание неотложной помощи является здесь побочной деятельностью. В основном они занимаются пластической хирургией. У них потрясающий выбор процедур. Я уже всерьез думаю над удалением нежелательных волос, лазерном омоложении кожи и программе борьбы со старением, — для пущего эффекта Христиан втянул живот и поиграл мышцами груди.

Фидель хмыкнул и закатил глаза, но через несколько секунд сам не мог оторваться от рекламного видеоролика. Камера, показав общие панорамы центра Ярмарки, переносила зрителя в Павильон Тела, где в освещенных нишах парили «выпускники» программ «Нью-Имиджа». Тщательно причесанные, скудно одетые и увешанные драгоценностями женщины «Нью-Имиджа» медленно вращались, держа в руках розы на длинных стеблях, — словно сирены, готовые околдовывать всякого проплывающего мимо юношу. Парящие группы женщин и девочек-подростков роились вокруг «выпускников» мужского пола, щеголявших в смокингах из шелка и спандекса. Медленно, с ног до головы показывая крупным планом версии «после», камера то и дело переключалась на выполненные таким же образом кадры «до». Христиан поднял пульт дистанционного управления, но был не в силах нажать на кнопку, пока на экране висели и вращались Мистер Подтяжка Нижней Части Тела и Мисс Ультразвуковая Липоскульптура, а комментатор взахлеб описывал, как хирурги откачивали у них больше чем по десять литров жира.

Мистер Пластика Носа, Мисс Корректировка Лодыжек и Мистер Подтяжка Лба со слезами на глазах свидетельствовали, что «Нью-Имидж» поднял их из глубин отчаяния из-за своих недостатков (которых, по клятвенным заверениям Фиделя, он так и не смог заметить) к экстазу обладания новой «внешностью».

— Интересно, что будет, когда им стукнет по семьдесят или восемьдесят? — ворчал он. — Их ведь все равно ожидают морщины, печеночные пятна и ужин в половине пятого.

— Я не знаю, но ты можешь спросить у нее, — Христиан кивнул на приближающуюся миловидную женщину-врача.

Хирург представилась и заговорила невыразительным серьезным тоном, который заставил шею и плечи Христиана снова напрячься.

— Боюсь, что снимки и анализы крови свидетельствуют о значительных повреждениях — внутреннем кровотечении, начинающемся заражении плохо обработанных ран. Останется... — она остановилась, подыскивая слова, — довольно много рубцов. И, боюсь, легкая хромота. Но в отделении реабилитации ее научат передвигаться так плавно, что вы чаще всего не будете этого замечать.

Христиан заторможенно смотрел на хирурга, пытаясь согласовать ее слова с тоном, каким обычно говорят: «Сожалею, но у вас рак»:

— З-з-з-начит, вы можете спасти ее ногу?

— Что? — отпрянула доктор.

— ...И она сможет ходить?

— Да, она будет ходить, но, — врач положила руку Христиану на плечо, — но не нормально. Мне очень жаль. Мы сейчас готовим ее. Операция будет долгой — два-три часа. Еще раз прошу прощения, что мы не можем предложить вам лучшего результата.

Утомленные странники направились, следуя указаниям хирурга, в приемную хирургического отделения. Оказавшись на месте, они устало похлопали друг друга по спине.

— Ты, наверно, спас много жизней, когда служил в морской пехоте, приятель, — сказал Христиан. Но у меня это — первая. Просто потрясающе! Мы спасаем красавицу из чрева чудовища!

— Да, — Фидель потер ноющие мышцы шеи, — у нас получилось. Они повалились на стулья, а голос по телевизору гордо рассказывал об успехах хирургов в случае тринадцатилетней Маленькой Мисс Увеличение Губ и пятнадцатилетней Маленькой Мисс Коррекция Груды.

В реанимации ДеткаГрейс, приходя в себя, на минуту открыла глаза.

— Где Док? — еле слышно прошептала она.

— Эй, — сказал Христиан, игнорируя ее вопрос, — ты великолепно справилась! — он похлопал ее по руке. — Доктор говорит, что ты очень скоро встанешь и будешь ходить. — Док говорит, что я буду ходить? Где он?

“ Мы делаем вас лучше, чем
было заложено в генах ”

— Тсс, — Фидель бросил нервный взгляд на Христиана, — ты в самом лучшем месте, какое Док только смог найти. Эти люди привели твою ногу в порядок и тебе просто нужно отдохнуть и поправляться.

— Поспи немного, Грейси, — сказал Христиан. — Мы будем здесь, когда ты проснешься, — Христиан наблюдал, как соблазнительного вида медсестра в обтягивающем халате проверила капельницу и ввела туда дозу какого-то препарата. Заметив его явную обеспокоенность, она пояснила:

— Витамины. Е для восстановления кожи. С и D для костей. Терапия, замедляющая старение. Мы никогда не стремимся только восстановить. Мы здесь поворачиваем время вспять. Мы делаем вас лучше, чем было заложено в ваших генах, — она окинула их с головы до ног быстрым взглядом профессионала, и ее улыбка заметно потускнела. — Думаю, вам стоит воспользоваться нашей программой «Обновление Адониса». Брошюры в главном вестибюле.

Христиан разглядывал свое лицо в зеркале на той стороне бара. В Ярмарке Суеты забегаловок быстрого питания просто не существовало. Зато в избытке присутствовали трендовые «грили» и бары с гамбургерами по десять долларов. По крайней мере, люди действительно садились, чтобы их съесть.

Лицо, глядящее на него из зеркала, заметно отличалось от того, что он привык видеть каждое утро. Оно медленно поворачивалось то анфас, то в профиль, оценивая свой «мужественно-мужской» вид. «Откуда взяли эти морщинки?» Сегодняшнее просвещение относительно «морщинок сосредоточения», «морщинок забот», «морщинок смеха» и «гуси-

ных лапок» обогатило Христиана новым и совершенно ненужным словарным запасом для размышлений о собственной внешности.

Его друг вернулся из туалета.

— Слушай, Фидель, — Христиан осторожно обвел пальцем вокруг, — ты когда-нибудь видел так много зеркал? Готов поспорить, что большая часть внешних поверхностей зданий здесь сделаны из отражающего стекла, а половина внутренних стен — зеркала.

— Да, что-то не припомню, когда я последний раз видел себя в таком количестве.

— Я тоже. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как я вообще думал о том, как я выгляжу?

Фидель кивнул.

— Был с головой захвачен битвами.

— Точно, — Христиан оживился при виде приближающихся к нему бифштекса и парующей печеной картошки. Фидель втянул ноздрями дымный аромат своей порции ребрышек-гриль.

— *М-м-мясо!* — хищно прорычал он.

Снова оказавшись на улице, друзья некоторое время шли молча. «Днем — молоти, ночью — отвисай» — сверкающие буквы на спине фиолетовой шелковой рубашки очередного летуна сигнализировали о смене дресс-кода. Вместо костюмов, униформы и свитеров женщины носили диадемы; роскошные пелерины ниспадали с вечерних платьев голографических цветов. Их лица буквально светились испускаемым косметикой розовым и бледно-лиловым сиянием. Малолетние красотки пубертатного вида предпочитали наоборот обнажаться, привлекая внимание к своим формам и многообещающим ложбинкам на груди. Светящаяся косметика контрастных цветов и яркие стрелки, чтобы никто ничего не пропустил, довершали картину.

Многие из парней помоложе щеголяли в том же виде, только без косметики. И с прикрытой грудью. Жилетки на голое тело у более молодых; у старших — расстегнутые рубашки, открывающие седую поросль в блестках. На голове у тех и других — пучки оттопыренных или скрученных открытых гелем волос.

— Вид такой, словно их облизал козленок, — Фидель пытался осмыслить странную картину.

— Козленок?

— Да, волосы этих ребят выглядят точь-в-точь как живот козы, когда ее маленький козленок тычется и сосет, но не может найти соска.

Христиан не дослушал, рассмеявшись определенно сельскому взгляду Фиделя на мир.

Даже снобистское щебетание летунов над головой, уставившихся и тыкавших пальцами на их неброскую внешность и одежду, не портили ему удовольствия. Он похлопал Фиделя по плечу от избытка эмоций, наслаждаясь этим Богом данным товариществом.

— Давай посмотрим, что за жилье здесь могут предложить.

Как оказалось, здесь могут предложить немало.

— Здорово все-таки, что Док был состоятельным парнем, — Христиан, позавтракав, потягивал утренний эспрессо.

Фидель оглядывался по сторонам. Ресторанчик, расположенный прямо на первом этаже их дома, предлагал большой выбор фруктов и выпечки; ряд горячих блюд удивлял разнообразием: от омлета с беконом до яиц по-флорентийски.

— Интересно, кто может позволить себе здесь жить?

Официантка, принеся им чек, услышала эти слова:

— Ну, вы работаете, вы рискуете, вы покупаете, и, если оказываетесь на мели, то служите шесть месяцев в КД — Корпусе Должников. Как я, — она засмеялась. — Должны же рабочие пчелки откуда-то браться! Затем, через полгода вы получаете небольшой стартовый пакет инвестиций и начинаете все сначала — пытаетесь карабкаться по этой золотой лестнице.

Христиан поймал ее взгляд:

— Зачем?

— Зачем? Зачем карабкаться? — ее глаза расширились.

Христиан кивнул. Она порылась в архивах своей памяти и предложила:

— Завтра в 11:00 утра. Приходите в ЦКП — наш Центр Корпоративного Поклонения. Там все увидите.

Центр «Нью-Имидж» перевел Грейси из блока интенсивной терапии в отдельную палату. Она лежала, слегка приподнявшись в ожидании их прихода.

— Привет, Грейси, — Христиан опять поразился блеску ее глаз, даже под воздействием морфия.

— Привет! Я ждала, что вы придете.

— Как спалось?

— Так-сяк. Здешние вампиры появляются рано — в шесть утра! — и сосут твою кровь. Они для маскировки надевают лабораторные халаты, но я-то знаю...

Восхищаясь ее хорошим настроением и чувством юмора, Фидель и Христиан были рады, что можно немного оттянуть неизбежное. Но после нескольких минут добродушного взаимного подшучивания невысказанный вопрос вытеснил все остальное.

— Грейси, — решился Фидель, — ты не спросила о Доке.

— Намного безопасней шутить насчет моего «очаровательного» наряда, — вмиг посерьезнев, она смотрела на свои белые матовые чулки, скрывавшие разрезы и предотвращавшие образование сгустков крови. — У меня впереди такой тяжелый путь, что я подумала: если по каким-то причинам он не может прийти... возможно мне будет лучше не знать об этом.

Фидель взял ее руку в свою и присел на край кровати.

— Грейси, — сказал он, бросив быстрый взгляд на Христиана, подошедшего ближе для поддержки, — мы в точности выполнили все указания Дока. Он хотел спасти тебя от всей этой лжи об ангелах и от смерти в Центре Трансляции. Он хотел, чтобы ты жила — приехала сюда, тебе сделали эту операцию и ты вновь ходила, и жила, помня о его любви к тебе...

— Нет, — простонала она и закрыла глаза. Но руки из его ладоней не выдернула.

Фидель подождал минуту и продолжил:

— Грейси, этот Бог, отдавший за тебя Свою жизнь... помнишь, о чем мы говорили? Ну, я думаю, что Док был вдох-

новлен такой любовью. Потому что... он тоже положил свою жизнь за тебя.

Из-под опущенных век Грейси потекли слезы, а ее плечи затряслись.

Христиан продолжил рассказ:

— Мы привезли его на телестанцию. До последнего момента он не говорил, что не собирается ехать с нами. Я думаю... когда он увидел тебя, с такой решимостью готовую пополнить ряды ангелов, думаю, он ощутил тяжесть последствий своей лжи. Думаю, там он почувствовал себя обязанным рассказать правду. Спасти других подобных тебе людей от...

— Ну, а может быть я *не хотела*, чтобы меня спасали! — закричала Грейси, выдергивая руку. Отрывисто и часто дыша, она продолжила сквозь стиснутые зубы. — Может я хотела умереть — стану я ангелом, или нет! Кто-нибудь меня спросил?! — она метнула обвиняющий взгляд на Христиана, а затем на Фиделя. — Дайте, я угадаю. Значит, он пошел в студию и стал изливать душу в прямом эфире, пока... пока... — ее слова утонули в рыданиях, от которых затряслась кровать.

В глазах Фиделя и Христиана отражалась одна и та же боль.

— Зачем вы внесли всю эту сумятицу в его голову? — рыдала она, закрыв руками глаза и щеки. — Кто вы такие, чтобы думать, что обладаете даром Истины! Если бы вас там не было, ничего этого не случилось бы!

— О Грейси, — сказал Христиан. — Я понимаю, почему ты так говоришь, но подумай вот о чем. Док звонил врачам. Он знал, что твои повреждения серьезны, но не угрожают жизни. Я думаю, что он входил в тот лагерь смерти с мыслью: «Спасти». Так случилось, что мы смогли помочь. Док знал, что это ложь, помнишь? Он не мог позволить тебе отдать свою жизнь ради лжи.

— Нет, — сказала она, отводя его руку. — Действительность такова, какой вы ее делаете.

Фидель встал:

— Наверно, нам лучше уйти, — предложил он очень мягким тоном. — Мы не должны разбираться со всем этим прямо сейчас.

После долгого молчания, Грейси опять потребовала ответа:

— Разве не так? Разве действительность не такова, какой мы ее делаем?

— Ну, хорошо, если реальность такова, какой мы ее делаем, то почему подобное происходит? — спросил Фидель. — Твоя действительность наскочила на Божьи законы физики, и вот, пожалуйста.

— Грейси, действительность такова, какой ее делает Бог. Ты можешь сколько угодно верить, что умрешь и станешь ангелом. Но если ты умрешь, не перейдя границу веры в Бога, то в тот же миг окажешься во тьме внешней, если не хуже. Ты будешь испытывать такие боль и страдания, по сравнению с которыми эти кажутся прогулкой по сердце-земской площади.

— Раньше мой мир был полон смысла, — Грейси открыла глаза и взяла протянутую Христианом салфетку. — Раньше в нем были ангелы и трансляция, и любовь всей моей жизни. Теперь Док умер, и вы говорите мне, что все, во что я верила, — обман, и что Бог просит меня «уверовать в Его Сына». Откуда мне знать, что из этого правда?

“ Если бы просто выживал самый приспособленный, мы бы все рвали друг друга в клочья, и не давали бы никому спуска ни на йоту ”

— Потому, — ответил Фидель, — что это Истина, соответствующая действительности. А всеобщая действительность, которую все мы знаем по опыту, такая. Если жизнь каждого из нас заснять на пленку, то потом кто-нибудь смог бы смонтировать вместе все случаи, когда мы говорили: «это правильно», «это несправедливо», «со мной обошлись плохо». Каждого из нас! Все мы проводим границы между плохим и хорошим. Я сталкивался с некоторыми людьми, которые утверждали, что все это — личные мнения, но они всегда отступали, когда им задавали прямые вопросы: «Значит, вы считаете, что мучить ребенка неправильно, или это просто мнение?», «Вы убеждены, что подкуп судьбы ради личной выгоды — это всегда плохо, или это просто мнение?»

Мы все проводим границы. А ты — нет?

— Да, — прошептала она.

— Это само по себе подтверждает, что Бог есть. Если бы просто выживал самый приспособленный, мы бы все рвали друг друга в клочья, и не давали бы никому спуска ни на йоту. Однако Его закон написан в сердцах у всех нас. Люди, никогда не слышавшие об этом законе, инстинктивно показывают, что он реален. Слово Божье говорит, что Его закон вплетен в самую ткань нашего существования. Глубоко в нас есть нечто, что вторит Божьим «да» и «нет», «хорошо» и «плохо»».

Фидель искал признаки того, что Грейси дремлет под влиянием морфия. Однако ее взгляд, хоть и утомленный, не отрывался от него.

— Но прикол состоит в том, что, если мы сядем и посмотрим этот фильм со всеми нашими суждениями о том, что хорошо, а что плохо, будут ли наши поступки подтверждать наши собственные слова? Сможет ли тот, кто делал монтаж, вернуться к отснятому материалу и найти сцены из нашей жизни, где мы не соответствуем нашим собственным стандартам? Еще бы! Можно, наверное, сделать полнометражный фильм из всех тех случаев, когда я делал вещи, которые сам глубоко презираю. Даже целый сериал.

— А как насчет тебя, Грейси? Ты когда-нибудь оказывалась в такой ситуации? Ты совершала что-то, противоречащее твоим собственным нормам?

Она потупила взгляд и не ответила.

— Свиток гласит: «Я понимаю, что во мне нет того, что нужно. Я могу желать этого, но не могу сделать. Я решаю делать добро, но в действительности не делаю... Мне явно нужна помощь! Поэтому Бог сделал это для нас. Единственно из великодушия он Сам все исправил. И Он сделал это через Своего Сына, Иисуса Христа». Вот в чем действительность, Грейси. Это и *есть* Истина. Мы извращаем. Сын Божий расплачивается за это. Мы просим прощения. Он прощает.

— Грейси, — сказал Христиан, — Он так сильно любит тебя. Он так долго ухаживал за тобой и добивался тебя... очень долго.

ДеткаГрейс закрыла глаза. Они ждали, но она лежала тихо и неподвижно. В конце концов, она открыла глаза и медленно, но четко произнесла:

— Я хочу, чтобы вы сейчас ушли. И мне все равно, вернетесь ли вы еще.

К уда бы путешественники ни взглянули, все вокруг ласкало взор. Деревья по сторонам монорельсовой дороги горели красной, фиолетовой и неоновой листвой. Магазины и кафе сверкали огнями даже при свете дня. Корпоративно-спонсируемые развлечения манили на каждом углу; толпы разглядывали ряды мольбертов под транспарантом «Художественное шоу вурдалаков и демонов Шоколадного Монстра О»; зеваки возгласами приветствовали «Ферайзонские гонки на реактивных поясах». По мере того, как они приближались к центру пузыря, торговые ряды плавно переходили в павильоны ярмарки, чем-то напоминавшие парк отдыха. Искатели острых ощущений переворачивались и крутились на гигантском, выполненном в виде рулетки, чертовом колесе, сверкающем огнями компьютерных световых эффектов. Петля между голографическими лебедями, фламинго и водопадами, гондолы на воздушной подушке совершали «речную прогулку» даже не касаясь воды.

За столиками напротив расположились пожилые пары в ювелирных украшениях и «хронометрах» типа «посмотрите на меня», стоявших столько, что можно было скупить

всю округу, где жил Христиан. Они потягивали экзотические напитки из причудливых чашек и читали газеты. Более молодые компенсировали недостаток побрякушек глубокими декольте и вырезами платьев-стрейч, а также мускулами, демонстрируемыми через жилетки из сцепленных кольцами кредитных карточек, и расстегнутые рубашки навывпуск. Они гримасничали и флиртовали, и это веселье резко отличалось от настроения Христиана.

Его душа не лежала ко всему этому. Если бы они собирались снова увидеться с Грейси, он предпочел бы отлежаться дома. Зачем позволять так скоро сбыться предсказанию Евангелиста? Однако Фидель надеялся, что на Корпоративном Поклонении они смогут услышать гимн или вероучение, хоть какие-то следы настоящего церковного собрания.

Монорельсовый поезд плавно остановился и передал большую часть своих пассажиров в объятия полукруглой колоннады из блестящих стальных колонн. Простираясь по обе стороны, словно раскрытые объятия гигантских серебристых рук, колоннада направляла прихожан к расположенной посередине базилике.

В сводчатом притворе друзей встретил человек лет пятидесяти. С чертами лица, как будто высеченными стамеской, и очками в золотой оправе, он выглядел как почетный председатель совета директоров. Человек сначала пришел в замешательство, но затем тепло, хоть и неискренне, поприветствовал их и направил к столу для посетителей, после чего быстро исчез.

— Привет, — дама с застывшей на губах улыбкой в усеянном бриллиантами ожерелье из старинных монет, стала заполнять их гостевые бэджи. — Имя?

— Христиан.

— Как обращаться? — она с пониманием отнеслась к явному замешательству Христиана. — Род занятий?

— Э-э-э... странник, — улыбнулся Христиан.

— О... как мило, — она записала это на бэдже и вручила ему.

— Имя?

— Фидель... тоже странник, — ее губы остались сомкнутыми, но глаза раскрылись — забегали, по сторонам и наполнились радостью при приближении женщины в

расстегнутом ярко-розовом шелковом плаще, из-под которого виднелись подобранные в тон длинная блуза и слаксы.

— Имя?..

Христиан с Фиделем нацепили свои бэджи и огляделись. Когда они шли ко входу в храм, парень в кашемировом пиджаке и джинсах приветствовал Христиана крепким пиаровским рукопожатием, окинул взглядом его бэдж, а затем скосил взгляд через его плечо в поисках чего-то или кого-то другого.

Еще один встречающий в безупречно пошитом костюме из мериносовой шерсти вручил Христиану программку и обратил внимание на то, как тот внимательно рассматривает покрытый искусной резьбой вход. Его шепот окрасился ноткой приятного удивления:

— Прекрасная деталь, не так ли?

— О, да, — Христиан впитывал эту красоту. — Нечасто увидишь такое мастерство.

Встречающий погладил дверной косяк:

— Готические арки в форме трилистника. И фризы с листовым орнаментом были все вырезаны вручную и покрыты позолотой.

Внутри было позолочено все — светильники, ряды труб, стены по обе стороны от витража, расположенного позади алтаря из золота и хрусталя. Даже скамьи сверкали декоративными полосками, покрытыми золотом. Христиан погладил ручную резьбу в виде листьев клевера. «*Очень даже милый "лиственный орнамент"*». Когда примерно на полпути к алтарю они свернули в ряд, их взгляды приковал балкон. VIP-ложи, сверкающие золотыми логотипами компаний. За тонированными стеклами двигались и колебались тени корпоративных титанов.

Христиан изучал лицо Фиделя в поисках какого-либо намека на скорый уход. Надежды не оправдались. Он опустился в роскошное мягкое кресло и стал рассматривать программку. Провел указательным пальцем по вырезанному лазером изображению базилики на внешней стороне обложки, стянутой эластичной лентой с золотыми кисточками. Тонкая детализировка пробудила его маркетинговые инстинкты. Он перевернул обложку и прошелся пальцем по тексту. «*Ага, тиснение*».

Двое прихожан тихо сели возле Христиана.

— Есть как минимум десять других мест, где я бы предпочел сейчас быть, — заметил мужчина своей спутнице.

— Я тоже, — прошептала она. — Может, стоит повернуться и помахать рукой Ложе?

— Не обязательно, но ты ведь знаешь, что они там дают баллы за это.

Причудливые звуки труб призвали опаздывающих занять места. Массивный орган медленно поднялся в старом театральном стиле в алтарной части и расположился перед огромным, от пола до потолка, витражом. По сигналу из задней части боковых нефов к алтарю двинулся хор, правая половина пела, левая — вторила речитативом в унисон музыке. «*Ого, певцы из чистого золота!*» Как еще можно было назвать этих людей, плывущих вдоль проходов в облегающих тело металлизированных костюмах под легкими вздымающимися золотыми мантиями и с лицами сияющими золотым свечением косметики? Каждый высоко вздымал древко флага или штандарта с золотыми эмблемами корпораций, точь-в-точь как на балконе, — стилизованное крыло, надкушенный фрукт, замок, четыре кольца, три щита...

Дойдя до передней части нефов, эти две шеренги поворачивались, чтобы приблизиться друг к другу. В точке встречи перед алтарем они всплывали вверх, одна шеренга — влево, другая — вправо. Внизу, на помостах, возвышающихся по обе стороны от алтарной части, барабаны вступили в разговор с органом. Хор заполнял переднюю часть базилики с такими замысловатыми маневрами, поднимая и размахивая древками и флагами, что было трудно во всем этом разобраться. Прихожане вскакивали на ноги или парили весьма высоко над своими сидениями. Христиан был очарован всем этим волнением и кружением. Фидель, тоже захваченный действием, улыбался.

Под яростные аплодисменты публики и барабаны, разразившиеся сокрушительным техноритмом, на другой платформе поднялся оркестр из пятнадцати человек, играя в пульсирующем ритме странный экспансивный отрывок, похожий на музыку из фильма. Голографические изображения, сменяя друг друга в быстрой последовательности, казалось, разыгрывали представление прямо над алтарной

частью: люди, срывающие куш за игровым столом, открывающие хлещущие нефтяные фонтаны, разбрасывающие конфетти на полу биржевой площадки, незаметно подкрадывающиеся и застающие врага врасплох. Двое исполнителей напевали бесконечные куплеты из репертуара поп-див, никогда не допевая их до конца. Чувствуя неловкость и восторг одновременно, Христиан вдруг обнаружил, что вместе со всеми аплодирует победам, разворачивающимся над алтарем. Генераторы дыма, лазеры, фейерверки захватывали их все больше и больше, пока все резко не затихло, за исключением одной органной ноты, пронизывающей тьму.

“ У прилавка вы находите свою
 религию. Приобретая, вы пригаете
 смысл своей жизни. ”

Высоко на золотых стенах по обе стороны от витража, протянув руки, стояли в лучах света две фигуры в ниспадающих шелковых мантиях. Они наклонились вперед и ласточкой нырнули в алтарную часть. Даже публика Ярмарки Суеты открыла рот, пока они не взлетели вновь в свободном парении. Освещенный мягко пляшущими огнями, оркестр лихо заиграл балладу. Солист пел то, что должно было быть любовной песней, но на странном и незнакомом языке.

Танцоры, волоча длинные переливчатые шелковые шарфы, взлетали ввысь, кувыркались и сплетались в длинные плотные спирали, поднимавшиеся на пять этажей, — изысканное воздушное *na-ge-ge*.

Баллада закончилась, очарованная публика затихла, танцоры нырнули еще раз и трепещущие шарфы исчезли в дыму алтарной части. Внезапно из дыма вышел пастор и занял свое место позади алтаря.

— Друзья мои, — его бархатный голос обращался к сердцам, широко открытым при помощи изображений, движения и музыки. Его загорелое лицо лучилось харизмой, сияя почти так же ярко, как и костюм из ткани, продернутой золотой нитью, в свете ramпы. — Друзья мои, что вы готовы сделать? — Он дал вопросу повиснуть в воздухе.

Я вижу явный повод для беспокойства. Кризис удовлетворенности! Слишком многие довольствуются слишком малым. Вы готовы сделать все, что понадобится, чтобы взять свою судьбу в собственные руки? Друзья мои, в накоплении мы обретаем *спасение*. Мы покупаем, следовательно, мы принадлежим. Мы потребляем, следовательно, мы управляем.

Хождение за покупками — это великолепное приключение! Покажите свою страсть; покажите свой творческий потенциал! Стремитесь, расходуйте — и вы обретете: значимость в каждом пакете, наслаждение в каждой сумке. Каждая покупка — это применение власти и обетование искупления. У прилавка вы находите *свою* религию. Приобретая, вы придаете смысл своей жизни. Отваживаясь много взять в долг, вы демонстрируете свое посвящение.

Мы — потребители. Поэтому, давайте будем потреблять мастерски. Что вы готовы сделать? — его слова эхом прокатились по огромному собранию.

Мы также искатели приключений, смерившие вершины этой золотой лестницы. Долго ли вы будете топтаться на месте, вместо того, чтобы двигаться вперед? Готовы ли вы совершить прыжок, даже если не видите страховочной сетки? Даже если этой сетки нет вообще? Готовы ли вы бросить жребий, спланировать атаку, продолжать держаться, когда все остальные отступают?

Я бросаю этот вызов: «*Вы готовы угвоить ставку?*»

Слишком многие из вас стоят у стола, наслаждаясь своим маленьким выигрышем и думая: «Ну, мне и здесь вполне удобно. Я живу хорошо. Зачем рисковать ради большего?» Это голоса тех, кто хочет остановиться. Они плачутся о покое. Они жалуются, что несутся на пределе своих сил, и *быстрее* уже невозможно. Одним глазом глядя на часы, а другим — в свое расписание, они мелочно ноют о качестве собственной жизни. Это — большинство; обыватели, потерпевшие поражение. Те, кто вошел в клинч. Застрял на тридцатом этаже, и ему никогда не добраться до верха.

После всех жертв и вложений, неужели вы действительно хотите, обхватив перила, наблюдать, как кто-то проходит, минуя вас? Как кто-то другой получает деньги, инвестиции, титулы, возможности, которые могли бы быть вашими? Где эти храбрые сердца, те, кто готов никогда не

сворачивать? Кто собирает все свои фишки, рискует всем, не обращая внимания на последствия и цену, и ставит это на выигрышный ход? Сегодня, на этом месте, среди тех, кто здесь собрался, есть сердца, слишком благородные для посредственности, души, слишком сильные для компромисса. И поэтому я призываю вас *погойти* к алтарю и *увгоить* ставку. Всего, что разум сможет вообразить, воля сможет добиться! Обновите свое посвящение. Рискните. Получите свою награду!

Пока пастор говорил, хор ахал и охал. Прихожане всех возрастов поднялись со скамей и устремились вперед.

— Вы, там, в ложах наверху. Вы попали туда отнюдь не благодаря примерам своего воздержания. Задайте тон! Опять, сегодня же. Покажите остальным, что означает рисковать по-крупному, не просто ради личной власти, но для господства над своей вселенной. Спускайтесь же!

Алтарная часть уже была полна, но люди продолжали подходить, рядами нависая друг над другом в проходах. Пара, сидевшая возле Христиана, смахивая слезы, покинула скамью и, взявшись за руки, двинулась вдоль прохода. Их глаза и сердца, как и у остальных, были полны воодушевлением. Они уже видели эту удвоившуюся гору выигрышей.

— Благодарю вас, прославление. А теперь давайте вместе со мной повторим символ веры:

«Веруем в Высшую Силу,
 превыше Истины и Справедливости, —
 Веруем в ВЫИГРЫШ!
 Благословенны ищущие наиновейшее,
 наибо́льшее и наилучшее;
 Их постоянный бег движет наше общество.
 Веруем в торжество Сильного.
 Слабый может быть согрет и накормлен
 где-нибудь в другом месте.
 Благословенны красивые;
 Они боги во плоти, сущие среди нас.
 Веруем в моральную свободу и личный выбор каждого;
 Мы управляем своей судьбой
 при помощи вещей, которые покупаем.
 Благословенны стильные и крутые;

Их компас указывает нам путь.
Более же всего мы веруем в Возможности
И рискуем нашими душами,
чтобы приобрести ВЕСЬ МИР!

Во имя Технологий, Образования и Прогресса,
Аминь.

— А теперь, друзья мои, — закончил пастор, — вас ожидает награда. Удвойте ставки!

— Удвоим ставки! Удвоим ставки! — возбужденно скандировала толпа.

Музыка то нарастала, то ослабевала в то время, как толпы хлынули к выходу. Христиан и Фидель стояли, ожидая возможности выйти из своего ряда. К ним приблизилась пара, сидевшая рядом. Пик адреналина пошел на спад, и теперь Христиан видел в их глазах страх.

— Ну, могло быть и хуже, — Фидель остановился в тени серебристых объятий колоннады.

— А?

— У них могли бы быть ангелы.

Христиан рассмеялся и вытащил из кармана карту:

— Нет слов. Нет слов... — вспышка осознания застала его посреди предложения. — Фидель! Ты знаешь, кто был этот пастор?

— Нет.

— Ах да, тебя тогда со мной не было. Это же Рич-Прикид! Он попал на Путь, перебравшись через стену, а не войдя во врата. Пастор Рич. Ну, этот человек нашел свое истинное призвание*. У него еще был приятель, как его... Здоровяк... Джимбо-Здоровяк. Наверно, он руководит «Новым Имиджем».

Христиан развернул карту.

— Итак, — сказал он, исследуя раскинувшиеся перед ним центральные ярмарочные площади, — что вам угодно? Па-

* Игра слов: англ. *Rich* – богатый. – Прим. ред.

вильон продовольствия? Домашних любимцев? — Он взглянул на Павильон Тела. — Я думаю, что уже насмотрелся расфуфыренной плоти до конца своих дней.

— А что это там посередине? — спросил Фидель.

— Тут говорится, что это Акрополь — Вершина Города, что бы это ни значило.

— Ну, это должно быть что-то важное, раз находится в центре всего. Интересно, почему они оставили большой старый каменный холм посреди своего рукотворного пузыря.

— Давай выясним.

Примечательно, что все ярмарочные площади определенно излучали свечение Пути. Следуя за толпами в сторону Акрополя, они остановились у небольшого памятного знака, мимо которого большинство посетителей Ярмарки проходили, даже не взглянув. Сметя со знака пыль и паутину, они прочли надпись:

Ярмарка Суеты — старейшая из когда-либо известных. Тысячи лет назад было замечено, что эти места проходят пилигримы по пути в Небесный Град. Поэтому Хозяин этих мест учредил первую упоминающуюся круглогодичную ярмарку. Он назвал ее «Суета» из-за легкомыслия жителей этого города, а так же поскольку все, что когда-либо здесь продавалось, суть суета — дома, земли, ремесла, почести, титулы, страны, царства, всевозможные похоти и удовольствия, включая секс, жизнь, кровь, тела, души, серебро, золото, драгоценные камни и прочее в том же духе.

Сам Царь царей, когда жил на нашей земле, возвращался в Свое Царство через это место. И сам Хозяин этой ярмарки показал Царю всю ее от края до края и предлагал Ему купить что-нибудь из предлагаемого здесь, даже все царства мира, по сходной цене. Он предлагал сделать Его Хозяином Суеты, если Царь хоть в малейшей степени окажет ему почтение. Но, оценив товары и обнаружив, что они ничего не стоят, Царь покинул город, не истратив ни гроша.

Мимо проталкивались посетители ярмарки, движимые жаждой зрелищ, предлагаемых со всех сторон. Христиан протянул руку и прикоснулся к запыленному знаку. Глядя в закрытое пузырем небо, он провел пальцами по бронзовому краю. Этот знак и Свиток в его рюкзаке — два островка Реальности среди окружающего их безумия. *«Бог создал людей правыми и непорочными, но мы пустились во многие помыслы»*. Мимо проплывала маскарадно разодетая компания — ворох ангельских крыльев и блеск тиар. *«В столь многие безумные помыслы»*.

Приближаясь к каменистому подъему, они могли рассмотреть скопление зданий на вершине. Десятки посетителей ярмарки поднимались на вершину холма по широкой истоптанной лестнице, отталкиваясь на каждой пятой-шестой ступеньке и взлетая вверх. Они начали подъем вслед за двумя юношами с торчащими пучками волос. Христиан старался не думать о козлятах.

— Да, я ходил. Все одно и то же, — сказал один из юношей. — Мой старик бегаёт к алтарю практически каждую неделю. Если он будет продолжать «удваивать ставки», то вообще переедет из дому в свою контору. Даже когда мы его видим, он совершенно опустошен.

— Да, мой папа тоже. И мама, — ответил другой. — Все эти заезды типа «деньги дают вам смысл»... что это? Если у меня и есть какой-то «религиозный опыт», то уж по крайней мере не от покупки всякой всячины. Это происходит, когда я сижу в темном кинотеатре, погруженный в какую-то действительно необычайную историю.

— Аминь, брат! — они оба засмеялись и подпрыгнули еще на пару ступенек.

— И это не просто истории, это похоже... когда мы все сидим там в темноте вместе, то эта... штука... это ощущение — ух, как классно, что мы все *здесь вместе*.

— Да, просто дай мне денег на билеты в кино.

— И на домашний кинотеатр.

— И на объемный звук.

— И на видео игры.

— И на компакт-диски.

— И на билеты на концерт...

Они ускакали за пределы слышимости. Следующие десять минут быстрого подъема привели странников через ги-

гантскую каменную арку в античного вида центр поклонения, застроенный храмами. И не то чтобы несколькими — целые вереницы их простирались во всех направлениях. Повсюду торчали коринфские колонны, купола, фронтоны и портики. Воздух был пропитан воскурениями.

— Если они не поклоняются Богу, то будут поклоняться чему-то другому, — Фидель изучал толпы у подножия храмов. Посетив около дюжины, они обнаружили, что внутри каждого храма стоит статуя какой-нибудь «звезды». Гигантские настенные плазменные экраны постоянно крутили музыкальные, спортивные и киноклипы, питая воображение поклоняющейся публики. Перед каждой статуей стоял мраморный алтарь с золотой звездой наверху, окруженной рядами мерцающих свечей. Многие из тех, кто зажигал свечи и ставил их в подставки, доставали также маленькие талисманы и вешали их на небольшие колышки в золотых витринах, установленных с обратной стороны алтарей. Странники увидели, как высокая, элегантная брюнетка повесила на один из колышков нечто, напоминающее миниатюрный балкон многоквартирного дома, а затем в молчании преклонила колена.

— Что она делает? — спросил Христиан друга.

Фидель посмотрел на свисающие с колышков миниатюрные зеркальца, диадемы, фигурки домашних животных, вешалки для одежды, компьютеры — список можно продолжить.

— Не имею понятия.

Странники направились к особо изысканному круглому храму с каплеобразной крышей. Минуту они стояли, глядя на рыжеволосую диву, распеваящую на плазменном экране свой мегапопулярный хит. В следующую минуту их носы едва не расплющили об экран фанатичные поклонники, обступающие Звезду, неожиданно явившуюся *во плоти*. Тут же засыпанная цветами, записками и талисманами, она, перед тем как передать подношения помощнице, лично приветствовала столько поклонников, сколько могла.

— По одному, пожалуйста, по одному, — она встряхнула длинными рыжими кудрями, покрытыми золотыми блестками, и сверкнула кинематографической улыбкой. — Итак, чем я могу вам помочь?

— Пожалуйста, Кристалл, я только что покинула Корпус Должников и мне нужен полностью новый гардероб, — просительница всунула горстку талисманов в виде серебряных вешалок для одежды в ладонь охранницы, которая, в свою очередь, вручила их Звезде.

— Хорошо, я хочу, чтобы ты закрыла глаза и создала эту новую истину. Сделай это своей новой реальностью. Ты готова?

— Да!

— Вот твоя новая истина: у меня больше денег, чем я когда-либо смогу потратить. Скажи это!

— У меня больше денег, чем я когда-либо смогу потратить!

— Поверь в это, и деньги найдут тебя! А теперь повтори!

— У меня больше денег, чем я когда-либо смогу потратить!

— Ты веришь?

— Да, я верю!

Возле круглого храма Христиан и Фидель заметили небольшой киоск, торгующий талисманами.

— Простите, мы не здешние, — Христиан повернул стоящий на прилавке стенд с золотыми и серебряными миниатюрами. — Для чего это?

— Это счастье-мысли, — торговец окинул оценивающим взглядом их форму и остановился, но затем пустился в дальнейшие объяснения. — Вы хотите иметь крепкое тело? Более густые волосы? Вы покупаете это маленькое зеркальце, вешаете его в храме, и иногда, вроде как сегодня, Звезда приходит лично, возлагает свои руки на счастье-мысли, направляет свою энергию и помогает вам обрести новую реальность. Вы хотите новую квартиру или какую-то модную дорогую вещь? Вы вешаете там компьютер, или новую квартиру, или плазменный экран на всю стену. Она помогает вам получить все, что вы захотите.

— Знаете, — он поморщился при взгляде на их форму, — для начала вам может понадобиться новая одежда. Если вы торопитесь, можете просто повесить пару этих вешалок для одежды на колышки в храме, чтобы она... — Он замолчал, остановленный взмахом руки Фиделя и очевидным отсутствием интереса с их стороны.

— Эй, это действует.

— Я так не думаю, — ответил Фидель.

С прибытием Звезды, к киоску хлынули толпы ее поклонников, выстроившись в очередь за Фиделем и Христианом. Разгневанный слишком публичным отказом, торговец огрызнулся:

— Что значит «не думаю»? В чем дело?

— Я считаю, что это прекрасный трюк для торговли, но в жизни все происходит не так.

— Да кто ты такой, чтобы судить о моей вере?

— Послушайте, — спросил Фидель, — вы действительно верите, что Звезды обладают такой силой?

— Что? Ты что-то имеешь против Звезд?

Фидель бросил взгляд на ближайший храм:

— На самом деле я очень близок к одной великой Знаменитости. Видите тот храм позади вас? — Он жестом указал на храм с классическим куполом и портиком с колоннами.

По-прежнему оскорбленный, но одновременно заинтригованный торговец слегка отклонился назад:

— Ага.

— На портике есть надпись.

— Да, это храм, посвященный «Звезде, которую не заметили». На случай, если мы кого-то пропустили.

— Хорошо, позвольте мне познакомить вас с этой Знаменитостью. Это Бог, Который создал мир и все, что в нем есть. Он не посещает ваших храмов и не дает вам новой истины для создания новой реальности. Он и есть Истина. Он создает реальность. Он из ничего создал Землю и весь человеческий род, и дал много времени и места для жизни, чтобы мы могли искать Его.

Торговец слегка прищурился:

— А зачем мне искать Его, если у меня есть собственная истина, моя собственная реальность?

— И что это за реальность? — бывший морпех крутнул стенд со счастьемыслями. — Что, если вы зарабатываете достаточно денег и покупаете достаточно вещей, вы будете счастливы?

Торговец схватил вращающийся стенд со счастьемыслями и подтянул его к себе:

— Эй, прекрати! Кто ты такой, чтобы нападать на мою истину?

— Знаете, оглядываясь вокруг, — вступил в разговор Христиан, — я вижу людей, которые работают все упорней, тратят все быстрее и ожидают все большего и большего. Но даже когда они пытаются удовлетворить свои желания, их желания не остаются удовлетворенными. Они просто превращаются в большие желания. Сегодня утром была даже статья в вашей газете...

— Да, я видел ее, — сказал Фидель. — Доход вырос примерно на двадцать процентов, и в то же время ощущение счастья на двадцать процентов снизилось.

— Верно. Там говорится, что экономисты были «совершенно озадачены» и ищут «крупную идею». «Прорыв». Что-нибудь, чтобы объяснить тот факт — то есть реальность, — что за деньги, похоже, нельзя купить счастья. Христиан обернулся к торговцу.

— Что вы думаете об этом?

— Я думаю, вам, ребята, надо купить что-нибудь или убраться.

Фидель склонился к нему с блеском в глазах:

— Мы покупаем Истину с заглавной «И». Есть такое?

— Слушай, приятель, — торговец почти кричал, — я продаю счастье-мысли. Эти люди их покупают. Они получают то, что им нужно. Это та истина, которая работает для них и для меня.

Фидель подчеркнуто понизил голос и заговорил медленней:

— Я смотрю вокруг и вижу, что вы, посетители ярмарки, люди весьма религиозные. Что вы можете предложить, если человек падает духом? Что у вас есть реальное, вечное — Камень, который может провести вас через все страдания и неудачи, какие бы ни обрушила на вас жизнь?

— Что здесь реально, так это то, что сами *вы* ...

— Эй, Барыш, эти ребята беспокоят тебя? — угрюмый мужчина с длинными черными волосами на пробор вышел из середины очереди и подошел к Фиделю.

— Похоже, эти ребята — свихнувшиеся фанатики. Они думают, что владеют единственной истиной о какой-то суперзвезде — Боге, Который «сотворил мир».

— Что, если Он действительно создал мир, — сказал Фидель, обращаясь к растущей толпе, — и призывает вас искать Его и испытать радикальную перемену в жизни? Что, если Он назначил день, когда каждый будет судим, и все получат по заслугам?

— О, пошло-поехало, — из очереди выбрался стилист «Нью-Имиджа» и направился к Фиделю. — Знакомая картина. Богоизбранные с крайне выраженным комплексом превосходства. Вы обладаете истиной, а всем остальным придется топтать в ад. Вы никогда не будете довольны, пока не убедите людей иных вер, насколько они ниже вас.

Собралась большая аудитория, как стоящих, так и парящих. Христиан, оглянувшись вокруг, покачал головой:

— Не могу поверить тому, что слышу. Мы никогда не говорили ничего...

— Эй, мы видели этих парней сегодня утром в ЦКП, — на странников указывала пара, сидевшая возле них в Центре Поклонения. — Сидели там в своей странной одежде. Сидели! Они не парили!! Они даже насмеялись над пастором Ричем!

— Что вы делали?! — друг торговца схватил Фиделя за грудки и резко рванул. — Мы здесь не терпим насмешников и фанатиков. Вы пришли сюда не для того, чтобы покупать. Где ваши сумки и купоны? Вы пришли сюда просто поскандалить.

— Сэр, отпустите мой жилет, — Христиан услышал в голосе Фиделя незнакомые интонации. — Я человек спокойный. Я не напрашиваюсь на драку.

— Нет, ты просто *фанатик*, напрашивающийся на *взбучку!* — мужчина внезапно попытался ударить Фиделя кулаком, но тот плавным, отточенным тренировками приемом отклонил удар и отбросил нападающего. Тот вновь бросился на Фиделя вместе с несколькими своими приятелями. Христиан кинулся на помощь, но кто-то схватил его сзади. Они с треском врезались в киоск, тот опрокинулся, и счастье-мысли разлетелись во все стороны.

Бесплатные счастье-мысли! Наблюдавшие за дракой дружно повалились в пыль. Разъяренный торговец набросился на лежащего Христиана, обрушив на него град ударов по ребрам и голове. Другой парень выкручивал ему ногу, пы-

таясь перевернуть и нанести парочку увечий в более уязвимых местах.

Вой сирен и рев ракетных ранцев полиции заглушили кричащего на Христиана торговца. Толпа собрала счастье-мысли и бросилась врассыпную, оставив окровавленных друзей возле разбитого киоска.

— Это... это нетерпимые ФАНАТИКИ! — торговец едва мог говорить от бешенства.

— Хорошо, мистер Барыш, успокойтесь, — один из полицейских пытался снять показания, в то время как остальные схватили Фиделя и Христиана и надели на них наручники.

— Это было омерзительное злодеяние! Все здесь присутствующие — свидетели. Они нападали на нашу религию, насмеялись над Звездами и пастором Ричем. Затем они напали на меня и сломали мой киоск. Я потерял все мои счастье-мысли!

«*Мы тоже, приятель*». Христиану очень хотелось стереть струйку крови, стекавшую у него по щеке.

— Добро пожаловать в Клетку, джентльмены, — стальная дверь с лязгом захлопнулась за ними, и полицейские исчезли в толпе собравшихся вокруг зрителей. Христиан и Фидель оказались внутри большой решетчатой отдельно стоящей загородки — камеры под открытым небом, — вместе с еще примерно пятью десятками крайне агрессивного вида мужчин и женщин. Лишь запертая комнатка и уборная посредине предоставляли некоторый намек на уединение. Клетка была на метр-полтора приподнята над землей и находилась метрах в трех от публики, стоявшей за бетонным барьером. На барьере висели таблички «Не кормить».

— Первое, что вы должны усвоить, это то, что мы играем на рейтинг, — детина ростом около метра восьмидесяти и весом под сто тридцать килограммов ткнул большим пальцем в сторону телекамер, свисающих с потолка через каждый метр. — «Клетка ТВ». Камеры работают круглосуточно, — он оперся волосатыми руками на их плечи. — Тут начинала

даже парочка Звезд. Но если вы тут за преступление ненависти, — сказал он, смеясь мрачным, преувеличенным смехом, — вы не пробудете здесь настолько долго, чтобы приобрести изрядно поклонников.

— Эй, мальчики и девочки! — крикнул он своим приятелям, подталкивая к ним Христиана с Фиделем. — Смотрите сюда! Свежее мясо!

Ветераны-заключенные по двое и по трое поочередно проходили мимо новичков, заглядывая им в лица, смеясь, обмениваясь понятными только «своим» шутками. На спинах их черных футболок было написано: «Клетка: уцелевших здесь нет». Христиан, слегка потрясенный очередью встречающих, почувствовал облегчение, когда те собрались у дальней стенки, и они с Фиделем смогли промыть свои раны и царапины.

— Помни, приятель, — прошептал Фидель, отвернувшись от камер, — это битва. И мы — воины Царя», — он кивнул на камеры. — Это могут быть самые прекрасные наши часы.

Христиан нашел незаправленную койку и осторожно опустил на нее свое избитое тело. Пульсирующая боль в голове постепенно утихла, но боль в ребрах не утихала. Он пытался дышать неглубоко, но потом все же решил дышать глубже. Это было больнее, но зато не так часто. *«Приключение! Битва! Это звучит захватывающе. Но как же это тяжело! Боже, почему это должно быть так тяжело?»* Тиски страха сдавили его внутренности. *«А Грейси? Что будет с Грейси?»*

Периодически поглядывая в сторону Христиана и Фиделя, сокамерники трудились над

сценарием, с трудом ожидая момента, чтобы его разыграть. Они спорили и смеялись; наконец они разбились на небольшие группки и разбрелись кто куда. Часть из них сидела, прислонившись к стенам, другие развалились на полу, играя в карты и кости. Христиан подумал уже, не слишком ли буйное у него воображение. Но все сокамерники постоянно поглядывали на часы.

Ровно в семь вечера они снова на короткое время сошлись вместе, а потом, отсалютовав в сторону камер и сомкнув ряды, двинулись к койкам, на которых отдыхали Христиан с Фиделем. В предвкушении драки восемь парней, до того накачанных, что буквы на их черных футболках растянулись и потеряли форму, схватили обоих странников за руки и ноги и, стянув с коек, поволокли к середине передней стенки Клетки. Христиан видел, что Фидель безвольно висит в их руках, и тоже решил не сопротивляться. *«Gospogui! Пусть сегодня вечером они увидят двух воинов Царя!»*

Чтобы предложить присутствующим зрителям и наружным телекамерам первоклассное зрелище, заключенные прижали Фиделя к прутьям лицом к публике, расстегнули на нем жилет и сорвали рубашку — вступление, встреченное свистом, гулом и аплодисментами. Один из «качков» стоял справа от Фиделя и держал его руками за голову, прижимая лицо к прутьям.

— Шире руки, ты, человеконенавистник! Держись за прутья! — «качки», стоявшие по обе стороны от Фиделя, держали его за вытянутые руки. — Держи ноги вместе! — еще двое, сидя на полу, держали его за ноги.

Что бы ни происходило, оно сперва случалось с Фиделем. Трое громил расположили Христиана под углом сорок пять градусов метрах в трех позади, чтобы он мог видеть Фиделя, а толпа могла видеть его.

— Если не будешь смотреть, — прошептал ему на ухо самый большой из громил, — будет хуже для него. — Христиан с трудом дышал с выкрученными за спину руками. При каждом вдохе словно нож поворачивался в левом боку.

Окружив место действия и став лицами к Фиделю, остальные сорок с чем-то заключенных следили за своим мохноруким вожаком.

— А ну, урежьте дробь! — сказал он.

При этих словах, некоторые изобразили из себя «группу ударных» и забили в невидимые барабаны, сопровождая это громким «ды-ды-ды». Вожак взмахнул воображаемой дирижерской палочкой, и все изобразили всплеск «тарелок». Из-за группы барабанщиков крадучись вышла вперед женщина в футболке Клетки и черных джинсах, изящно переставляя ноги в отрешенной подемной походке.

— Женщина-кошка! Женщина-кошка! — к возгласам заключенных присоединилась толпа окружающих зевак.

Кошачье потягивание. Вытянутые в мурлыканьи губы. Женщина-кошка, гримасничая перед камерой, припала к земле как раз позади Фиделя. Затем, вытянувшись насколько могла вверх, она стала в позу, демонстрируя кошачьи когти над его обнаженной спиной.

— Женщина-кошка! Женщина-кошка!

Она медленно провела длинными ногтями по плечам и вниз к пояснице морщившегося от боли Фиделя, оставляя ярко-красные царапины. Крики, улюлюканье. Она сделала это еще раз. И еще. После пятого раза потекла кровь. Она вытирала ее пальцами, и поднимала их вверх, чтобы публика могла разглядеть. Та визжала от восторга.

Десять раз. Двенадцать раз. Пятнадцать. С ее рук и ногтей капала кровь. Тело Фиделя каждый раз напрягалось, но он ни разу не раскрыл рта. Христиан расфокусировал взгляд, чтобы не видеть подробностей. В конце концов, когда спина Фиделя была вся покрыта глубокими, красными, полными крови бороздами, женщина с триумфом обернулась к другим заключенным. Они бросились вперед, заключая ее в объятия, а она протягивала руки и размазывала кровь по их рукам и лицам.

«Качки» ослабили хватку, и Фидель упал на покрытый красными пятнами пол. Сокамерники с разукрашенными кровью лицами плясали и били себя в грудь перед камерой, а затем снова набрасывались на Фиделя с пинками и ударами. Тот, пытаясь защититься, сумел свернуться клубком и закрыл лицо руками.

Воспоминание о парализующем дыхании Аполлиона сверлило голову Христиана. Желание дать отпор ослабло, и он снова и снова молил Бога: *«Прошу Тебя, пусть это прекратится. Положи этому конец»*. Он пытался вспомнить спасшие его слова из Свитка. *«Он прощает... га... Он про-*

щает наши грехи, все грехи». Избиение продолжалось. Державшие Христиана в конце концов отпустили его, и он опустился на пол, где не мог видеть своего друга сквозь лес пинающих ног. От острой боли в ребрах его затошнило. Сначала ползком, потом пошатываясь, он доковылял до ближайшего унитаза, и его вырвало.

Несколько заключенных обернулись и расхохотались при виде Христиана, которого тошнило от боли. Постепенно, перестав пинать Фиделя, к ним присоединились все остальные. Удовлетворенные столь достойным завершением сегодняшней вечерней серии они хлопали друг друга по плечам и картинно пожимали руки, а затем выстроились позади скорченного тела Фиделя. Некоторые из них побежали и выстроились у открытой двери в туалет. Они раскланивались в ответ на неистовые аплодисменты. Подняв волосатую руку к центральной камере, вожак показал продюсеру поднятый большой палец.

Затем обернулся и показал тот же знак своей труппе:

— Супер! Рейтинг сегодня вечером поднимется выше крыши!

Фидель еще чудом мог ходить с помощью Христиана. Он рухнул на свою койку лицом к стене:

- Спасибо, приятель.
- Фидель, что я могу сделать?
- Просто... молись обо мне.

Христиан нашел разорванную рубашку своего друга и как мог промыл раны на его спине. Затем, помня о недоброжелательных взглядах, смакующих зрелище его боли, осторожно опустился на свою койку.

«Он прощает наши грехи. Он прощает твои грехи. Он прощает тебя». Тиски, сжимавшие его внутренности, слегка ослабли. «Он прощает вас. Я прощаю вас. По крайней мере, хочу. Вы так обмануты. Боже, я не могу понять, как Ты мог допустить это. Однако, Господи, я пытаюсь держаться. Я оглядываюсь на границу веры на том бесплодном холме и так хочу пребывать на этой стороне. Дай, Господи, сил... Фиделю и мне».

— Встать! — полицейский стянул Фиделя с койки и сунул в руки его камуфляжный жилет. — Ты тоже! Встать! — Христиана в конце концов тоже сморил сон, и он, еще в полузабытьи, следил, как полицейский открывает отсек, расположенный посередине Клетки. Он приказал им туда зайти. Христиан осторожно встал рядом с высоким чернокожим человеком в дорогом костюме. Утреннее солнце освещало его сзади, так что лица разглядеть он не смог. Фидель, прихрамывая, пытался натянуть жилет на покрытую струпами окровавленную спину.

— Это ваш ГП, — полицейский пожал черную руку, украшенную запонками и золотыми часами с бриллиантами. — Позовете меня, если будут какие-то проблемы, — он закрыл дверь и расположился возле единственного окна, отгоняя остальных заключенных.

ГП вытащил из своего портфеля пачку бумаг и разложил их на столе:

— Мистер Христиан и мистер Фидель... кто из вас кто?

— Я Христиан. Мой друг нуждается в срочной медицинской помощи.

Невыразительное лицо ГП слегка смягчилось:

— Сожалею. Пока вы в состоянии ходить, они не вызовут медиков. Особенно, учитывая тяжесть обвинений. Полиция не должна зря тратить деньги на заключенных, которые, так или иначе, не задержатся здесь надолго. Простите, но такова действительность, с которой нам здесь приходится иметь дело.

Христиан старался хранить терпение. Конечно, им придется соблюдать надлежащие правовые процедуры до тех пор, пока они не смогут отвести эти известные всем обвинения.

— Все хорошо, приятель. Я в порядке, — шепеляво произнес Фидель.

Христиан не сразу понял, в чем дело. Два зуба под синей распухшей верхней губой его друга были выбиты, а еще два обломаны под острым углом. Христиан отвел взгляд, радуясь, что здесь нет зеркал.

— Через пару дней, — начал ГП, — вы предстанете перед Столом Власти.

— Стол Власти? А что это? Почему мы здесь? Какой закон мы нарушили? — спросил Фидель.

— Пожалуйста, не все вопросы сразу. У нас в Ярмарке Суеты нет законов. О, они есть где-то в архивах Школы Власти, но мы давным-давно их переросли.

«Нет законов, нет надлежащих правовых процедур?»
Тиски вновь сжали внутренности Христиана:

— Так откуда нам знать, что мы сделали неправильно, если нет законов?

ГП невозмутимо поправил свой черный с серебром галстук:

— Позвольте мне рассказать о нашей системе, а затем я отвечу на ваши вопросы. На слушании вашего дела Голос Жертвы, или ГЖ, будет помогать тем, кого вы якобы притеснили, излагать свои жалобы перед Столом. Я ваш ГП, или Голос Притеснителя. Моя работа заключается в перекрестном допросе жертв. Обе стороны представят свои решающие доводы.

Жители Ярмарки Суеты избрали представителей от всех влиятельных групп, чтобы поделить пирог власти. Мы обнаружили, что законы слишком негибки, а обстоятельства меняются так сильно, что лучший способ разбираться с жалобами — это дать каждой группе место за Столом Власти, то есть позволить этим девяти Голосам Власти рассматривать жалобы жертв по своим понятиям. Они выслушают аргументы в вашу защиту, рассмотрят ваши убеждения и мотивы, а затем решат, что наиболее полезно для общества, как возместить жертве ущерб и какого наказания вы заслуживаете, если заслуживаете вообще.

— Эти Голоса, кто они? — спросил Христиан. — Как они решают, что правильно, а что нет?

— Сила Голосов в том, что они хорошо знают группы, которые представляют. Как члены этих групп, они отождествляют себя с их системой ценностей, мотивами их поведения, их глубочайшими нуждами. Пребывая на своих постах, они всячески развивают в себе способность чутко слушать и мудро решать.

Христиан прищурился и почесал щетину под подбородком, размышляя над системой, лишенной законов, и жюри, избранным для того, чтобы создавать то, что сегодня хорошо из того, что вчера было плохо. Затем опять обратился к ГП:

— Я входил в общественные группы, которые прекрасно справлялись с принятием определенных решений — напри-

мер, выпускать ли облигации для финансирования школ и поднимать ли налоги — с вещами такого рода, но моральные нормы и основополагающие убеждения? А что, если люди из пяти ваших групп соберутся и решат предложить шестому Голосу за Столом взятку, чтобы он голосовал как их Голоса и обеспечил им большинство? Как вы определите, плохо ли подкупать Голос?

ГП неловко поерзал на стуле и посмотрел на Христианина:

— Давайте не будем углубляться в подробности относительно Стола Власти. Вы не измените систему.

— Просто любопытно, — спросил Фидель, — кто такие Голоса Власти, представляющие ваших жителей за Столом?

— Как я уже сказал, их девять: два Корпоративных Титана, трое Менеджеров Среднего Звена, мисс Меньшинство Корпуса Должников, мистер Меньшинство Образа Жизни, мистер Этническое Меньшинство и мисс Меньшинство Лиц с Физическими или Умственными Недостатками.

Христиан сел на стул и, осознавая истинную тяжесть их положения, смотрел через стол на Фиделя. Наконец он произнес:

— Ну, все, что мы можем сделать, это рассказать правду о том, что случилось, и во что мы верим, предав остальное в руки Божьи.

— Я бы не стал упоминать «бога». Вы видели, что произошло на Акрополе, когда вы сделали это, — в словах ГП не было даже намека на злобу. Просто стратегия.

— Вы, похоже, очень хорошо в этом разбираетесь. Почему вы взяли за наше дело? — спросил Фидель.

ГП вытащил ноутбук:

— Меня очень заинтересовал ваш случай — ваши притязания на истину, и, честно говоря, — сказал он, встретившись с Фиделем взглядом, — ваш рейтинг. Теперь мне нужно, чтобы вы изложили свою точку зрения на случившееся. Начните с того, как вы вошли через ворота на Акрополь.

— Тогда нам нужно сказать вам кое-что важное, — добавил Христиан.

Полтора часа спустя ГП постучал в окно. Христиан с Фиделем вышли с ним из комнатки и наблюдали, как полицейский проводит его сквозь толпу.

— Рейтинг — не рейтинг, а он мне понравился, — сказал Христиан.

— Мне тоже, — ответил его товарищ. — Он очень толковый, и раз уж мы заставили его взяться за дело, будь уверен, он хорошенько продумал все перед встречей с нами.

— Эй, Остроzubый! — крикнул вожак. — До чего приятная улыбка!

— Ты смотри, я и не знал, что вампиры выходят днем! — язвительные замечания и шутки со стороны сокамерников и публики продолжались.

Они уже пропустили завтрак, и Христиан был голоден. Взяв подносы с обедом с раздаточной тележки, они стояли, думая, где бы присесть. Фидель посмотрел на мохнорукого вожака и Женщину-кошку, сидевших, скрестив ноги, на покрытом темными пятнами бетонном полу, как раз там, где его избивали прошлым вечером. Он посмотрел на Христиана, а затем похромал к своим мучителям и сел рядом с ними. Свист и смех прекратились. Христиан последовал за ним и сел рядом. Наступила мертвая тишина.

— Привет, я не расслышал вчера вечером ваших имен. Я Фидель.

Они оборвали разговор на полуслове и устали на него.

— Я просто хотел, чтобы вы знали, что я не держу на вас зла. Я знаю, что продуктов в тюрьме не хватает, они тут вроде священного товара. Так что это жертва примирения, — Фидель протянул им свой поднос.

Христиан несколько *долгих* секунд смотрел на свою еду.

— Да, — он протянул и свой поднос. — Мир и благожелательность к людям. — Усмехнувшись Фиделю, он добавил, — я могу в любую минуту просто разразиться рождественским гимном.

Висевшая над ними камера крупным планом снимала ошеломленные лица. Вожак медленно протянул руку и взял кусок пирога с подноса Фиделя, а Женщина-кошка — яблоко у Христиана. Затем странники встали и стали предлагать пищу в подарок другим заключенным, пока она вся

не исчезла. Затем вернулись к руководящей паре и сели. Голодные, но взволнованные.

— И почему вы здесь? — спросил Фидель.

— Хищение — растрата, — сказал вожак. — А вы-то почему здесь?

— Хотите послушать мою историю?

Продолжая жевать пирог Фиделя и яблоко Христиана, они кивнули.

Рассказ странников о стрельбе в школе и взрыве бомбы в Гибельтауне привлек внимание сокамерников, к ним подошли другие заключенные. Следующие два часа друзья рассказывали свои истории: от Евангелиста и Холмов Внутреннего Света до креста, затем вверх по Скале Затруднений к Пирамидам Приятного Убежища (некоторые засмеялись и спросили, как можно забронировать там номер). Заключенные Клетки и тысячи телезрителей были захвачены красотой Чертога Великолепиие и ужасами долины Смертной Тени. Затем было Сердцеземье и, наконец, Ярмарка Суеты. Они не сказали о деньгах и не упомянули имени ДеткиГрейс в надежде оградить ее от неприятностей.

— До меня доходили слухи об отчаявшихся сердцеземцах, тайком проникающих в наши больницы, — сказал мужчина, прижимавший лицо Фиделя к прутьям. — Они всегда меня злили, поскольку я знал, что это повышает стоимость нашей страховки. Но, мужик, я не удивляюсь. Сам как-то сломал ногу. Имей я сердцеземскую прописку — уже давно был бы пеплом в реке.

— Эй, мистер Доброе Сердце, — бросил один из стоявших с краю заключенных, — ты чего тут расплылся перед Остроzubом?

— Я думаю, многое из того, что он сказал, имеет смысл.

— Да брось ты нюни пускать, ты не лучше их! Наверно, тебе нужно сходить сегодня вечером на свидание с Женщиной-кошкой вместо Христиана.

Послышались редкие смешки и свист, ничуть не напоминавшие энергичностью и единоклассием тех, что были вчера вечером. Сама Женщина-кошка резко возразила:

— Когда последний раз, красавчики, кто-нибудь из вас предлагал мне свою еду? Я думаю, там, за этой решеткой, полно подонков, которые больше этих двух заслуживают си-

деть в Клетке. Сегодня вечером можете на меня не рассчитывать, — она встала и направилась к своей койке. — Киска хочет вздремнуть.

Один из самых крупных и накачанных преградил ей путь:

— Эй, Киска, подумай хорошенько, — он повысил голос и сжал своими ручищами ее плечи. — Мне наплевать на их истории или еду. Мне нужен рейтинг, слышишь?

Вожак вскочил и врезал «качку» по физиономии:

— Убери лапы, идиот, пока мы не разбили о прутья твою морду! Он оглянулся на окруживших их заключенных. Было трудно сказать, кто за кого, пока «качок» не сбил Женщину-кошку с ног и не провел хук слева в челюсть вожака. Защитники вожака с криками и проклятиями бросились на обидчика. Схватив его, они стали подначивать его приятелей, пока ссорящиеся не разделились примерно поровну. Публика, стоявшая у Клетки, тоже втянулась в ссору: одни защищали Христиана с Фиделем, другие — нападали на них. Фидель похромал к Женщине-кошке, чтобы помочь ей сесть. Христиан взял с подноса салфетку, чтобы заняться ее разбитой губой, ожидая, что на него в любой момент могут наброситься и втянуть в драку.

Вместо этого прибыли полицейские с ГП. Игнорируя скандал, они надели на Христиана и Фиделя наручники и вывели их из Клетки. Камера общим планом показала заключенных, колотящих друг друга, и наплывом дала крупный план лица Женщины-кошки, затуманенные глаза которой смотрели вслед Фиделю.

— Встать, суд идет! Все жертвы, будьте готовы подойти к Столу Власти и изложить свои жалобы перед достопочтенными Голосами. Они вас выслушают.

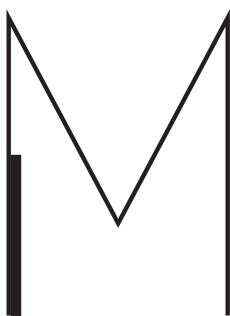
В богато украшенный зал заседаний вошли девять Голосов Власти в ниспадающих черных мантиях и заняли свои места, отмеченные табличками с именами. Мисс Меньшинство Лиц с Физическими или Умственными Недостатками вошла столь же легкой походкой, как и ее коллеги, без кресла-коляски, без трости, однако ее косящие, близко по-

саженные глаза и покатые плечи должны были в Ярмарке ставить ее в ужасно невыгодное положение.

Стол Власти и выглядел солидно — огромный полукруг красного дерева, приподнятый почти на метр над полом. Христиана изумила его великолепная декоративная отделка по краям. «Явно *“фриз с листовым орнаментом” ручной работы*». Всю стену позади Стола занимала фреска, изображавшая классическую фигуру Правосудия в белой мантии, у ног которой сгрудились строгие фигуры тяжущихся сторон в черных мантиях. Но это Правосудие отличалось одной особенностью: по-прежнему с повязкой на глазах, но на чашах весов Фемиды стояли две урны для голосования. На одной было написано «Да». На другой — «Нет».

Достопочтенный мистер Титан №1 ударил молотком и слегка покосился на камеру «Голос ТВ» над столом ГП.

— Данное заседание объявляю открытым. Первая жертва.

истер Барыш поднялся с места:

— Я держу киоск на Акрополе, ваша честь. Вчера утром, когда закончилась служба Корпоративного Поклонения и все прихожане поднялись наверх, эти двое остановились у моего киоска и захотели узнать, что люди делают со счастьемыслями.

— Я уделил время, чтобы рассказать о нашей религии и поклонении, и эти люди, — сказал он, ткнув пальцем в сторону Христиана и Фиделя, — начали нападать на меня. Они подвергли нападкам то, что является моей истиной, моей реальностью, моим способом зарабатывать на жизнь — все, во что мы верим! Что Звезды направляют свою энергию, помогая людям обретать новые реальности, новую истину, что богатство приносит счастье... Они публично заявили, что все это ложь, и утверждали, что *они* владеют единственной истиной. А когда мои друзья стали меня защищать, то эти двое затеяли драку и в конце концов сломали мой киоск. А толпа растащила большую часть моего товара.

Мистер Меньшинство Образа Жизни взглянула поверх очков на лежащие перед ней документы:

— Таким образом, вы обвиняете их в оскорбительных речах и преступлении ненависти?

— Да, ваша честь. Единственной причиной, по которой они напали на меня, были мои убеждения — убеждения, которые разделяют все наши жители.

Ропот на балконе соответствовал выражению на лицах Голосов.

ГП легкой расслабленной походкой обогнул стол Голосов Власти:

— Мистер Барыш, — сказал он, слегка наклоняясь к жертве, — правда ли, что сегодня утром вы получили от ваших притеснителей компенсацию полной стоимости вашего киоска и ваших счастьемыслей, плюс дополнительную тысячу долларов за причиненное вам страдание и беспокойство?

Торговец на миг опустил глаза:

— Да, но... это не уменьшило страданий, которые я испытываю. И я знаю некоторых прихожан, слышавших их ненавистнические речи. Им тоже было нанесено оскорбление; их убеждения были поколеблены до самого основания. Я видел это в их глазах. И сегодня я видел то же выражение в глазах некоторых заключенных Клетки. Вам нужно остановить их, ваши чести, поскольку их ненависть выходит из-под контроля.

— Господин торговец, — сказал мистер Меньшинство Корпуса Должников, одаривая того ободряющей улыбкой, — мы все прекрасно осведомлены о том, что произошло сегодня в Клетке. Вот почему слушание этого дела было ускорено и вы все получили особые повестки. Голоса приносят свои извинения за беспокойство, однако мы относимся к этому делу в *высшей степени* серьезно. Следующая жертва.

Поднялась женщина в белой униформе.

— Ваша честь, я работаю медсестрой в Центре Реабилитации «Нью-Имидж». Я нечаянно услышала, как эти двое притеснителей нападали на одну из наших пациенток, глубоко оскорбляя ее своими ненавистническими речами. Она вынуждена была просить их уйти и больше не приходиться, — сестра указала на Христиана с Фиделем, окинув их ледяным взглядом. — Эти люди говорили ей, что действительность *не* такова, какой вы ее делаете. Что есть лишь *одна* действитель-

ность. *Одна* точка зрения. *Их*. Со времени этого разговора, произошедшего два дня назад, эта пациентка все еще безутешна. Более того, она смотрела сегодня передачу из Клетки, когда эти двое снова взялись за свое, и просто разрыдалась, — сестра заплакала сама. ГЖ участливо дал ей салфетку.

ГП встал и молча ждал, пока к медсестре не вернется самообладание:

— Сестра, скажите, не предлагали ли вы и ваш Голос Жертвы этой пациентке сделать заявление, которое могло бы быть представлено сегодня на этом слушании?

— Да, — шмыгнула она носом.

— И что сказала вам ваша пациентка? Как она отреагировала?

— Она не захотела делать заявления.

— Она сказала, почему?

Мягкий тон медсестры стал жестче:

— Она не захотела делать заявления потому... потому что была в большом смятении. Точно так, как сказал торговец; их нетерпимые, фанатичные идеи отравили ее разум. Она в таком замешательстве, что больше не знает, что есть истина и что есть реальность.

Фидель под столом тихонько ткнул кулаком руку Христиана.

ГП продолжил в своей спокойной манере:

— Однако чего именно ваша пациентка совершенно не желала — делать заявление или объявить себя жертвой?

— Ей недавно сделали операцию, и она принимает морфий! Чего вы ждете? Ваши чести...

— Сестра, я слышу ваш голос. Я разделяю вашу озабоченность, — Менеджер Среднего Звена №2 сочувственно кивнула. — Спасибо за то, что пришли, — она обратилась к ГЖ. — Вы представите каких-либо других пострадавших?

— Да, ваши чести, я представляю вам... пастора Рича.

После столь эффектного заявления зал загудел. Появившийся пастор Рич проскользнул вдоль прохода к Столу Власти и завис на небольшой высоте прямо перед Голосами. Продюсер в аппаратной «Голоса ТВ» хлопнул в ладоши и поблагодарил своих удачливых Звезд.

— Ваши чести, — громовыми раскатами наполнил зал голос пастора Рича, — я пришел сегодня, чтобы засвидетель-

ствовать давнюю ненависть и фанатизм этих людей, — он протянул правую руку в сторону Христиана, блеснув огромным бриллиантовым перстнем прямо в объектив камеры «Голоса ТВ». — Вот с этим я познакомился некоторое время тому назад, и сегодня он такой же экстремист и так же полон ненависти, как в тот день, когда мы впервые встретились.

“ Если вы сделаете это, то свободы, права на которые установлены в нашем обществе, будут осуждены вместе с ними ”

Не успел я попасть на Путь к Небесному Граду, как этот парень окликнул меня и, не теряя времени, заявил, что я очутился на Пути *неправильно*. Что есть только *один* правильный способ попасть на Путь, и мне лучше вернуться назад и проделать это *правильно*, так, как это сделал *он*. Он важничал как павлин и говорил мне, что если на мне нет такой *одежды*, как на *нем*, — он усмехнулся, зал заседаний захихикал, — то я не буду допущен в Небесный Град. И вот, друзья мои, я здесь. Какой город может быть более Небесным, чем этот? Вы не только радушно меня приняли; вы удостоили меня чести быть вашим пастором и на деле показали, что этот человек глупец.

Кроме того, я присоединяюсь к остальным, — он жестом указал на медсестру и торговца. — Мы едины в нашей решимости. Этим людям не должно быть позволено изрыгать свои мерзкие ненавистнические речи в нашем безупречном городе. Они не достойны жить даже в Клетке. Оскорбление ими мистера Барыша может показаться не таким уж значительным; они могут возместить ущерб, однако их ложь и ненависть наносят непредсказуемый вред людям Ярмарки, вводя их в заблуждение и приводя к фанатизму. Даже сейчас в нашем городе есть жители, которых засосала выгребная яма их обмана. Ради общественного блага, ради защиты нашего образа жизни и всего, что мы считаем священным, мы должны положить конец их преступлениям, пресечь их деятельность, их речи, и... — он сделал паузу для большего эффекта, — сами их мысли.

— Тише, тише! — балкон взорвался аплодисментами и возгласами поддержки. Пастор Рич повернулся к ним, помаhal рукой в знак признательности и улыбнулся камере «Голоса ТВ» своей самой обаятельной улыбкой.

Не желая смотреть на свидетеля снизу вверх, ГП поднялся на один уровень с пастором:

— Пастор Рич, скажите, вы терпимый человек?

— Безусловно! Именно поэтому я нахожу это самодовольное моральное осуждение столь отвратительным.

— Почему же вы так нетерпимы к Крису и Фиделю?

Глаза пастора расширились, а загар стал темнее:

— Потому... ну, только послушайте... то есть, вы слышали... — он прочистил горло. — Я не намерен терпеть их экстремистской, фанатичной лжи, потому что... нужно же где-то провести границу.

— Совершенно верно! — воскликнул ГП, щелкнув пальцами. — И, я полагаю, вы оставляете за этой границей истязание детей?

— Конечно.

— А как насчет растления малолетних?

— Вне всякого сомнения.

— А гомосексуализм?

Пастор Рич в негодовании взлетел еще на полметра и бросил взгляд типа «мне так жаль, что вы должны это терпеть» на достопочтенного мистера Меньшинство Образа Жизни.

— Безусловно, нет. Всем известно, что они рождены с предрасположенностью к такой ориентации и имеют полное право жить полноценной половой жизнью.

— О, точно такие же доводы в свою защиту выдвигали многие растлители малолетних, с которыми я сталкивался в этой системе. А, между тем, вы пылко их *осуждаете*, — ГП сделал паузу, позволяя пастору запутаться в сети. — Не это ли сделали господа Христиан и Фидель? Они провели границу того, что истинно и хорошо. Они просто провели ее не там, где вы. Кто вы такой, чтобы говорить, что их граница недопустима? Это проявление чрезвычайной... нетерпимости.

Пастор Рич взмыл еще на пару десятков сантиметров:

— Я провожу границу, за которой лежит духовный расизм! — он бросил страдальческий взгляд на этнические меньшинства, представленные за Столом.

ГП поднялся до уровня его глаз:

— Пастор Рич, считаете ли вы себя в какой-то степени экспертом в духовных вопросах?

— Да! — пастор скрестил руки, изображая молчаливое пренебрежение.

— Не проводят ли все религии границу? Не притязают ли они все на истину, гласящую, что хорошо, а что плохо?

Молчание.

— Не верят ли мусульмане, что Мухаммед — величайший пророк, и не отрицают ли, что Иисус — Сын Божий? Не родился ли буддизм тогда, когда Будда отверг основные истины индуизма? Не бескомпромиссны ли индусы, когда дело касается их основополагающих верований в карму и реинкарнацию? Даже атеисты, заявляющие: «Бога нет», — разве не проводят они границу, отделяющую всех, кто считает иначе?

Пастор кипел от негодования, но не отвечал.

— Господа Христиан и Фидель обвиняются в ненавистнических речах и фанатизме, а теперь еще и в духовном расизме, тогда как в действительности они точно так же притязают на истину, как это делает всякая крупная религия, более того, как делаем мы все.

Пастор Рич взлетел еще на метр, пошарил в кармане и, в конце концов, вытащил из кошелька фотографию:

— Видите это?! — гневно обрушился он на ГП. — Это мой племянник! Он умер в шестнадцать лет! Покончил жизнь самоубийством из-за духовных расистов и фанатиков вроде этих! — он указал на Христиана и Фиделя. — Убийцы! — вопил он, летая по залу с фотографией в руках, напоминая еще одну Маму Ангела с безжизненным ребенком на руках. — Кровь наших детей — геев и лесбиянок, — на ваших руках! — Подобно незавязанному воздушному шарикуну он носился по ниспадающей спирали вокруг зала, давая каждому возможность увидеть своего племянника и степень собственного горя, пока не рухнул, наконец, окончательно сдувшись, на стул у стола ГЖ.

ГП опустил плечо и предложил пастору Ричу свой носовой платок:

— Мы глубоко сожалеем о смерти вашего племянника. Однако решение о судьбе этих людей должно основываться

на доводах, фактах и свидетельствах, а не на подстрекательских позах, злостной клевете и оскорблениях.

ГП сел на свое место, а ГЖ успокаивающе положил руку на плечо жертве.

Голоса Власти потребовали, чтобы Фидель с Христианом стали перед ними:

— Вы обвиняетесь в преступлении ненависти, поэтому мы обязаны прямо спросить вас о ваших побуждениях. Расскажите, пожалуйста, Голосам, почему вы с такой жестокостью разговаривали и поступали со всеми этими жертвами, которые свидетельствуют против вас сегодня?

Христиан начал:

— Ваши чести, вы думаете, что ваш пузырь — это высшая реальность, которая таковой есть и будет всегда. Ваши Корпоративные Титаны, сидя в кабинетах на вершинах башен, руководят этой маленькой вселенной при помощи страха и жадности. Мы сказали этому торговцу: «Мы покупаем Истину!» Однако она не продается в этом городе. Ярмарка Суеты — это мыльный пузырь обмана и лжи, и Титан, *стоящий за* вашими Титанами, Главный Хозяин этой Ярмарки, сидя в *своем* кабинете, дергает за невидимые нити и управляет всей жизнью здесь.

Да, мы проткнули отверстие в вашем пузыре, поскольку заботимся о ваших людях. И если они смогут увидеть, чем в действительности является этот пузырь, если они выглянут в это отверстие и увидят реальность Царства Божьего — Его обетование безусловной любви, независимо от того, что человек делает или *не* делает, — если это произойдет, — Христиан повернулся лицом к аудитории, — то они никогда не согласятся остаться. Даже если Титаны сделают каждого из них Звездой со своим собственным храмом на Акрополе.

Балкон вскипел от негодования, готовый продолжить то, что делалось в Клетке.

— Фанатики! Ненавистники! Заткните им рты!

Титан №1 сердито стукнул молотком:

— Соблюдайте порядок! Притеснители могут сесть.

ГП подождал, пока наступит тишина, и подошел к Столу Власти:

— Ваши чести, где вы проведете границу? По их поступкам? Они уже с лихвой возместили непредумышленный

ущерб, возникший в результате драки, причем полиция не может утверждать, что ее начали эти люди. По их речам? Что же тогда случилось со свободой слова? Проведете ли вы черту по их мыслям? Готовы ли мы сейчас обсуждать в этих стенах мысленные преступления? Что тогда случилось со свободой совести? Вы — ревностные защитники моральной свободы. Но какой ценой? Я заклинаю вас не осуждать этих людей. Если вы сделаете это, то свободы, права на которые установлены в нашем обществе, будут осуждены вместе с ними.

ГП сел. Христиан встретился с ним взглядом, в котором выражалось больше, чем просто благодарность. *«Сегодня вы были непревзойденным. Никто не смог бы сказать лучше»*. И в глазах ГП было что-то, наводившее на мысль, что он делал это не просто за деньги. *«Пожалуйста, Господи, пусть его собственные слова проникнут внутрь него»*. Он вновь посмотрел на Голоса и глубоко вздохнул. *«Боже, откуда-нибудь, даруй покой. Сотвори чудо. Сюрприз. Подарок»*.

ГЖ встал, застегнул свой пиджак и успокаивающе положил руку на плечо пастора Рича:

— Достопочтенные Голоса, в этом зале много говорилось о проведении границ. Но, как вы могли увидеть, мы не можем прийти к согласию в том, где провести границу между добром и злом. Каждое наше утверждение относительно того, что хорошо, а что плохо, в конечном счете, всего лишь вопрос нашего личного мнения. Вот почему мы избрали вас. Мы доверяем каждому из вас провести свою собственную границу, и пусть победит большинство. Мы передаем жалобы этих жертв в ваши всемогущие руки, — ГЖ сел и взгляды притихшего зала обратились к Столу.

Достопочтенный мистер Титан №1 оглянулся по сторонам:

— Вы готовы голосовать?

Все кивнули.

Все Голоса, сидевшие слева от него, вытянули вперед правые руки. У всех большие пальцы были повернуты вниз. Мистер Титан №1 посмотрел направо. Все большие пальцы смотрели вниз. Он посмотрел на Фиделя и Христиана и, не скрывая больше своего презрения, вытянул вперед правую руку и медленно повернул ее большим пальцем вниз:

— Притеснители, встаньте.

Друзья медленно поднялись и стали рядом с ГП, молчаливые, но с высоко поднятыми головами.

— Гопода Христиан и Фидель, вы уплатили вашим жертвам надлежащую компенсацию за свои исполненные ненависти действия. Мы одобряем это. Но свобода слова и рассуждений едва ли может использоваться как инструмент для притеснения. Наши законы — это живой, *развивающийся* документ; мы должны приспособлять и корректировать эти неизменные, с самого начала направляющие нас идеалы, величайший из которых — право наших жителей стремиться к счастью. Вы оставили в нашем прекрасном городе след из слез и разбитых верований. Вы — враги и разрушители нашей торговли; вы нарушили наш покой и отняли наше счастье; вы обратили некоторых наших братьев в свою опасную веру. Поэтому мы считаем, что вы должны быть возвращены в Клетку и заключенные в ней должны быть снабжены всем необходимым для того, чтобы отправить вас к тому богу, какому вы молитесь, и к которому направитесь после смерти.

Балкон разразился аплодисментами. Остальные хлынули вперед, чтобы утешить пастора Рича.

Однако Фидель остался стоять и прокричал, чтобы его услышали:

— Пожалуйста!.. Ваши чести!.. Пожалуйста... Могу я кое-что сказать?

“Даже жизнь и смерть Иисуса определялись общественным мнением. Но независимо от того, чьи большие пальцы опущены вниз, именно Божья рука всем управляет.”

Титан №1 ударами молотка вновь призвал зал к порядку:
— Чтобы продемонстрировать наше глубокое сострадание и высочайшую терпимость, мы позволим вам это.

Пастор Рич ошетинился и начал было возражать, но ГЖ вновь успокаивающе придержал его за руку:

— Вы уже победили, — прошептал он. — А кроме того, взгляните на него. Он выглядит ужасно. Даже шепелявит.

— Ваша честь, мы не похищали вашего счастья. Когда мы пришли сюда, шкаф был уже пуст. Даже пастор Рич в Центре Корпоративного Поклонения говорил об обеспокоенности ваших жителей, их «кризисе удовлетворенности».

Лишь одна Личность во Вселенной видит вещи именно такими, каковы они в действительности и есть. Это Творец, Бог, который создал Вселенную, который создал нас. Он не сидит за чьим-нибудь Столом Власти. Он — Сидящий на Престоле. Только Он ясно видит, где нужно провести грань. «Бог верен, а всякий человек лжив».

Да, Он проводит черту под *любой* нравственной несостоятельностью, поскольку Его характер совершенен. Но наш Бог также и наш Голос. Он создал нас и знает наши слабости. И Сын Его, Иисус, не стал держаться за Свою Власть, но смирил Себя и ходил среди нас, испытывая то же, что и мы, ощущая нашу боль. Бог Вселенной стал жертвой. Он был предан и несправедливо притеснен. Попав в руки власть имущих, Он заплатил дорогую цену страданий и отдал Свою жизнь. Он заплатил за наш грех и предлагает Любовь всем, кто отвечает Ему верой, достаточно сильной, чтобы жить и поступать по слову Его.

И когда мы решаемся на это, Бог учит нас, где провести границу и смягчает наши сердца, и формирует наши желания посредством Своего Слова, Своего Духа Святого и Иисуса Христа, Царя царей. И независимо от того, молитесь вы Ему или нет, вы *встретитесь* с Ним, когда умрете. И я молюсь, чтобы Он был милостив к вашей душе!

Христиан сидел на койке Фиделя. Бригада «Клетки ТВ» устанавливала дополнительные камеры и звуковое оборудование. Входили и выходили полицейские, отпирая двери и сопровождая доставленные заказы: канистры бензина и несколько больших ящиков. Часть заключенных собралась в кучку, обсуждая последние штрихи в сценарии того, что, как ожидалось, станет самой рейтинговой серией всех времен. Другие вскрывали ящики и извлекали из них разнообразные кнуты, ножи и дубинки. Клетка оглашалась треском, ударами

и звоном скрещивающихся стальных клинков. Странники тихо разговаривали, наблюдая, как их противники разогреваются перед смертельной игрой.

— Если я буду первым, то не хочу, чтобы ты смотрел, — сказал Фидель. — Я хочу, чтобы ты нашел тихое место за комнаткой и молился за меня.

— Да. И наоборот, если первым буду я.

— Знаешь, — сказал Фидель, — пока мы сидели на этом слушании, я размышлял. Даже жизнь и смерть Иисуса определялись общественным мнением. Но независимо от того, чьи большие пальцы опущены вниз — Пилата или Голосов, — именно Божья рука всем управляет.

Христиан знал, что это правда, но не мог унять бешено колотящееся сердце и прогнать комок, постоянно подступающий к горлу. Он хотел умереть достойно, как мученики в фильме Евангелиста. Но он хотел также просто потерять сознание, чтобы проснуться вовремя к обеду в Небесном Граде.

— Я продолжаю думать над словами Евангелиста, — сказал Христиан, — что, возможно, только один из нас сегодня будет убит. Поэтому я хочу идти первым. Если кто-нибудь явится, чтобы спасти нас... — он опустил голову и обхватил ее руками. — Фидель, я не хочу идти дальше без тебя. Кроме того, ты воин посильнее. Ты лучше меня держишься в битве. Я имею в виду, что сегодня ты был великолепен, — он заставил себя посмотреть Фиделя в лицо. — Я так тобой гордился.

Фидель улыбнулся и покачал головой:

— Не больше, чем я тобой, — он похлопал Христиана по спине. — Ты прошел большой путь с того случая в микроавтобусе в Сердцеземье.

С нарастающей громкостью зазвучала музыкальная заставка. Сердце Христиана забилося еще быстрее. Они встали.

— Послушай, — тон Фиделя стал серьезным. — Если Бог уготовил для кого-то из нас способ бежать, это будет явное чудо. Поэтому мы бежим, договорились?

Христиан посмотрел вокруг: на прутья, на толпы, на ножи:

— Договорились, — *«Беспронгрывишное пари»*. — Фидель, а как насчет Грейси?

Это было самое худшее. Оба не знали, что сказать.

Подошел вожак и, запинаясь, проговорил:

— Что бы вы ни увидели сегодня вечером, я действительно не хочу этого, — он старался не смотреть им в глаза. — Иногда у вас просто нет выбора.

— Мотор! Камера!

Ведущий закончил вступление и на камере, установленной над койкой Фиделя, зажегся красный огонек.

— Господа Христиан и Фидель, — вожак выставил вперед кулак с торчащими из него двумя зубочистками. — Кому достанется короткая, тот идет первым.

Под барабанную дробь Христиан протянул руку и вытащил зубочистку. «Длинная!» Он повернулся, чтобы последний раз взглянуть на своего друга. Фидель заключил его в свои медвежьи объятия. Никаких слов. Слишком много было слов. Наконец, он прошептал на ухо Фиделю:

— Как я тебя найду?

Тот задумался и прошептал в ответ:

— Помнишь Аполлиона? Руку с листьями? Встретимся у древа жизни, — он отступил и улыбнулся своему другу. Затем повернулся и пошел за вожакон к передней стенке Клетки.

У каждого был кнут. Это должно было бы стать звездным часом Женщины-кошки, но она и еще с десятков других заключенных сидели в левой части Клетки спиной к Фиделю. Они, в конце концов, сделали выбор.

Кнут свистнул, затем свистнул еще раз и щелкнул. Публика ревела. Щелк! Щелк! Щелк! За всем этим щелканьем и ударами, насилием в прямом эфире и визжанием толпы никто не обратил внимания, как Христиан тихо прокрался к задней стенке комнатки. Он заткнул уши пальцами и пытался молиться. «*Забери его, Боже. Забери его побыстрее, пожалуйста*». Бичевание продолжалось до первой рекламной паузы. После паузы раздались глухие удары дубинками. Даже если Фидель кричал, Христиан его не слышал. «*Господи, используй это. Если Грейси сейчас смотрит, пусть это разобьет ей сердце и приведет ее к Тебе. И всех остальных, кто смотрит...*»

Он ощутил на своем плече руку. Христиан поднял глаза и увидел ГП, который прижимая к губам палец, указывал ему

на слегка приоткрытую заднюю дверь Клетки. Он хотел продолжать молиться. Он жаждал Града. Но здесь было чудо, стоящее прямо перед ним. «*О Господи, я не могу этого сделать. Не в одиночку. А как насчет Грейси? Что будет с ней, Господи?*»

И тут словно кто-то прошептал:

— Иди, ты не будешь один. И Грейси тоже.

Закрыв за ними дверь, ГП запер ее и сунул ключ в карман. Они пробежали по узкому проходу мимо трех дверей в пустующее кафе. Бросив прощальный взгляд через плечо, Христиан увидел над Клеткой ослепительный столп света, пронзающий пузырь, и в этом свете очертания сияющей колесницы и двух белых коней. Пока он бежал за ГП, глаза его наполнились слезами. «*Только одна колесница. Прощай, грунт мой.*»

Открыв позади стойки дверь с надписью «Только для персонала», ГП жестом указал ему идти вперед:

— Вниз по лестнице!

Спустившись, они остановились на пересечении узких переулков между темными, грязными домами. Пахло плесенью и отбросами.

— Мне очень жаль, — покачал головой ГП. — Мы просто не смогли придумать, как спасти вас обоих. Вот, — он вручил Христиану его рюкзак, а затем показал рюкзак Фиделя. — Мы не знали, кто из вас будет первым. Что нам с этим делать?

Христиан смотрел на рюкзак, пытаясь очистить свои мысли от дубинок, колесницы и улыбки друга.

— Мы... эмм... — он расстегнул рюкзак и порылся внутри. В конце концов, вытащив Свиток Фиделя, он протянул его ГП. — Можем ли мы передать это одному человеку в Центре Реабилитации «Нью-Имидж»?

— Ты имеешь в виду Грейси?

Христиан почти улыбнулся, вспомнив поразительные сыскные способности этого человека:

— Да, Грейси.

— Не думаю, что мы можем. Но, возможно, я смогу.

— Это важно для нее.

ГП покачал головой и на минуту задумался:

— Мы в нижней части Корпуса Должников. Иди прямо по этому переулку. Никуда не сворачивай. В конце он при-

ведет к дверям, которые ведут в выходной отсек на дальней стороне Ярмарки Суеты. Обычно там никого нет. Это место покидают очень немногие, — он поднял брови. — Но положение вещей может вскоре измениться, как ты думаешь?

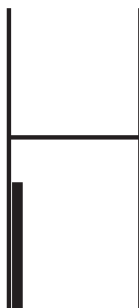
На лице Христиана мелькнула улыбка.

— Следуй по Пути через свалку и дальше по равнине. До полуночи ты должен достигнуть оврага, край которого порос кустами. Мне сказали, что ты не сможешь его пропустить. Я встречу тебя там на рассвете, — и ГП исчез в поперечном проходе.

Христиан пустился бегом, минуя мрачные бетонные здания, покрытые несколькими слоями граффити. Он преодолел всего пару кварталов, когда боль в ребрах стала невыносимой. Максимум, на что он был способен, — это нечто среднее между спортивной ходьбой и легкой трусцой. К счастью, переулочек был пустынен. Должники работали и играли в прекрасной верхней части пузыря. Нижняя часть была гигантской ночлежкой, обслуживаемой несколькими дешевыми, работающими допоздна магазинчиками. В единственном окне, мимо которого он прошел, было видно напоминающее склад помещение с рядами скатанных постельных принадлежностей. У дальней стены дюжина Должников свистела и аплодировала чему-то светящемуся на экране маленького черно-белого телевизора.

Он выскользнул из выходного отсека и прокрался мимо блестящих черных пластмассовых холмов. Он пытался представить себе Фиделя твердо стоящим в присутствии Царя. Прекрасная улыбка. И царские радушные объятия.

Километр за километром, когда ребра начали все больше давать о себе знать острой качающейся болью на каждом шагу, этот образ потускнел и все заполнила тьма. Бесы, обретшие силу, устроили свистопляску бормоча во мраке: *«Ты думаешь, что выиграл битву? Где же твоя победа? Где все эти люди, выходящие из отверстия в пузыре? И Грейси. Ты бросаешь ее. И это после вашего великого побега из Сердце-земья. Ты жалок. Ты одинок. Твой Бог жесток»*.

аверху, у поверхности, кружили и гудели голоса. Но Христиан опускался назад в туман, не обращая на них внимания. Когда он опускался вниз, его охватывала приятная слабость. Он снова приближался к поверхности, тянулся к ней, однако почему-то ощущал, что если прорвать ее, то его может раздавить что-то тяжелое и ужасное. Он перевернулся и снова попытался свернуться поудобнее в тумане, но тот кружился, утончался и, наконец, исчез полностью. Открыв глаза в темноте, Христиан попытался понять, что к чему. Он щурился в поисках контуров, очертаний, любого намека на то, где он находится и что происходит. Скосив глаза, он заметил на лбу что-то плотное и болезненное. Он протянул руку и обнаружил в районе правого виска шишку, покрытую новой чувствительной кожей.

«Я шел... да, я шел, и ребра болели так нестерпимо...» Он осторожно сделал глубокий вдох. Слабое, а потом все усиливающееся ощущение своей грудной клетки. *«Никакой боли. С ребрами, похоже, все в порядке, но голова болит. Что за...»* Христиан распрямился из своей эмбриональной позы и попытался сесть. Однако комната закружилась и опрокинулась,

и он рухнул на спину. Когда он снова открыл глаза, то смог различить слева дверь, а справа нечто, напоминающее занавешенное окно.

Он лежал на кровати в каком-то помещении, расположенном неизвестно где. Он был не под открытым небом. Он не бежал от... от чего? словно сорвавшись откуда-то сверху, что-то огромное и тяжелое рухнуло на него, лишив возможности дышать. «Фигель!» Гремела кошмарная фонограмма — щелканье, хлопки, глухие удары, ликующие голоса толпы. Он снова свернулся на боку, моля чтобы туман вновь окутал его, взял его голову в свои утешающие объятия и помог все забыть. Боль в голове была полностью поглощена болью этой сокрушительной тяжести. «Фигель и Грейси, побег из Ярмарки, и... ГП! Где же ГП?»

Он посмотрел на свою больничную одежду. «Я бежал. Я и не думал, что смогу. Должно быть, я споткнулся и ударился головой о камень или еще что-нибудь?» Он уставился на темную стену, ничего не видя, но опять все слыша. Казалось, будто Фиделя избивают у него за спиной, прямо возле окна. Христиан впитывал звук каждого удара кнутов и дубинок, но невидимая тяжесть раздавливала даже его стоны. Он не мог содрогаться, не мог горевать; он мог только лежать и слушать, пока это не затихло.

«Я в больнице. Где?» Он посмотрел на дверную ручку. Он мог бы встать, пойти на пост и выяснить это у медсестры. «Что если они нашли меня, и я опять в Ярмарке Суэты?» Он закрыл глаза и попытался ускользнуть назад под поверхность, погрузиться глубоко, намного глубже этой свинцовой тяжести, которая сокрушала его дух.

Он дремал, но урывками. Его мышцы желали распрямиться. «Давай на этот раз помедленней». Он осторожно сел, опустил ноги и, перед тем как открыть глаза, дал голове время освоиться с туловищем. Наконец он сполз с кровати, расправил мешок катетера, взял стойку капельницы, поплелся через комнату к окну и просунул голову между шторами. Знакомый центр города — из воспоминаний или на самом деле? Ни многоквартирных домов или корпоративных башен, никакой монорельсовой дороги или Акрополя. Сквозь прутья решетки он видел город, взбирающийся на склоны предгорий, и отдаленные горы. На другой стороне

улицы у касс кинотеатра вились короткие послеполуденные очереди. С неоновой вывеской «Анжелика», он выглядел точно так же, как и тот, что остался дома. Глядя то направо, то налево, Христиан прижался лбом к окну пятого этажа. От его дыхания на стекле образовалось маленькое пятнышко. Справа знакомый центральный парк, слева... *«как такое может быть?»* Столики кафе на тротуаре, а позади них старое офисное здание и автостоянка. Стоявший за ними банк был в лесах, все еще находясь на ремонте после взрыва машины.

Он вновь внимательно изучил горы, его любимые горы — единственное в Гибельтауне, о чем он скучал. Он узнавал форму каждой вершины. Да, он мог найти любой ориентир, какой только мог вспомнить. Он знал, что написано на вывеске внизу над входом, даже не видя ее: «Центр реабилитации Даутин-Кэсл*»: когда надежды нет, и ты не в силах справиться».

Он отошел от окна и зашаркал к двери. *«Ясное дело, закрыто»*. Он упал в темно-зеленый виниловый шезлонг, стоявший возле кровати, откинулся назад и уставился в потолок.

Это было просто невозможно. Он громко засмеялся над тошнотворностью этого кошмара, худшего из всех. Больничная палата Грейси да закрытые двери Приятного Убежища, плюс проклятый город, который он так отчаянно хотел покинуть. Он поздравил врага рода человеческого с полнотой своего поражения. Он вновь добрался до окна. Люди в очередях кинотеатра жестикулировали, транспорт двигался сплошным потоком — если это голографическая фальшивка, то она была подготовлена с размахом.

Он вернулся в постель. *«Да, вот именно; все это было безумием с самого начала. Какой слабак! Я слабак, просто беспутный слабак!»*

Он вновь урывками погружался в изматывающий, но не глубокий сон. Он продолжал скрестись в дверь, пытаясь бежать. Или скреблись в его дверь? Он открыл глаза, и ему показалось, что дверная ручка поворачивается в тусклом свете. Гигантская фигура в белом халате, едва не задев дверной косяк, включила лампочку, голо висящую под потолком.

*От англ. *Doubting Castle* – Замок Сомнения, – Прим. ред.

— Ну-с, вижу, что путешественник наконец проснулся. Добро пожаловать назад, Крис, — в тоне и лице незнакомца не было ничего приветливого. Большой нос, большие густые брови, крупные зубы, — все в этом человеке было громадным. — Вы знаете, где находитесь?

— Меня зовут Христиан, и... нет, не знаю, — ответил он, не утруждаясь присесть.

— Ну, голубчик, наши записи показывают, что вы Крис Адамофф. Вы поступили в «Даутин-Кэсл» здесь, в Гибельтауне после кратковременного пребывания в окружной больнице, где лечились после ушибов головы, полученных при взрыве автомобиля возле Первого городского банка две недели назад, — он наклонился, чтобы тщательно осмотреть шишку на лбу Христиана, но никак не прокомментировал увиденное. — Вы то впадали в забытие, то приходили в сознание, рассказывая нам истории о «местах отдаленных и со странными названиями», — его губы раскрылись в том, что должно было быть улыбкой, но вместо этого получилась покровительственная ухмылка.

Христиан оглянулся на темно-зеленую стену. Вполне могло оказаться, что он находится в еще одном из иллюзионистских фургонов Аполлиона. Он посочувствовал Грейси и прихожанам Акрополя в Ярмарке Суеты. Может быть, действительность была не такой простой, как он думал.

— Я ваш врач, доктор Деспер*, — сказал великан, поворачивая шезлонг так, чтобы Христиан оказался к нему лицом. — Вы помните взрыв бомбы?

— Да.

— И что вы помните после этого?

— Я помню, как что-то увидел и побежал в свой офис, а затем к машине.

— Интересно, — доктор открыл историю болезни, вытащил из кармана ручку и начал писать. — А затем...?

— Мне так опротивело все то насилие, которое одолевает этот забытый Богом город, а также насилие, закрадывающееся в мое собственное сердце, что я оставил Гибельтаун. Просто побросал вещи в рюкзак и побежал.

*От англ. *despair* – отчаяние – Прим. ред.

— Угу, — доктор не отрывая глаз от своих записей спросил. — Так, скажите мне, куда вы направились?

Христиан изложил ему пятиминутный вариант своей истории, заканчивая бегством из Ярмарки Суеты.

— Вы бы хотели вернуться к своей старой работе и привычной жизни?

Христиан на миг заколебался, подумав о Мэг.

— Нет.

— Нет? Почему? Слишком много насилия? Вы потеряли семью или друзей? — профессиональный тон без малейшего намека на сочувствие.

“ Ты отдал Ему свое сердце, и Он
 обещал в ответ дать тебе Жизнь.
 Разве не такой был договор? И Ты
 НАЗЫВАЕШЬ ЭТО ЖИЗНЬЮ? ”

— Нет. Однако жизнь, которую я здесь вел, и человек, в которого я постепенно превращался... меня это пугает. И вызывает отвращение.

— А как насчет этого вашего путешествия? Не хотите ли вновь оказаться на дороге, ведущей в Небесный Град?

Христиан перевернулся на спину и уставился в светло-зеленый потолок:

— Да не особенно.

— Отчего же?

— Это слишком тяжело. Приключений несколько больше, чем я рассчитывал.

— Оказалось, что этот ваш бог не торопится прийти на помощь?

Христиан смутился.

— Хорошо, если вы не хотите вернуться к своей старой жизни здесь, в городе, и вы не надеетесь идти дальше с верой в своего бога, то к чему все это? Зачем жить, если это так мучительно?

Христиан смотрел в потолок. Он не знал ответа.

— Подумайте об этом, — доктор встал. — Я приду завтра, — он выключил свет и закрыл дверь, оставив Христиана в темноте.

«А ведь он прав. Надежда, стремление, ожидания — все это просто подготовка к еще одному падению». Христиан не мог сказать, исходил ли этот шепот от бесов, скрывающихся где-то в темноте, или из глубин его собственного сердца. «Ты убежал отсюда, крича: "Жизнь! Жизнь!" Ты называешь это жизнью? Исхлестанное и избитое сердце, превращенное в дым и пепел, как и твой груг Фигель?»

Кто же тут враг? Это Бог, не так ли? Не должен ли Он был вмешаться и помочь? Ты отдал Ему свое сердце, и Он обещал в ответ дать тебе Жизнь. Разве не такой был договор? И ТЫ НАЗЫВАЕШЬ ЭТО ЖИЗНЬЮ?»

Из зерна сомнения, зароненного великаном-доктором, внезапно выросло растение, вышедшее из фильма ужасов, которое пустило листья и оплело своими усиками все углы палаты, мешая дышать. Христиан опять свернулся в кровати калачиком.

“ Ты, определенно, не притеснитель, —
| успокоила она его. — Ты жертва. ”

«Может быть, я не убегал в поисках жизни. Может быть, меня просто ударило по голове, и все остальное было просто сном, галлюцинацией, обернувшейся кошмаром. Может быть, единственная возможность — это предаться сомнениям и цинизму, жить без надежды. Может быть, если бы я был достаточно силен и умен, я смог бы найти хорошую женщину, поселиться на своем маленьком клочке земли, подальше от насилия. Однако неужели это значит надеяться? Надеяться найти гругую Мэг? Надеяться, что это не мои гети окажутся в гробах на стадионе?»

Он не мог представить себе жизни без надежды. По крайней мере, такой жизни, которой бы он хотел. Однако он не мог представить, как вновь начнет с того места, где все бросил, в этом городе. Его сердце страстно желало гораздо большего, чем его старая маленькая история: плясать на задних лапках, чтобы получить признание, много денег и девушку.

Медсестра принесла поднос с едой. Пока он без аппетита клевал обед, она ловко отсоединила капельницу и катетер и ушла. Он встал, выключил свет и побрел к окну.

Мерцающие огнями предгорья тянулись вверх, чтобы обнять вздымающиеся за ними горы. Он долго стоял у окна, пока сумерки не перешли во тьму. Тогда он решил вернуться в кровать.

— Я думаю, мы можем все обсудить. Не позволяй этому старому ослу доктору взять над тобой верх.

Христиан открыл глаза, однако дверь была закрыта. Он перевернулся, осматривая комнату, и увидел на противоположной от кровати стене полутораметровое лицо. Он вытянул шею, выискивая луч проектора, однако ничего не обнаружил.

Лицо продолжало:

— Знаешь, Крис, ты рассудительный, умный, красивый сам собою, — лицо подмигнуло.

— Кто ты?

— Меня зовут Нелли. Я знаю, что ты через многое прошел, и думаю, что ты весьма строг к себе.

Нелли выглядела как заморская кинозвезда тридцатых годов — холодная завивка, ресницы, темные кукольные губки и зеленовато-черные волосы. Старомодно-контрастное фото старлетки, сделанное сквозь зеленый светофильтр. Христиан понятия не имел, каким образом ее зеленовато-белое лицо появилось на темной стене.

— Ты, определенно, не притеснитель, — успокоила она его. — Ты жертва. Ну, задумайся на минуту о своей семье — внимание родителей всегда было поглощено твоей эгоистичной сестрой, требующей постоянной заботы. А ребенком, который получал все, что после этого оставалось, был Филип. Тебе же никогда ничего не доставалось. Несчастный случай с Филипом был *страшной* трагедией. Но это был просто *несчастный* случай. В нем не было твоей вины. Отвернувшись от тебя, родители только долили масла в огонь. Где они были, когда ты так нуждался в них? Они были взрослыми. Тебе было всего восемнадцать. Они должны были знать, что все братья соперничают между собой, а не обвинять тебя. Ты нес на себе огромную тяжесть этой вины из-за их слабостей

и ошибок. Если бы они были лучшими родителями, то помогли бы тебе в то тяжелое время. — Без тени ободрения Нелли продолжала и продолжала говорить о его детстве и о грубом с ним обращении. — Если ты сможешь понять, что был жертвой, это придаст тебе сил. Сил двигаться дальше и давать отпор всем попыткам притеснения в твоей жизни.

У нее был приятный ласковый голос. Весьма выразительный, как и ее лицо. Широко распахивая свои огромные глаза и демонстрируя ямочки на щеках, она много и сбивчиво говорила о том, что его отец мало уделял внимания семье, пока Христиан не уснул.

Он проснулся, но сразу же пожалел об этом. Всякий раз, когда он просыпался, огромная тяжесть снова наваливалась на него. Независимо от того, *какая действительность была реальной*, он был зол. Если реален был *Бог*, что ж, тогда он был зол на Него. Нелли ни разу не упомянула Бога, но чем больше он об этом думал, тем больше склонен был считать себя уязвленной жертвой своего Создателя. *«Я думал, Ты любишь меня и приглашаешь принять участие в этом грандиозном приключении»*. В голове прокручивались самые яркие эпизоды его странствия, особенно время, проведенное с Фиделем, — воспоминания, которые углубляли его одиночество и пробуждали печаль. *«Зачем та рука принесла листья с грева жизни? Почему Ты не дал мне умереть в долине Аполлона?»* К середине утра гнев переполнил его и вырвался наружу:

— Я думал, Ты дашь мне какого-нибудь попутчика! Кого-то, у кого можно учиться, с кем можно сражаться бок о бок! — сетовал он. — Я думал, мы пожмем друг другу руки и вместе войдем во врата Небесного Града! А если Ты собирался забрать одного из нас, почему Ты должен был оставить меня? Фиделю выпадает пир в Небесном Граде! Мне же уготована тюремная камера с доктором Деспером и Нелли — злой следователь рассказывает мне, что я должен просто покончить с этим, а добрый следователь успокаивает и рассказывает, что я просто жертва. Что же Ты делаешь?

Он все еще был полон ярости, когда доктор Деспер пришел с утренним обходом.

- Доброе утро, Крис.
- Что в нем доброго?
- Скажите мне сами.

“ Я думал, что жизнь должна была
быть грандиозным приключением ”

— Ничего. Это отвратительно! Я не знаю, сошел ли я с ума, или нахожусь в плену. Я не знаю, вернулся ли я туда, откуда начал свой путь, или стою на дальнем краю Ярмарки Суеты. И, если Бог реален, я не знаю, как Он мог поступить так со мной, если Он действительно обо мне заботится!

Доктор согласно покачал головой:

— Да, если он действительно всемогущ, то наверно не должен был дать этому случиться. Может быть, он контролирует ситуацию, но где-то не так надежен, как вы думали.

Христиан зло закричал:

— Я думал, что жизнь должна была быть грандиозным приключением, переживаемым с людьми, которых ты любишь. Успехом! Победой ради Царства! Однако позади меня остается след из мертвых тел — Док, а теперь и Фидель. Я не вижу никакой победы. Это не жизнь; это смерть, и ее слишком много. Точно так же как здесь, в Гибельтауне. В чем разница?

Доктор Деспер вздохнул:

— Вы правы, вам, вероятно, следует просто смириться с тем фактом, что *это и есть жизнь*. И если это чересчур невыносимо... — он полез в карман и вытащил пузырек без этикетки. — Если все вокруг слишком невыносимо, примите четыре этих таблетки, — он опустил пузырек на тумбочку возле кровати Христиана и, глубоко вздохнув, встал во весь свой рост. — Жизнь без надежды не для слабых сердцем.

Христиан посмотрел вслед уходящему доктору. Затем глянул на таблетки, сердясь на страдания, которые этому человеку нравилось причинять. Фидель поступал совершенно иначе. Он вновь подумал о самоотверженных попытках своего друга дотянуться до Грейси, Женщины-кошки и всех остальных.

Глубоко изнутри вырвался долгий вздох. *«Господи, до чего мало есть действительно хороших людей, как мало мужественных и отважных, готовых отдать свою жизнь за других. Почему Ты должен был забрать одного из лучших?»*

Нелли возвращалась каждую ночь, передвигая старую мебель его жизни на новые места. Она проводила бесчисленные часы, исследуя его как жертву, раскапывая каждую когда-то нанесенную ему обиду и показывая, почему он был не виноват. Она убедительно доказывала, что в действительности это было результатом ошибок его семьи, учителей, одноклассников, товарищей по колледжу, его девушек и, в особенности, Мэг. Она говорила, что он не должен стыдиться из-за гибели Филипа и своих ужасных вспышек жестокости по отношению к Мэг. Она даже открыла ему, что Эми перестала принимать противозачаточные таблетки, поскольку из-за них набирала вес, и, значит, она сама виновата, что забеременела. Нелли бесконечно толковала о том, как он может все исправить и снова чувствовать себя достаточно счастливым для того, чтобы жить дальше; убеждала его, что он *может* обрести новую жизнь на основе старой, что все это можно устроить.

Доктор каждый день заходил к нему в палату, с трудом скрывая свое разочарование тем, что Христиан не может решиться или выпить таблетки, или покончить со всем этим, махнуть рукой на крушение своих надежд и записаться в циники. Христиану и самому было интересно, сколько он сможет прожить в столь жалком положении, терзаемый сомнениями. Снова и снова он приближался к краю пропасти веры и вглядывался в будущее. Если там был Бог, то Он был далеко и сидел сложа руки. *«Что-то должно умереть. Будут ли это весь я, или мое сердце?»* Могила выглядела приятней этой тюрьмы. Приятней даже, чем жизнь без надежды.

Однажды доктор пришел с креслом-коляской и пристегнул Христиана к нему ремнями.

— Куда мы направляемся?

— Мы собираемся посмотреть, какие у вас есть варианты.

Он покатил Христиана по длинному коридору. Сквозь прямоугольные окошки в дверях тот мог видеть других, подобных ему, пациентов, свернувшихся калачиком на кроватях или неуклюже сидящих с остекленевшими глазами в креслах, некоторые были привязаны ремнями. В конце коридора доктор подтолкнул Христиана к большому окну, из которого открывался вид на двор реабилитационного центра Даутин-Кэсл. Повсюду, куда мог видеть глаз, тянулись могильные камни.

— Это были странники, вроде вас. Они предпочли тихое небытие этого двора горю и мучениям, с которыми вы так не желаете расстаться.

— А что происходит с теми, кто предается сомнениям, кто живет без надежды? — спросил Христиан.

— Когда их состояние стабилизируется, они возвращаются в город. Они склонны становиться или преступниками, или высокими профессионалами. Многие из них преподают в университетах.

— А что с остальными?

Не сказав ни слова, доктор вкатил его в лифт. На следующем этаже по обе стороны коридора протянулись во всю его длину две огромные комнаты отдыха. Совершенно без окон, они были чем-то похожи на пещеры. Примерно через каждые семь метров с потолков свисали телевизоры. Тысячи пациентов, сгорбившихся в одинаковых металлических складных креслах, теснились вокруг этих гипнотизирующих ящиков.

— Они нашли свои маленькие пристрастия. Некоторые настолько окрепли, что ушли в город и нашли безвредные пристрастия там. Спорт, работа, хобби... возможностей масса.

— Маленькие истории, — пробормотал Христиан.

— Очень маленькие. Некоторые приобретают пагубные, разрушительные привычки и вынуждены возвращаться к нам.

Вернувшись в свою комнату, Христиан лежал на кровати и, не мигая, смотрел на пузырьки с таблетками. «*Что-то должно умереть*». Он думал о кладбище и телевизионной тюрьме, и о бессмысленной пляске избранных им самим пристрастий. Тупик, пустые игры Приятного Убежища. Приключение с кнопкой «стоп». С виду вполне контролируемое, но недостаточно большое для его сердца. С другой стороны было приключение Царства. Яркое, живое, несущее больше радости и Жизни, чем он когда-либо знал. Однако совер-

шенно ему неподконтрольное. Роль в истории, которая казалась слишком большой. *«И эта боль! Господи! Я не могу жить с этой болью. Чем больше ты надеешься, тем тяжелее падение. Я возлагал на Тебя столько надежд, Господи!»*

Порой он вскакивал и метался по комнате, сжимая в левой руке пузырек с таблетками. Медсестра забирала его нетронутый ужин, а он все смотрел, как на горы спускаются сумерки. В одной руке он сжимал пузырек. Пальцем другой чертил на стекле контуры горных вершин. Что же реально? Эта комната с пейзажем? Прутья решетки за окном? Как его странствие может оказаться сном? Он слишком многому научился. Слишком заметно вырос. Перемены в его сердце и душе были более реальны, чем эти вздымающиеся вершины. Незванные отрывки псалмов прокручивались у него в голове. *«Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю».*

«Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты - Бог».

Впервые со времени пробуждения, он возопил, но не на Бога, а к Нему:

— Где же та Жизнь, которую Ты обещал? Пожалуйста, покажи мне!

— Ты такой креативный парень, Крис. Тебе просто нужно применить свои творческие способности и реализовать себя, — он уже узнал, что не может выключить Нелли. Каждую ночь она часами изливала непрерывный поток разговоров о самореализации и рукотворном счастье. — Сосредоточься на своих потребностях и желаниях, и ты придумаешь план, который приведет тебя к успеху во всем, чего ты только захочешь. И тебе нужно пойти к своему отцу и сказать ему: *«Отец, ты согрешил против меня, и не заслуживаешь больше права называться моим отцом...»*

Лучшее, что он мог сделать, это засунуть голову под подушку и попытаться заснуть. Его сны были в основном кошмарами о Клетке. Однако этой ночью ему снилось, что он в

горах, поднимается через дрожащие листвою осиновые рощи и сумрачные луга, где лоси переходят вброд журчащие ледяные ручьи и жадно пьют из них воду. Покачивая рогами, они смотрят, как он проходит мимо, и вода капает с их задумчивых морд. В отличие от карабканья на Скалу Затруднений, это восхождение кажется легким и радостным. На каменистых лугах выше линии лесов танцуют на ветру цветы водосборов и венериных башмачков. Сумерки сгущаются, и на небе одна за другой появляются звезды, повторяя свои еженощные хвалебные песни без слов.

“ Если мы живем так, словно
 участвуем в величайшей из битв,
 то атаки сил зла не бугут
 удивлять нас или вызывать
 пораженческие настроения ”

В своем сне Христиан в конце концов приблизился к гребню, зазубренный край которого серел на фоне чернильного неба. На гребне прямо перед собой он заметил темный силуэт стоявшего к нему спиной солдата в камуфляжных брюках, заправленных в армейские ботинки. Метрах в шести от того места, где стоял солдат, гребень выравнивался. Христиан остановился и намеренно громко отряхнул пыль с одежды, надеясь, что часовой обернется. Но тот никак не оглядывался. Вместо этого он поднял правую руку и указал на сверкающий небесный свод. Христиан смотрел на вечные небеса, наполняющие Землю своими беззвучными голосами. Их песнь струились через него, пронизывая его надтреснутое каменное сердце. Часовой сказал знакомым голосом с оттенком мягкой настойчивости: «Эй, приятель, там сокрыто *намного большее*. Ты нужен». Христиану отчаянно хотелось, чтобы его друг обернулся, но Фидель по-прежнему стоял спиной, обратив лицо к небесам. Христиан, замерев, глядел на него, пока его взор не затуманился, и он должен был вытереть глаза. Когда он снова поднял взгляд, силуэт исчез.

Он проснулся. И впервые сокрушительная тяжесть смерти Фиделя не обрушилась на него. Христиан лежал в

темноте, прислушиваясь к своему частому дыханию и сильному биению сердца. «Фидель, что ты хочешь мне сказать?» Его потрясла мысль о друге в военной форме. Разве тот не упокоился с миром? Он улыбнулся. Форма шла Фиделю куда больше, чем прогулки с арфой.

Каким-то образом Христиан упустил из виду битву — доспехи Божьи и силы тьмы, которым он противостоял. Ему пришла в голову другая мысль: «Если мы живем так, словно участвуем в величайшей из битв, то атаки сил зла не будут удивлять нас или вызывать пораженческие настроения. Мы не будем чувствовать себя преданными Богом». Пораженный этим новым взглядом на реальность, Христиан сел, пытаясь разобраться в том вихре мыслей, которые пролетали в его голове. В конце концов, он подошел к окну и, глядя мимо уличных огней, пристально всмотрелся в простирающуюся за ними тьму.

«Но, Господи, эта битва так тяжела. Я никогда не думал, что пролью столько крови. Я не смогу выдержать еще одного такого удара. Даже этот был выше моих сил. И я не очень хороший воин».

«А почему, собственно, нет? — пришла мысль. — Ведь тебя обучал Самый Лучший!»

Он не знал, что на это ответить.

Остаток ночи Христиан провел, беседа с Богом. Только сейчас он осознал, насколько сузились его взгляды. Когда он разговаривал с Царем, стены рухнули, и он вновь смог увидеть и обдумать свое путешествие.

— Почему этот путь так тяжел, а местность настолько опасна?

— Потому что все поставлено на карту, — последовал ответ.

«Тогда почему меня удивляет, что враг рода человеческого использует боевое оружие и огонь на поражение?» Он вновь повернулся к пропасти веры, осознавая, что его страх прошлого уничтожил его надежду на будущее. Он мельком увидел руки, широко распахнутые, чтобы поймать его, нести его, если понадобится, но боль была столь реальна и столь глубока, что он по-прежнему не мог сделать шаг вперед. Он не боялся умереть. Его парализовала перспектива все большей и большей боли.

Санитар принес поднос с завтраком и, поглядывая на маленькое окошко в двери, слегка подвинул тарелку Христиана, открывая нечто, выглядывающее из-под нее. Затем, не сказав ни слова, вышел.

Наклонившись вперед в кресле, Христиан посмотрел на маленький кусочек чего-то коричневого, выглядывавший из-под тарелки. Бросив взгляд на окошко, он приподнял тарелку, вытащил спрятанное и тут же сунул его под столик. Еще пару секунд посмотрев на окошко, он заглянул под стол и обнаружил веточку с тремя листками. Кончик веточки был обмотан кусочком коричневой бумаги.

«Я обнаружил это на дне твоего рюкзака. Вспомни! — записка была подписана. — Хоуп*».

Все тело закололи невидимые иголки. Увядавшие, но по-прежнему поразительно зеленые, в его руке лежали листья с древа жизни. Держа их в сложенных ладонях, он прижал листья к лицу. Исцеляющие листья. Место встречи с Фиделем. Тонкие, как папиросная бумага, они вмещали обетование Небесного Града.

Он вспомнил ночи, проведенные у костра с Фиделем, когда они смотрели на небеса, крутили в руках эти листья и говорили о том, на что это может быть похоже — стоять в конце пути перед престолом Того, Кого они так сильно любили. Христиан вспомнил, как держал эти листья над головой на фоне ночного звездного неба и пытался представить деревья в Небесном Граде, растущие по обоим берегам Реки Жизни.

Он на миг прервался, его глаза широко распахнулись. *«Река жизни, древо жизни, венец жизни. Жизнь! Я убежал, чтобы обрести ее. Отдал свое сердце Богу в обмен на обещание... но... я никогда не обрету ее здесь. Она там!»* Он так отчаянно желал обрести Жизнь в своей маленькой истории, и он, в конце концов, вкусил Жизни в Истории Царства — настоящей радости, общения, Истины, столь многого из того, чего желало его сердце. Но эта глава Истории Царства больше касалась битвы, жестокой боли и неисполненного желания. В его голове прокручивались древние слова: «Надежда, долго не сбывающаяся, томит

*От англ. hope – упование. – Прим. ред.

сердце, а исполнившееся желание — как древо жизни». *«Все самые сокровенные желания моего сердца будут исполнены, однако сначала нужно многое преодолеть. А затем будет древо жизни».*

Он вытащил из тумбочки ручку и нацарапал на обороте коричневой бумажки свое послание. Он молился, чтобы ГП обрел свой Свиток, или чтобы ему был дан один из Свитков Христиана. Немного дрожа, он обернул бумажку вокруг веточки с листьями и попытался съесть свой завтрак. *«Если все получится, мне это пригодится».* А что, если этот санитар не вернется? Что, если он не захочет доставить послание?

Наконец дверь открылась и, не глядя в глаза Христиану, вошел санитар. Христиан едва заметно указал ему на маленькую веточку, выглядывающую из-под тарелки, и тихо спросил: *«Вы не вернете это назад?»*

Санитар бросил быстрый взгляд в коридор, но ничего не сказал. Он взял поднос и запер за собой дверь.

— Господи, прошу Тебя, пусть он доставит послание. Умоляю, пошли избавление *мне!*

Бежали минуты, он мерил шагами комнату. Краем глаза он заметил пузырек с таблетками, лежащий у плинтуса, куда он его забросил. Его лицо озарилось улыбкой. Вот, что должно было умереть! Не он, не его сердце, но его *воля*, воля обрести в полной мере Жизнь, к которой он всегда страстно стремился, по *эту сторону* Небесного Града. Он обратился к Отцу и выложил все перед Ним. Это не сняло боли, но открыло способ ее переносить. Он молился о Грейси и о ГП-Хоупе. Еще один друг и попутчик. Христиан не мог дожидаться, когда увидит его. Эта перспектива слегка смягчила боль от утраты Фиделя. Бог уже использовал его гибель. Зло, обратившееся в добро. Поражение, ставшее победой. Он по-прежнему не мог понять, почему Бог допускает так много боли и скорби, почему Он не ограждает и не защищает немного больше, и он говорил Ему об этом. Но затем перестал.

Прошел час, за ним еще один. День тянулся медленно, Христиан пытался расслабиться и часто молился. Он надеялся, что больше не встретится с доктором. Медсестра принесла обед. Примерно через час в замке заскрежетал ключ, и гигантская фигура доктора Деспера заполнила дверной

проем. В то же самое время комната затряслась, и стены начали осыпаться. Христиан стоял на краю пропасти веры, сжимая листья обетования. Он ясно увидел страстную любовь в глазах тех, кто ждал его внизу и, наконец, прыгнул.

ильный низкий гул сотряс комнату. Здание содрогалось и качалось, однако Христиан стоял как вкопанный, поскольку пол у него под ногами казался прочным как скала. Зеленые стены покрывались сетью трещин и разрушались, как на экране компьютера, таяли, открывая грубо обработанный камень. У доктора Деспера появились пряди спутанных, свалывшихся волос, спадавших на плечи, и длинная нечесаная борода. Выпучив на Христиана огромные глаза, великан замахнулся гигантским кулаком. Однако громадные мускулистые руки и ноги, и больничный халат, превратившийся в измазанную кровью тунику, тоже задрожали и стали исчезать. То, что казалось больничными стенами, распалось, и Христиан оказался стоящим в одиночестве в своей прежней форме защитного цвета — ни великана, ни его замка. Позади он услышал знакомый голос:

— Надо же... сработало!

Он обернулся и увидел стоящего метрах в пяти позади него Хоупа, во все еще протянутой правой руке он сжимал Свиток. Его губы медленно расплывались в широкой, как у Чеширского кота, улыбке, открывая идеально белые зубы.

— Ты! — Христиан обнял своего нового друга и похлопал по спине. — Ты не *представляешь*, что значило увидеть те листья! Увидеть тебя! Прекрасный ход!

— Я *знал*, что ты был там! — Глаза Хоупа отражали радость Христиана, хоть он едва обнял того в ответ.

— Ну если кто и мог разыскать меня, то это ты.

— Найти тебя было нетрудно. Вот добраться до тебя... — Хоуп покачал головой. — Я пытался подкупить кого-то из персонала, чтобы тебе передали твой рюкзак, твой Свиток, мой армейский нож, что угодно. Однако все боялись, что их поймут. Другие рассказывали...

— Есть и другие?

— О, да. Мы испробовали все, что только смогли придумать, но ничего не получалось. Замок слишком хорошо охранялся. Наконец, спустя месяц...

— Месяц?!

— Да, ты пробыл там долго. Мы разбили лагерь возле стоянки пастухов, не очень далеко отсюда. Вчера мы вновь долго и усердно молились, спрашивая Бога, что делать. Я еще раз порывлся в твой рюкзак и случайно наткнулся на эти листья, *свежие, зеленые листья* на дне рюкзака. Я велел остальным продолжать молиться, а сам вернулся сюда и все-таки уговорил слугу взять их. Я *знал*, что они что-то значат для тебя, а ему они показались безопасными.

Христиан залюбовался новенькой формой Хоупа с эмблемой Царя:

— Ты выглядишь... просто великолепно! Фидель был бы так горд... так рад, — Христиан улыбнулся, вспоминая свой сон. «*Может быть, он действительно горд*». — Как ты меня нашел?

Они забросили на плечи рюкзаки и тронулись в путь.

— Когда я добрался до оврага, и тебя там не оказалось, я должен был подождать до утра, чтобы отыскать твои следы. Было похоже, что ты сошел с Пути, споткнулся и ударился о большой камень. На нем была кровь.

— Я думал о таком варианте, — сказал Христиан, показывая на свой лоб.

— От камня до самого замка вели гигантские следы. Должно быть, великан тебя нашел и отнес к себе.

— Снаружи это, действительно, выглядело как замок?

— Башенки, ров, оборонительные сооружения. А что, изнутри это выглядело по-другому?

Христиан попытался передать товарищу все, что он испытал в замке великана — всю безнадежность, тоску и приступы отчаяния. Ему все еще было нехорошо. Пока он рассказывал свою историю, они неспешно двигались вперед и решили не торопиться к стоянке пастухов, а сделать привал на ночь. Старая походная постель Христиана никогда не выглядела столь привлекательно. Некоторое время он почил у костра Свиток, а затем выключил его и уставился в настоящее ночное небо.

— В итоге, я вернулся в исходную точку, — сказал он. — Я осознал, что могу либо пытаться до изнеможения понять Бога, либо просто пребывать с Ним. Я тонул во всех своих «почему».

“ Я думал о Небесном Граде,
как о каком-то призе. О том,
что должно стать моим. ”

— Может быть, и я одно из этих «почему», — тон Хоупа сильно отличался от того, что Христиан слышал в зале заседаний. — И все остальные. Я слышал, что еще много народу решило последовать за нами. Я боролся... — его бархатистый голос затих. — Я разрывался между благодарностью за то, что Бог показал мне через вас, и, особенно, через смерть Фиделя, и чувством... вины. Возможно, если бы я уверовал, не увидев такой ужасной жертвы, ему не понадобилось бы умирать.

— Послушай, — сказал Христиан, глубоко вдохнув. — Прошлой ночью мне снился сон. Я видел Фиделя, — он остался. Его сердце казалось таким же слабым и чувствительным, как новая кожа на лбу. — Он указал на небеса и сказал: «Там сокрыто *намного большее*».

— Я думал о Небесном Граде, как о каком-то призе. О том, что должно стать *моим*. Радости пребывания лицом к лицу с Иисусом. Однако это действительно «намного большее». С одной стороны, это Ставка Главнокомандования в битве, которая идет прямо сейчас, — он взглянул на свою форму. — Думаю, я упустил это из виду. А может быть, ни-

когда в это и не вникал. В нынешней главе Истории Царства так много говорится о битве и преодолении. Кроме того, Небесный Град правит вместе с Царем. Я не понимаю этого. Не могу даже представить.

Как бы там ни было, невидимое столь необъятно. Там сокрыто намного большее. Когда Фидель умирает, и ты вытаскиваешь меня из тюрьмы, то это происходит не просто ради твоего или моего блага. Это — часть Истории Царства, его стратегии. Мы стараемся отражать все удары, которые направляет на нас Враг, и так мы приобретаем опыт. Мы постоянно начеку, потому что становимся все ближе.

Христиан смотрел на раскаленные угли, и его сердце страстно желало, чтобы Фидель был сейчас с ними. Но вместе с болью его переполняли благодарность и хвала. Хоуп был воином Царя! Он оставил всю блестящую мишуру, роскошь и рейтинги ради совершения Пути.

— Спасибо тебе, Хоуп. Ты уже второй раз вытаскиваешь меня из переделки.

— Для меня большая честь служить с тобой.

К середине утра они дошли до стоянки, где пастухи рассказали, что в последнее время здесь прошло более тысячи странников, оставивших Ярмарку Суеты благодаря Истине, которую они узнали по «Голосу ТВ». Друзья отметили новость хлопками друг друга по рукам и звоном запотевших от холода кружек. Христиан смотрел на Путь, извивающийся вверх, через ложбину между двумя вершинами горы — оазис прохлады и покоя, вздымающийся над пустынными подножиями. *«Все это, да еще и горы в придачу!»*

После обеда они начали подъем по широкой дороге, которая временами превращалась в настоящую лестницу с ручейками ледяной воды вместо перил, каскадом спускающимися по обеим сторонам. Архитектор этого ландшафтного дизайна предусмотрел часто встречающиеся на пути «буфеты» — виноградные лозы со свисающими запотевшими пурпурно-красными гроздьями, ветви, усеянные вишнями и яблоками. Горные ручьи вдоль Пути, стекая со скал, образо-

вывали небольшие озера у их подножия, так что путники могли умываться и утолять жажду.

Вечером они разбили лагерь возле маленького сапфирно-синего озера, окруженного широкими плоскими камнями, на которых можно было сидеть, опустив ноги в воду и стирать одежду. Струйки воды, падающие в озеро с десятиметровой высоты, создавали изумительный убаюкивающий фон. Христиан не мог вспомнить, когда он последний раз ощущал себя таким отдохнувшим и свежим.

В сон Христиана мягко проник аромат свежего кофе. Двое крепких пастухов, освещенных розовым светом зари, жарили бекон и разбивали яйца:

— Милости просим, странники! Добро пожаловать в Отрадные горы.

Христиан с Хоупом приступили к трапезе и приятной беседе.

Расправившись с изумительным завтраком, Христиан облизал пальцы.

— Вы пойдете с нами?

— Только до вершины Ясного хребта, — ответил один из пастухов, похлопывая по длинной кожаной сумке, свисающей с его ремня. — Мы покажем вам кое-что. Думаю, это вас обрадует.

Будь у него чуть больше энергии, Христиан побежал бы к вершине хребта трусцой. Несмотря на высоту, он чувствовал сегодня в себе гораздо больше сил. Наконец они добрались до вершины. Оттуда открывался величественный вид — круто спускающиеся вниз склоны горы, простирающаяся за ними очередная пустыня и вдали, у самого горизонта, — еще один голубой горный хребет. Пастух открыл сумку и достал блестящую бронзовую подзорную трубу.

— Вот, — сказал он. — Смотрите прямо на этот хребет на горизонте, на самую вершину самой высокой горы. Что вы видите?

Христиан осмотрел в трубу линию вершин и остановился на ярком отблеске:

— Я вижу, там что-то сияет.

— Это оно. Ты можешь различить в сиянии какие-нибудь формы?

— Может быть, стена? И ворота?

Пастух улыбнулся:

— Это, Крис, врата Небесного Града.

Дрожь пронзила тело Христиана. Он припал к окуляру, страстно желая увидеть больше, чем этот маленький отблеск. Затем он опустил трубу.

— Это так близко, — прошептал он. Зная куда смотреть, он теперь мог видеть сияние даже невооруженным глазом. Он передал трубу Хоупу.

Тот посмотрел на Град. Потом опустил трубу и погладил потертую бронзу:

— Эта штука случайно не делает цифровых фотографий? — спросил он.

Пастух тихо засмеялся:

— Просто запомни.

Христиан вновь посмотрел в трубу, пытаясь разглядеть какой-нибудь намек на зеленые деревья за стенами. *«Запомни. Воспоминания — очень важная часть этого странствия. Каждое утро я просыпаюсь и забываю так много»*. Он разделял чувства Хоупа. Он хотел бы иметь такую фотографию на циферблате часов, чтобы посматривать на нее каждые пятнадцать минут, ощущая контраст между временем и вечностью. Постоянное напоминание, что время уходит. Маркетолог в его мозгу уже представлял себе целую линию часов *«Научи нас считать дни наши»* со светящимися в темноте вратами Небесного Града на циферблате. *«Слушай, прекрати»*. Однако следующие пять минут, пока они, обмениваясь шутками, прощались с пастухами, с его лица не сходила улыбка.

С неохотой покидая окаймленные тополями луга, Христиан с Хоупом рано расположились на ночевку у подножия горы. Поднявшись затемно, они направились в пустыню. Инженерам Пути было, наверное, трудно проложить прямую дорогу через извилистые овраги и сухие русла ручьев, оги-

бающие выветренные холмы с плоскими вершинами. В полдень они нашли пристанище в тени огромной груды камней, а когда солнце опустилось ближе к горизонту, им пришлось пробираться через заросли низкого кустарника с изредка попадающимися одинокими кедрами.

После двух дней ходьбы среди камней, песка и оврагов они поднялись на небольшую возвышенность и увидели то, чего ожидали меньше всего — впереди раскинулась геометрически правильная сетка городских улиц. Плоскую поверхность пустыни пересекали концентрические полуокружности, разделенные на части магистралями, напоминающими расходящиеся от центра спицы колеса. В пустом центре жители занимались возведением большой башни. Путь огибал город и направлялся дальше в пыльную пустыню на дальней его стороне. Христиан и Хоуп обменялись взглядами, говорящими: «А ну, давай зайдем!», и спустились вниз.

Мимо них тихо проехала машина-акула, двигавшаяся зигзагом сквозь знойное марево. В качестве шутки в стиле черного юмора, из большой, сделанной из папье-маше, пасти высовывались ноги в водолазном костюме и ластах. Водитель акулы усмехнулся и помахал странникам рукой. Они собрались помахать в ответ, но тут мимо них с воем пронеслась детская коляска с реактивным двигателем. Когда друзья пришли в себя, машина-акула была уже далеко, а мимо проезжал блестящий желтый банан на трех колесах. Из большого отверстия в банане им улыбнулась девушка в шляпке, выполненной в виде корзины с фруктами. Друзья подняли руки в приветствии, и она помахала им в ответ. Проехал обычного вида грузовик, таща на прицепе матрац, который поднимал тучи удушающей пыли. Трое одетых в противогазы пассажиров матраца приветствовали их величественными, достойными монарха в карете, мановениями рук. Не желая задыхаться в поднятой пыли, Христиан и Хоуп выждали пару минут, и лишь затем преодолели последние метры, отделявшие их от входа в город. Толстый парень перед ними выпрямился на своем покрытом мехом мотороллере-кролике и выжал газ.

Надпись над входом гласила: «Кочевники Сердца — добро пожаловать». Девушка в гавайской рубашке и балетной пачке, ставя им на руки штамп, улыбнулась:

— Стоянок какого племени вы предпочитаете?

Христиан с Хоупом обозрели пейзаж, содержащий все мыслимые разновидности палаток, шатров, трейлеров, легковых машин, грузовиков, самолетов и прочих транспортных средств и жилищ, включая одно, сколоченное из старых дверей.

— Даже не знаем... — замялся Хоуп.

— Может, посмотрите список?

Хоуп пробежал взглядом длинный перечень групп по интересам: Стоянка виндсерферов, Стоянка рейверов, Стоянка геодезиков, е-Стоянка, Стоянка пироманьяков. Он указал Христиану на одну из записей: «Стоянка странников». Привратница в гавайке дала им карту и направила к поселению, затерянному глубоко среди расползшихся по пустыне сооружений.

Лагерь Кочевников был поистине пестрым скопищем, этническое разнообразие которого дополнялось многоцветной раскраской тел и умопомрачительными вариантами пирсинга. Щеголять непроколотой кожей без татуировок или волосами естественного цвета явно считалось моветоном. Мимо прошли четыре парня с огромными поролоновыми головами в стиле идолов острова Пасхи. Табличка слева гласила: «Стоянка Внимание: загляни к нам, и мы все уделим тебе внимание». Справа на Стоянке «Научная фантастика — ретро», кто-то, одетый в серое трико, с непропорционально большой седой головой и большими черными глазами, возился у входа в большую серую палатку, помеченную табличкой «Ангар 54». Характерный запах, доносившийся со Стоянки «Дурь, дурь, ура!», едва не свалил путешественников с ног.

Пробираться среди стоянок было все равно, что крутить ручку настройки приемника, притом, что латиноамериканские мелодии, хеви метал и полька накладывались друг на друга. Христиан на миг остановился, ошеломленный неистовыми воплями трэш-вокалиста: «Я хочу быть органистом! Я хочу быть органистом!» Когда они добрались до места, где Хоуп мог его услышать, Христиан картинно потряс руками: «Да дайте же, наконец, парню поиграть на органе!»

Хоуп нахмурил брови, а затем взорвался смехом:

— Да он на самом деле хочет быть *анархистом*!

Христиан никогда в жизни не видел такой причудливой эклектичной смеси, однако старался, чтобы на его лице нельзя было прочесть то, чем было переполнено сердце. Это место

пошло дальше гламурной мишуры Ярмарки Суеты. Здесь было больше маниакального стремления к жизни, свободе и счастью, выражающегося в девизе: «Как бы чем-нибудь обскакать всех — своим вызывающим видом-транспортом-искусством-поведением, — чем угодно, лишь бы реклама этого еще не появилась на футболках?» Это был стиль «ироничного смещения»: чтобы придумать что-то новое, Кочевники брали хорошо забытое старое и перетасовывали его возмутительным и беспрецедентным способом — квартет парикмахеров, поющий хиты «Бич Бойз», глотатели огня с моноклем Тедди Рузвельта, в шляпе для сафари, рубашке хаки и полосатых леггинсах.

Парящие гуляки радовались жизни в своих собственных маленьких историях. Некоторые предпочитали ходить на ходулях. Две небольшие группы людей шагали, распевая и барабаня. Одни были украшены лентами и значками с надписями: «Развлечения — это духовный путь», «Рожденный свыше язычник» и «Я читаю запрещенные книги!» Другие шагали под дробь иных барабанов: «Возрождающийся баптист», «Еретик», «Я не был создан по подобию Божьему» и «Моя карма раздавила вашу догму».

Присутствие Врага было здесь ощутимо более, чем в любом другом месте, какое мог припомнить Христиан за пределами долины Аполлиона и бездны в долине Смертной Тени. Странники и квартала не могли пройти, не наткнувшись на гадалок на картах, глаза которых изучали толпу в поисках утомленных лиц. А лиц с подобным выражением был легион. Все здесь постоянно рыскали с изголодавшимися глазами и сердцами в поисках новых развлечений, которые они могли упустить.

Когда тени удлиннились, и солнце стало светить мягче, гадалки зажгли заманчиво мерцающие жертвенные свечи. Возле церкви Катаклизма монахи в мантиях зажгли огромные факелы, разбросанные среди тотемных столбов, и приглашали на бдение в свою палатку. Прекрасная молодая «Ева», одетая только в листья, медленно кружилась в одиночестве с закрытыми глазами в центре выполненной в натуральную величину копии Стоунхенджа. Постепенно она начала парить.

Глядя мимо Евы на битком набитые подмостки перед Гипнотерапевтической стоянкой «Доверься мне», Хоуп задумчиво сказал:

— Это финал игры, прямо противоположный тому, что мы видели в Ярмарке.

— Да, я тоже только что осознал это, — ответил Христиан.

— Все эти радикально настроенные люди посвятили себя поиску, — продолжал Хоуп, — но не денег и всякого добра, а впечатлений и отношений.

Справа от шестиметрового передвижного осветителя друзья заметили маленькую ребристую палатку с надписью: «Добро пожаловать, странники». Они остановились и внимательно посмотрели на надпись.

— Я думаю, слово «странники» для этой толпы означает нечто совершенно иное, чем для нас, — сказал Христиан.

— Ну, отсутствие здесь тотемов и гадалок выглядит ободряюще, — заметил Хоуп. Он подошел к палатке и откинул клапан. Потом, улыбаясь, обернулся к Христиану и взмахом руки позвал его.

Войдя в палатку, Христиан увидел около полутора десятков удивительных лиц. Люди всех возрастов, одетые в форму Царя; некоторые из них сидели, а кто-то стоял на коленях. Мужчина пятидесяти с чем-то лет с безупречными седеющими висками поднялся, чтобы приветствовать Христиана.

— Момент точно как в Деяниях 12! Мы только что молились о твоём освобождении... и вот ты здесь!

— Если это не мой ангел, — улыбнулся Христиан.

— Поверьте мне, — с улыбкой поддержал его Хоуп, — он совсем не ангел.

Взволнованные странники столпились вокруг новоприбывших, пока дружелюбный человек лет сорока с яркими карими глазами не унял их:

— Я думаю, лучше представимся по порядку: я Полковник, бывший денежный наркоман из Ярмарки.

— Аналогично, — сказал седеющий мужчина, напоминающий корпоративного Титана, приветствуя Христиана широкой улыбкой и крепким рукопожатием. — Уорбакс*.

Мужчина, который первым встретил друзей, представился Аквилой и, в свою очередь, представил свою жену Приску.

*Имя героя популярного комикса «Сиротка Энни» миллионера Папаши Уорбакса стало нарицательным для богатых благодетелей. — *Прим. ред.*

— Оказывается, они оба — превосходные учителя, — заметил Полковник.

Христиана и Хоупа обняла коренастая женщина с прекрасными карими глазами и лучезарной улыбкой:

— Я Общинная Мама, — сияя, сказала она.

— В Ярмарке, приехав из Сердцеземья, она стала нашей Корпоративной Мамой, — пояснил Уорбакс.

— Да, — сказала она, — и я не думала, что смогу когда-нибудь порвать с этим и выйти из игры, но кажется, у меня получилось. Спасибо за храбрость, — она вновь обняла Христиана.

— Не хочу прослыть невежей, — осторожно начал тот, — но что такое Корпоративная Мама?

— О! Я заботилась обо всех. Принимала убранные помещения у корпоративных уборщиков, проверяла, как следят за машинами в корпоративном техобслуживании. Возила по офисам тележку с закусками. Даже научилась довольно неплохо делать массаж. Но теперь все совсем по-другому. Каждый стакан воды — это прикосновение Царства, это... простите, я так волнуюсь, что просто заболталась, — она закрыла лицо руками, а затем быстро подняла голову, покачала ею и засмеялась.

“ Целый сад, посаженный ими, политый его слезами и кровью Фугеля, был теперь здоровым и крепким ”

— Привет, я Вестник, — представился мужчина тридцати с небольшим лет, который выглядел, словно кинозвезда с обложки.

— Вы мне кого-то напоминаете, — неуверенно сказал Христиан.

— Он вел программы новостей в Ярмарке, — сказал Хоуп.

— Да, — кивнул Вестник. — Новость о вас оказалась той суперисторией, которая изменила мою жизнь. Спасибо вам.

То же самое говорили Христиану и другие: «Спасибо, спасибо». Отблеск произошедших с ними перемен в их глазах переполнил Христиана, на глаза навернулись слезы. Целый сад, посаженный ими, политый его слезами и кровью

Фиделя, был теперь здоровым и крепким; готовым сеять свои собственные семена. Другие странники пошли дальше в Небесный Град, но эти остались, молясь о том, как завоевать для Царства Лагерь Кочевников.

Они вместе пошли к ближайшей харчевне — трем сараям, задрапированным серебристым парашютным шелком, откуда пахло фритюром и грилем. Кельтские волынки в сопровождении скрипки и аккордеона создавали громкий музыкальный фон.

— Мы думаем, что ключом к достижению этих людей могут стать музыка, представления, свидетельства, — сказал Полковник. — Мы молились о том, чтобы открыть кафе, где можно было бы все это устроить и пообщаться с ними в непринужденной атмосфере. Вестник написал несколько песен. Лагерь будет свернут в следующий понедельник после ежегодной Церемонии. У нас есть на все три дня.

Вестник улыбнулся и похлопал Уорбакса по спине:

— Это потрясающий человек! Он пошел на Стоянку Бартертаун и вернулся с гитарой, звуковой аппаратурой, стульями, столами, кофейными автоматами — причем все в неплохом состоянии!

Христиан бросил взгляд на кочевника за соседним столом. Его жидкие оранжево-красные волосы были заплетены в несколько унизанных бисером косичек, одна из которых свисала с татуированного лба. В дополнение к шести кольцам в носу, его лицо было полностью обрамлено кольцами, продетыми сквозь кожу вдоль лба, щек и под подбородком. Брови и переносица были проткнуты титановыми штангами. Он с кем-то беседовал, оживленно жестикулируя, его глаза были довольными и безжизненными.

— Это весьма... несговорчивая публика, — промолвил наконец Христиан.

— Да, — ответила миниатюрная шатенка, которую странники называли Молитвенницей. — Однако, ходя по этим улицам, я обнаружила огромную потребность в надежде и Жизни. Они невероятно циничны. Бродят без дела вокруг, жалуясь, что здесь мало нового — то же самое, что и в прошлом году. Вы можете в это поверить? У меня была пара великолепных бесед о моем будущем и моей надежде.

Полковник обернулся к Хоупу:

— Кстати, мы думали назвать наш проект «Кафе Надежды».

Хоуп усмехнулся:

— А может, «Талисман»? На злобу дня...

После обеда все направились обратно к своей палатке. Христиан извинился и в одиночестве отправился назад другим, кружным путем. Его братья-странники планировали, выработывали стратегии, рвались в бой; в то время как их с Фиделем испытания, кажется, находили сами. По пути он осматривал окрестности. *«Есть ли у них какое-то представление, зачем они здесь?»*

В «Утраченном Вегасе» человек, изображающий Элвиса, двигал губами под фонограмму одного из знойных номеров короля, извиваясь и истекая потом в огнях рампы. Лоснящиеся молодые люди неопределенного пола в туфлях на шпильках, платьях с блестками и с помадой на губах поддерживали его хорошо поставленными танцевальными движениями.

Во «Вратах ада», на огромной красной сцене, обрамленной черными химерами, одетый в черную мантию жрец заносил ритуальный нож над горлом одетой в белую мантию молодой женщины. Жрица обходила толпу с кубком красной жидкости, а ее подручные над двухсотлитровыми железными бочками обжигали паяльными лампами головы животных.

Еще не так давно он мог бы тупо глазеть на все эти плотские забавы и тихо посмеиваться над оккультными крайностями. Сегодня же, раздавленный явным ощущением силы Врага, Христиан устало рухнул на кованную железную скамью, стоявшую как раз напротив места жертвоприношения, недалеко от палатки странников. Он смотрел представление, рассеянно изучая пальцами замысловатые узоры скамьи. Нежные руки сзади начали массировать ему плечи — сперва осторожно, затем активнее нажимая на болезненно напряженные мышцы. Через пару минут руки плавно обвили его шею и вкрадчивый голос прошептал на ухо:

— Похоже, тебе одиноко...

Он оглянулся и увидел длинные ресницы, длинные золотистые волосы и низкий вырез платья:

— Привет, меня зовут Байми*. А ты кто?

* От англ. *buy me* – купи меня. – Прим. ред.

До того, как он смог себя удержать, с его губ слетело:

— Христиан... странник.

Она взглянула на жрицу, по кругу обносившую кубком участников пародийного причастия.

— Что, противно смотреть?

Христиан бросил взгляд на толпу, упивающуюся красной жидкостью, чем бы она ни была, и танцующую вокруг жарящихся голов животных, затем вновь посмотрел на светящиеся лицо и глаза женщины всего в нескольких сантиметрах от его глаз. Он глубоко вдохнул. От ее тела исходил приятный ванильный аромат. Она выпрямилась и продолжила растирать его шею, постепенно спускаясь к плечам и предплечьям. Через пару минут она сказала:

— Кажется, мы соседи...

Христиан, оглянувшись, бросил быстрый взгляд на ее красную палатку, обшитую золотой бахромой. Клапан был откинут, и он видел внутри целый лес горящих свечей; их отблески отражались в покрытых лепестками простынях, которыми была застелена ее кровать с багдахином. В голове мелькнула было предостерегающая мысль, но тут же улетучилась, когда женщина начала массировать виски и кожу головы. Ее руки кругами двигались по его телу, возбуждая и вызывая мурашки по телу.

Она вновь наклонилась и прошептала:

— Не хочешь со мной поужинать? Я как раз поджарила пару бифштеков и припасла особую бутылочку бургундского, — она легонько поцеловала его ухо. Затем шею. И, продолжая осыпать теплыми нежными поцелуями затылок, добралась до другого уха. — А на десерт, — прошептала она, — я застелила свою кровать свежими атласными простынями.

Это могло быть так легко. Он желал новых ее прикосновений, новых поцелуев. В этот момент он осознал, что это было единственным приглашением укрыться подальше от окружавших его повсюду безжизненных довольных глаз. Он на миг закрыл глаза, а она, между тем, продолжая целовать шею и руки, начала массировать ему грудь. Наконец он открыл глаза. Встал и, повернувшись к ней лицом, увидел чуть поодаль за ней Хоупа, прислонившегося к ближнему углу их палатки. Христиан помедлил, опустив взгляд на скамью. В мерцающем свете факелов его глаза постепенно различили

узор — окружности в окружностях, подобно гигантской паутине. Он обошел вокруг скамейки и, положив женщине на плечи руку, дружески обнял ее.

— Спасибо, но я только что поел. Позволь мне самому пригласить тебя. Надеюсь, ты сможешь зайти к нам завтра вечером на чашечку кофе.

Она отбросила назад свои длинные волосы и надула губы, когда он махнул ей на прощание рукой от входа в их палатку.

— Я как раз думал, не надо ли спасти тебя еще раз, — невозмутимо заметил Хоуп.

Христиан поднял брови:

— Ты мог бы помолиться, чтобы мое изголодавшееся сердце не стало метаться сегодня вечером, перебирая впечатления прошлого? Мы тут встретились с одной милой группой, и... я чувствую себя таким одиноким, — он посмотрел назад на «Врата ада».

Хоуп обнял Христиана за плечи и помолился за них обоих. Сказав «аминь», он взглянул на друга:

— Всего лишь три дня здесь. Три дня — невелика жертва. Поэтому мы остаемся.

После завтрака и краткого организационного совещания, странники разошлись в разные стороны выполнять свои задания по подготовке к церемонии торжественного открытия. Молитвенница повела Хоупа и Христиана на е-Стоянку. Будучи профи в составлении речей, они обсуждали по дороге текст приглашения. Двадцать минут спустя они вручили Молитвеннице флаер. «Приглашаем в Кафе Надежды. Циники приветствуются» — прочитала она.

— Это должно зацепить большинство непоседливых местных, — с гордостью прокомментировал Хоуп.

Начав с внешнего периметра, они целый день ходили по Лагерю Кочевников, раздавая приглашения и прикалывая их на доски объявлений. Они радовались время от времени встречающимся островкам причудливой фантазии в море упадка, вроде большой фотокамеры, в которую можно было войти и увидеть пустыню вверх ногами, и фонтана мыльных пузырей, рядом с которым выдавали самодельные трубочки для их пуска. Но что здесь действительно процветало, так это пристрастие местных устраивать разного рода представления и шествия людей с

разрисованными телами, неизменно превращавшиеся в вариации оккультной драмы о «незаживающей ране» (пока жрец сатаны не доберется до вас).

Позже в тот день они дошли до центральной площади, по-прежнему огороженной веревками, поскольку строители еще не закончили отделку башни. То, что они строили, как оказалось, было не башней, а деревянным каркасом фигуры человека высотой с трехэтажный дом, покрытым рядами неоновых ламп. Полукруг сделанных из костей деревьев позади неоновой фигуры придавал площади вид священного кладбища. Большие отбеленные кости, приклеенные к шишковатым «стволам», поддерживали раскидистые «ветви» из рогов. Наверху двух башен, стоявших по обе стороны от человека, строители устанавливали пиротехнику и лазеры.

— А чем они занимаются на этой техноязыческой суперцеремонии? — недоуменно спросил Христиан.

— Они наливают бензин в руки и ноги неоновой человека и чиркают спичкой, — пояснила Молитвенница.

— И что это должно означать?

— Ничего. Это значит только то, что это значит для вас.

— Зачем же они это делают?

— Вам нужен официальный ответ?

— Конечно.

— Потому что, если они не сожгут его в этом году, то не смогут сжечь его вновь в следующем.

— Ясно, — Христиан предпочитал костры на встречах выпускников времен его учебы в колледже, смысл которых был ясен: «Дать по соплям университету». Приглашения закончились, и они направились назад в свое кафе, где пришли в изумление от произошедших за время их отсутствия перемен. Полковник сварил из арматуры гигантский крест и поставил его на улице перед входом. Кто-то из странников, порывшись в куче мусора возле центральной площади, принес много неоновых ламп, чтобы оформить Человека на Кресте: голова из неоновой петли слегка наклонена, неоновые руки вытянуты в стороны.

— Вы только посмотрите, — сказал Полковник. Он приоткрыл свой Свиток к кресту под ногами неоновой Человека и включил силовой луч. Человек на Кресте засиял на фоне сумеречной пустыни.

Уорбакс еще раз порыскал по Стоянке Бартертаун и вернулся с парой прожекторов, рождественской гирляндой, которую ОбщиннаяМама и двое других странников развесили по комнате, и свечками для каждого стола, несколько из которых были явно ангельскими свечами из Сердцеземья. Христиан промолчал. «Подумаешь, *ничего страшного*». Вестник только что закончил проверку звука вместе с Аквилой и Приской, которая быстро научилась обращаться с микшером. Христиан устроился в уголке, наслаждаясь смыслом слов и мелодиями песен Вестника, неожиданно мастерски сработанными в стиле фанк.

“ Почему ты ненавидишь Того,
Кто так сильно любит тебя? ”

Все, кроме Вестника и Приски с Аквилой разделились на две команды. Те, кто должен был работать с людьми — в том числе ОбщиннаяМама и Христиан, продумали вместе с Полковником, как лучше всего приветствовать гостей, общаться с залом, и переходить в ходе беседы к Истории Царства. Затем Полковник с Хоупом удалились, чтобы позаботиться о кофейниках. Молитвенница просто бурлила эмоциями, предвкушая, как всю ночь будет ходить по залу в роли официантки и молиться за посетителей.

— Ну, — сказал Полковник, когда они были готовы к открытию, — мы это построили. Теперь давайте посмотрим, придет ли кто-то.

Они распахнули дверь, и... племя из «Врат ада» в полном составе омрачило зал своим присутствием. Жрецы, жрицы, рабочие сцены заняли почти все стулья.

— У нас сегодня «темная ночь» — нет шоу, — пояснила Дьяволица, одетая в черную бархатную мантию с алой подкладкой.

— Ну... мы очень рады, что вы решили заглянуть, — сказала ОбщиннаяМама, с искренним расположением пожимая ей руку.

Дьяволица удивленно взглянула на ширококостную полную руку, державшую ее ладонь. Затем с раздражением выдернула кисть:

— Чем это должно было быть? «Любящим прикосновением Иисуса»?

— Почему ты ненавидишь Того, Кто так сильно любит тебя? — спросила Общинная Мама.

— Потому что я хочу власти. Власть сатаны реальна, — она прищурилась и презрительно скривила губы.

— Я знаю, — сказал Христиан, — но тот, кто дает ее, не любит тебя. Ты не можешь ему доверять.

Дьяволица обернулась и увидела Вестника, располагающегося на сцене:

— Когда этот тип собирается начинать?

Эта ночь придала новый смысл выражению «хулиганствующая толпа». Совершенно не впечатленная выступлениями и задушевными песнями Вестника, толпа из Ада породила свою собственную атмосферу готического шока, изобилующую грубыми шутками и деланно громким смехом. Когда Приска рассказала свою историю о том, как Бог использовал смерть Фиделя, чтобы исцелить ее депрессию в Ярмарке Суэты, толпа театрально рыдала и сморкалась.

Ночью Христиан лежал в постели совершенно без сил, пытаясь представить, что могли понять среди всего этого кошмара Байми или кто-то другой из посетителей. *«Можно пытаться полюбить этих людей, но за это придется дорого заплатить».*

Группа жрецов собралась во «Вратах ада» вокруг одной из двухсотлитровых бочек для тайного ритуала. Зловеще распевая, они сыпали в ревуший огонь таинственные порошки, вспыхивавшие зеленым и синим. Когда они передавали по кругу чашу, красная жидкость, капавшая с их губ, была тяжелее и темнее вина, которое они использовали на публике.

После веселой, но утомительной ночи они все побрели к черной палатке позади сцены с химерами. В предраассветной мгле Дьяволица принесла кувшин воды, чтобы погасить огонь в металлической бочке. Угли зашипели и задымили под холодным душем. И продолжали шипеть. Черная голова огромного змея поднялась из дыма и смотрела на нее ледяными голубыми глазами — немигающими, незакрывающимися глазами акулы. Дыхание жрицы участилось, она, с играющей на губах улыбкой, медленно попятилась назад. Отойдя на почти-тельное расстояние, она преклонила колени и, протянув руки,

начала песнопения. Змей навис над ней как видение, а потом внезапно вырвался из бочки и ринулся к жрице. Черный как сажа, более чем двухметровый змей легонько ткнул ее в запястье и метнулся прочь.

— Я удостоилась поцелуя, — прошептала жрица, продолжая улыбаться.

Она поднесла запястье к лицу и увидела две кровоточащие дырочки. Ее улыбающийся рот раскрылся в пронзительном крике, а мышцы рук и ног неудержимо затряслись.

а следующее утро Христиан с Хоупом срочно выпустили новое приглашение: «Приходите на встречу с Единственным, Кто может исцелить "незаживающую рану"».

Они встретились с остальными на Аллее Записей, дорожке между двумя монолитами шестиметровой высоты, покрытыми старыми виниловыми «синглами» и долгоиграющими пластинками. Отсюда они парами разошлись по всему Лагерю. Христиан вместе с Джой* – миниатюрной женщиной скромного вида – уже примерно час развешивали и раздавали приглашения, когда приблизились к небольшому скоплению людей возле Стоянки Супер-лекарей. Оттуда доносились мучительные крики взрослых людей и жуткое зловоние. Джой остановилась.

– В чем дело? – спросила она рыжеволосую женщину в яркой бандане на голове и с шарфом вокруг шеи.

– Принесли пятерых укушенных змеем, которые кричат, что они горят. Противоядие и шаманы не помогают. Они в бреду рассказывают, что какой-то змей напал на них из укрытия, укусил и скрылся.

* От англ. *joy* – радость. – Прим. ред.

— Чепуха, — сказал ее товарищ, подтягивая фланелевые пижамные штаны. — Я учитель биологии уже много лет. Всем известно, что змеи не любят тратить свой драгоценный яд на кого попало, кроме животных, на которых они охотятся. Даже когда испуганы. Они не *выскакивают* из кустов и не нападают на людей.

— Ну, — сказала Джой, — их крики, кажется, достаточно реальны. И, прежде чем Христиан смог ее остановить, проскользнула мимо собравшихся на стоянке. Раздраженный Христиан посмотрел ей вслеп. Операции по спасению жизни, как в случае Грейси, — это одно. Он старался как можно меньше иметь дело с больницами, чувствуя себя беспомощным, когда сталкивался со страданиями. В его представлении милосердие заключалось в том, чтобы вместе смотреть телевизор и делать отвлекающие и забавные, как он надеялся, комментарии. Конечно, то было когда-то, а это — здесь и сейчас. *«И все же, до чего неудобно...»*

Зловоние напомнило Христиану испарения бездны в долине Смертной Тени. Он прошел немного дальше по улице, чтобы унять тошноту. Разрываясь между нежеланием оставлять Джой и необходимостью закончить раздачу приглашений на их участке, он, в конце концов, отправился дальше, поглядывая на лагерную суету и сновавшие по улицам машины.

Он помогал своей команде в Кафе Надежды готовиться к главному событию, когда в дверь влетела дрожащая Байми.

— Боже мой, боже мой... *боже мой!*

Общинная Мама бросилась к ней и обняла ее:

— Что случилось, милая?

— Я вот... в своей палатке убирала... там повсюду этот воск от свечей, — ее слова путались. — И вдруг, — сказала она, задирая свою полупрозрачную юбку леопардовой расцветки и показывая две красные точки на икре, — вдруг этот змей *появился* из ниоткуда и как цапнет меня! Я ощутила пламя, оно поднималось по ноге и охватывало все тело. Мышцы рук и ног закололи, их стало сводить судорогой, я почувствовала страшную тошноту. Сердце бешено забилося — было такое ощущение, что на него давит свинцовый груз. Я подумала: «Я умру. Прямо здесь, в этой палатке, прямо сейчас».

Она протянула открытую руку к Приске:

— И все, о чем я могла думать, был твой рассказ. Как Бог спас тебя от тебя самой. Так что я стала... я побежала сюда, — Приска взяла ее за руку, обняв другой рукой. — Я кричала, но этот дурацкий хеви метал во «Вратах ада»... никто меня не слышал. Где-то на поддороги я упала. Я больше не могла идти... мои руки, все тело начали коченеть. А это пламя продолжало пылать. Я тогда подняла глаза на Человека на Кресте и... я уже не помню, что я сказала... что-то вроде: «Я понимаю, я такая испорченная, но я верю, что Ты можешь простить меня, и что Ты умер за меня...» — что-то вроде этого. И вдруг огонь угас. Я могла дышать, сердце забилося медленнее. Я не... — она посмотрела на скептические лица вокруг. — Я знаю! Разве это не потрясающе?

— Добро пожаловать в семью! — Общинная Мама и Приска вместе обняли ее. Все остальные последовали их примеру. Христиан был последним.

— Спасибо, — прошептала она, — за то, что тогда не воспользовался... мной. За то, что пригласил меня сюда.

— Не стоит, — прошептал он в ответ, вспомнив, как едва остановился на самом краю бездны. Он чувствовал на себе взгляд Хоупа.

— Байми, — замялся Уорбакс, — а что произошло... куда делся змей после того, как укусил тебя?

— Да просто выскользнул из палатки. Все было так странно! Длиннющий черный змей с такими невероятно голубыми глазами... Боже мой, я не хочу отходить отсюда ни на шаг.

Мужчины взяли свои Свитки и вышли. Христиан рассказал братьям о том, что они с Джой слышали раньше возле Стоянки Супер-лекарей. Полковник с Вестником начали осторожно обходить Кафе Надежды по периметру, а Христиан с Хоупом бросились на поиски Джой. Примерно на полпути они наткнулись на нее, стоящую посреди улицы на коленях. Ее выворачивало наизнанку и всю трясло. Христиан подхватил ее на руки, а Хоуп указал на две красные точки над ее левой лодыжкой.

— Прости, что я покинул тебя, Джой, — пробормотал ей на ухо Христиан. Она попыталась сосредоточить взгляд на его лице и покачала головой. Христиан чувствовал, что ее

тело коченеет. — Как только мы вернемся назад, посмотри на Человека на Кресте. Бог как-то использовал его, чтобы исцелить от змеиного укуса Байми. Ты меня слышишь?

Она попыталась ответить, но не могла говорить.

— Ты должна будешь взглянуть на Человека на Кресте. Посмотреть на него, прося и веруя. Моргни, если ты меня поняла.

“ Всею лишь взгляд на крест и то,
что сделал на нем Иисус, но взгляд
с верой, достаточной, чтобы попро-
ситъ, — и мне был ган Царский
гар Жизни ”

Джой моргнула.

Они свернули за угол и вышли на свою улицу. Когда они добрались до Человека на Кресте, Христиан наклонился так, чтобы Джой могла его видеть. Постепенно ее тело расслабилось в руках Христиана. Дыхание стало медленней. К ним подбежали Вестник с Полковником.

— Я чувствую себя ужасно, — сказал Христиан. — Как последний болван оставил ее на Стоянке Супер-лекарей, и по дороге домой ее, должно быть, укусил этот змей.

Джой протянула руки и обняла ладонями его лицо:

— Мне не стоило тогда убегать, не поговорив с тобой, — ее голос был на удивление звонким. Христиан медленно опустил ее, а Полковник приготовился, чтобы подхватить Джой, если вдруг она пошатнется. Жестом женщина остановила его. — Ух ты! Я почти в порядке.

Христиан и Хоуп посмотрели друг на друга, затем на Человека на Кресте. Однако Джой не дала им времени поразмышлять над чудом:

— Вам нужно пойти к стойбищу Медицины и рассказать об этом остальным. После того, как ты ушел, принесли еще троих.

Они бежали к стойбищу, сжимая в руках Свитки и ощупывая взглядами обочину. Пройдя мимо небольшой толпы, они рассказали свою историю стоявшему у двери охраннику в камуфляже и ковбойской шляпе. Он быстро отвел их к

доктору и главному шаману, которым странники рассказали свою историю еще раз. Между доктором и шаманом разгорелся спор. «Ну, вот, Господи. Кажется, битва снова в разгаре, и мы тут в самой ее гуще».

Подошел доктор и попросил Христиана рассказать свою историю восьми пострадавшим, а также их семьям и друзьям, чтобы они могли решить для себя, как им поступить. Шаман, свирепо глядя на них, отступил.

— Меня зовут Христиан, — он посмотрел на бьющихся в конвульсиях пострадавших и их ошеломленных друзей и родных. — И я, в самом прямом смысле, был тоже укушен змеем — умирал в когтях Врага. Однако Бог — Создатель и Господь любит меня, и Его единственный Сын Иисус отдал на кресте Свою жизнь, чтобы спасти меня. Заплатил дорогую цену за мой грех, за мое эгоистичное желание быть хозяином своей жизни.

При упоминании Иисуса враждебность шамана переключилась через край. Жрецов и жриц, ухаживавших за Дьяволицей, прорвало:

— Замолчи со своим дурацким Иисусом.

— Всего лишь взгляд на крест и то, что сделал на нем Иисус, — продолжал Христиан, не замечая их, — но взгляд с верой, достаточной, чтобы попросить, — и мне был дан Царский дар Жизни. И каким-то образом сегодня Бог использовал Человека на Кресте, которого мы поставили возле нашей стоянки, чтобы даровать исцеление от смертельных укусов змея двум женщинам, которые искали Жизни и исцеления. Если вы захотите отнести ваших друзей и любимых, если они желают искать Жизни и исцеления в Иисусе Христе, то мы приглашаем вас к нам на стоянку. Мы сделаем все, что сможем, чтобы помочь вам.

Глаза старшего жреца едва не вылезли из орбит. Пока пострадавшие, их семьи и друзья решали, как им ответить, Христиана и Хоупа вывели наружу.

— Прошу Тебя, Отче, — молился Хоуп, — приведи к Себе этих заблудших и страдающих людей.

Христиан, кивнув головой, выдохнул:

— Да, Боже, да...

Трое захотели пойти. Неудивительно, что Дьяволицы среди них не было. Жрецы «Врат ада» провожали решивших

идти до самого выхода, изливая на их головы смехотворную и чудовищную ложь о странниках. Воспользовавшись заминкой, Христиан проскользнул обратно на стоянку и подошел к постели жрицы.

— Дьяволица, — прошептал он, — ты слышишь меня? Моргни, если ты меня слышишь.

Жрица, уставившаяся расширенными зрачками в пустоту, моргнула.

— Ну, и какой же в итоге оказалась реальность? Ты теперь видишь, что не властна над происходящим? Моргни, если согласна.

Она моргнула.

— Видишь ли ты, что не управляешь этой силой? Что это она управляет тобой?

Дьяволица моргнула еще раз.

— Байми и Джой обе умирали, как и ты. А теперь они на стоянке помогают готовить обед. Сила твоего хозяина реальна. Она может причинить нам боль. Она может нас убить. Но она не может проклясть или погубить нас. Поскольку сила Божья ее превосходит. Он взял вину за наши грехи и прибил ее к кресту. Но твой хозяин ужалил тебя смертельным ядом, и если будешь держаться за свой непрощенный грех и уйдешь с ним, то это будет только началом ужасающих страданий, которые никогда не закончатся. Ты по-прежнему хочешь держаться его?

Она моргнула.

— Даже если это тебя уничтожает?

Она моргнула еще раз и уставилась в пустоту. Ее волосы и одежда промокли насквозь, ее затрудненное дыхание становилось все менее глубоким. Христиан обвел взглядом круг каменных лиц со стиснутыми зубами вокруг себя — с таким же выражением, как у опускавших вниз большие пальцы за Столом Власти, таких же одержимых ненавистью, как яростные голоса, зывающие из бездны в Долине Смертной Тени.

Ожидался большой наплыв толпы посетителей. Мимо Человека на Кресте целый день тек неиссякаемый поток

любопытных Кочевников. Многие пытались зажигать свечи и возлагать цветы, но Приска с Аквиллой вежливо просили их уйти, объясняя, что в этом символе нет своей силы, просто Бог делает посредством него свои дела. Ожидая большое число посетителей, странники весь вечер трудились, убирая стенки своей палатки и чистя дополнительные стулья, которые Уорбакс снова сумел чудесным образом где-то добыть. Из «Врат ада» появились двое жрецов с плакатами, на которых было выведено: «Поддаваться не смей — это ж их змей!» и «Встань с колен: исцеление — плен».

Восемь часов близились, и Христиан следил за происходящим. Стулья под крышей палатки были практически все заполнены, но дополнительные стулья и стоячие места за пределами ее скатанных под потолок стен, оставались пустыми. Публика время от времени поглядывала на Полковника, Хоупа и Уорбакса, патрулировавших периметр со своими Свитками, однако по большей части просто болтала, отпуская в мерцающем свете свечей шуточки на тему о змее. Когда Вестник начал свою историю, перемежая рассказ берущими за душу песнями и мелодиями, зал притих. Затем последовала история Байми, и с залом установился подлинный контакт. На лицах толпы проступало благоговение. Когда звучали аккорды последней песни Вестника, толпа молчала, а Христиан собрался подойти к микрофону.

Однако, не успел он встать из-за стола, как его опередила изящная молодая женщина с длинными светлыми волосами, приблизившаяся к сцене с очевидным намерением что-то сказать. Полковник смотрел на него вопрошающим взглядом. В конце концов, Христиан сел обратно, не зная, что делать. Глядя со спины, он мог сказать, что женщина была одета в форму Царя и что она заметно хромала, поднимаясь на сцену.

— Я тоже была исцелена силой Царя, — начала она, открывая маленькую записную книжку и находя нужную страницу. — Я оказалась в безлюдном месте, сломленная, раздраемая противоречивыми мыслями. Все что у меня было, — это История Иисуса из Назарета. Но это было все, что мне нужно, — она начала читать вслух:

Представьте сострадание,
Которое измерить невозможно.

Представьте чистоту,
Лишенную малейшего изъяна.

Представьте чашу, что всегда
Полна, и высохнуть не может.

Представьте, —
Если перестать пытаться
Взять, заработать, или же купить
Все эти «я», что есть лишь блики,
Осколков груды в темноте, —
Сколь цельным станет все!

Мы говорим: «Эй, слушайте,
Куда же свет пропал?»
Мы в темноте.
Ночь без конца и края
Готова холодом сковать
Сердца, их обративши в камень.

Мы в замешательстве.
Мы думали, что жизни
Принадлежали нам —
Увы, как мы ошиблись.
Все, что разбито, надобно отдать
Обратно в руки, что его создали.

В наступившей тишине она закрыла записную книжку и подняла взор на Христиана. Сначала искра, затем слабый проблеск, а потом ее лицо засветилось ослепительной улыбкой, и она вытерла пальцем слезу. Стоявший позади толпы Хоуп усиленно тер ладонями щеки. Христиан медленно поднялся на сцену и заключил ее в объятия:

— Грейси, — прошептал он. — О Грейси, ты это сделала.

Христиан сидел на своей скатанной походной постели. Он никогда не бывал в хорошей форме после всего четырех часов сна. Однако змей, не жалея яду, продолжал внезапно нападать на людей, и странники в течение ночи по очереди ухаживали за четырьмя новыми жертвами. Все, кто был укушен вчера и не пришел к Человеку на Кресте, включая Дьяволицу, умерли в течение суток. Во «Вратах ада» всю ночь били барабаны.

“Одиннадцать месяцев в году я работаю как вол и откладываю деньги, чтобы сюда приехать”

Некоторые собирали вещи и покидали стоянки, но для большинства Кочевников Сердца сегодняшняя огненная Церемония была выдающимся событием и неотъемлемой частью их жизни. Прошлым вечером Христиан обстоятельно поговорил с одним парнем, носившим значок с надписью «Слава Богу, я — атеист». Он утверждал, что двадцать лет провел в поисках, блуждая среди виднеющихся вдали гор. Он заглядывал в каждую щелку, но так ничего и не нашел. «Все что мне осталось, — это немногие моменты вроде того, что ожидается, — сказал он. — Одиннадцать месяцев в году я работаю как вол и откладываю деньги, чтобы сюда приехать. Одиннадцать месяцев я чахну перед экраном — то компьютера, то телевизора. Эти люди, эта Церемония — вот то, что позволяет мне выжить. Это единственная жизнь, какую я знаю. Я уеду после Церемонии. И точка».

— Но Небесный Град реален. Я видел его, — сказал Христиан.

Атеист просто рассмеялся:

— Тебе это приснилось. Такого места нет во всем этом мире.

— Но оно есть в мире, который грядет, — возразил Христиан. И как только он произнес это, то снова осознал, насколько сильно сдвинулись тектонические плиты его жизни. Лучшая часть Жизни ожидала его там, впереди, но не здесь.

Подошла Общинная Мама с объятиями, горячей сдобой и кружкой кофе. Было большим счастьем находиться под пристроном этой заботливой женщины. Она была тем клеем, который не давал развалиться их предприятию. Христиан улыбнулся и, когда она направилась обратно к кофейной стойке, послал ей вслед громкий воздушный поцелуй. Глядя поверх кружки, Христиан увидел Грейси, Байми и около десятка других новичков, сидевших перед сценой, с которой Приска и Аквила энергично обсуждали с ними основы богословия. Впрочем, судя по непринужденности обсуждения и вопросов, их «ученики» не сильно вдавались в подробности. Отбросив все слова, заканчивающиеся на «-логия», которые так нравились Фиделю, Приска начала с того же места — славы Божьей. Как мы были созданы, чтобы видеть ее, наслаждаться ею и показывать ее. «*Молодец, Приска*».

Он встал, подошел к двери и стал там, потягивая кофе и улыбаясь Богу. Если бы кто-то тайком показал ему эту картину, когда он лежал в «Даутин-Кэсл», он бы списал ее на еще одну чудовищную попытку Врага поглумиться над ним и стереть его в пыль.

Подошел Хоуп и хлопнул его по спине:

— Ну что, достаточно благодати для двух дней?

Христиан изящно увернулся, чтобы не пролить свой кофе. Он хотел спросить друга, не был ли тот удивлен наплывом людей прошлым вечером, но решил не делать этого:

— Более чем. Давай устроим еще раз.

Они стали молиться, и к моменту окончания молитвы к ним присоединились Полковник с Уорбаксом.

— Тут у меня мысль возникла, — сказал Уорбакс, протягивая значок, на котором было написано: «Тантра Небесных танцев: узнай, кто поглощает твою энергию» — Вчера я был на Стоянке «Носи это». Они могут изготавливать значки или ленточки, на которых написано *все что угодно*.

— Заметно, — съязвил Хоуп, беря значок.

— Я вот и подумал: зачем нам сегодня писать приглашения? Нас и так уже знают все. Почему бы нам просто не пойти раздавать большие значки вроде этого?

— Вроде *этого*? — Христиан взял значок Небесных танцев.

Уорбакс учился игнорировать его странный юмор:

— Вы, ребята, придумайте что-нибудь, что нам подходит, а я пойду и закажу значки.

После обеда они встретились в Аллее Записей и приколотили свои новые значки: «Кафе Надежды. Усек? 7-8 вечера!» По плану нужно было закончить рано, до начала Церемонии. Каждый ветеран шел в паре с новичком. Христиан выбрал Грейси, и они направились к своему участку.

— Слушай, вчера вечером я так увлекся, выпрашивая, что с тобой произошло, что забыл сказать, как мне понравились твои стихи. Ты, должно быть, давно пишешь.

— Спасибо, — она залилась легким румянцем. — Уже прошло много времени с тех пор, как я показывала кому-нибудь свою писанину. Я исписала десятки блокнотов, когда была моложе, а затем в колледже как-то потеряла интерес.

— Почему?

— Я хотела писать слова Истины. Но перестала верить даже в то, что она вообще существует. Если кто угодно мог прочитать мое произведение и сказать: «Что бы ты ни имела в виду, когда это писала, вот что оно значит для меня», — то зачем писать? Перспектива просто беседовать самой с собой выглядела не очень привлекательно.

После того, как я увидела представление, которое они разыграли с вами в Ярмарке Суеты, — она покачала головой, — я вообще зареклась смотреть телевизор. Писать стихи стало для меня лечением. Я как будто *написала* свой путь в Царство.

— Прочитай еще что-нибудь... что знаешь на память.

Они продолжали идти. Она минутку подумала, а затем начала:

Царство Божье
Внутри нас есть,
Но как глубоко
Бывает сокрыто оно!

Словно забытый стих,
Как оставленная душа

Оно ждет, что вот-вот
Прекратится это забвение...

Она остановилась:

— Ты и дальше собираешься идти на два шага впереди меня? Может, мне стоит обзавестись чадрой и пальмовой ветвью, чтобы обмахивать твою голову?

— Прости, Грейси! Это будто автоматический шагомер у меня в голове, который говорит: «Если ты будешь идти быстрее, она тебя догонит». Прости.

— Я привыкаю к этому, — сказала она. — Но это двойная потеря. Я привыкла быть привлекательной... такой вот конфеткой для глаз. А теперь... — сказала она, опустив взгляд на пыльную дорогу под ногами, — я бросаю взгляд в зеркало, когда прохожу мимо... и вижу эту хромающую калеку, такую неженственную... нежеланную. И, кроме того, мне теперь нужно так много времени, чтобы что-нибудь сделать, куда-нибудь дойти... ой, а я говорила тебе свое новое имя? Грейс!*

— Благодатная... Значит, теперь Грейс уже не Детка? — усмехнулся Христиан.

— Так сказали святящиеся фигуры, вручая мне Свиток. Я не знаю, смеяться мне, или...

— Погоди-ка! — Христиан своей рукой приподнял ее голову и посмотрел ей в глаза. — Когда я гляжу на тебя, я даже не замечаю хромоты.

“ Ничто — ни змея, ни Иисус — не
могло отвлечь их от последних
глотков тонизирующего напитка для
души, который они получали здесь ”

— Ну да, ты просто уходишь и бросаешь меня, — сказала она, отворачиваясь.

Он нежно повернул ее голову к себе:

— Когда я смотрю на тебя, то вижу прекрасную, желанную молодую женщину, которую мне так хочется видеть

* От англ. *grace* — благодать. — Прим. ред.

рядом с собой. Ту, чья внутренняя красота затмевает сейчас все, чем она была раньше.

Некоторое время они шли в молчании.

— Знаешь, а ты не выглядела так, словно «ждешь освобождения от забвения», — заметил Христиан.

— Что?

— Ну, последний раз, когда я видел тебя в больнице... ты не выглядела так, как описала себя в своем стихотворении — пребывающей в забвении и в ожидании, что оно прекратится.

— Но я была такой, — сказала она. — Спасибо вам, что меня освободили.

Они дошли до своего участка и попытались наладить контакт с творческим беспорядком, царившим по обе стороны каждой улицы. Все Реинкарнационные ведические астрологи на своей стоянке хотели услышать об исцелениях во всех подробностях. Однако никто не ожидал «знака свыше» — не то это было поколение. Большинство из этих Кочевников Сердца слышали и о змее и об исцелениях. Это ничего не значило. Просто еще одна из множества необычных вещей, которые они пришли увидеть и испытать. Подобно парню со значком «Слава Богу, я — атеист», они установили границы своих «временных автономных областей», и ничто — ни змеи, ни Иисус — не могло отвлечь их от последних глотков тонизирующего напитка для души, который они получали здесь и за которым приехали.

— Ты выглядишь весьма разочарованным, — сказала Грейси, когда они направились обратно в кафе.

— Разочарованным?! Да меня просто *убивает* степень их цинизма и поглощенности собой. Ведь подумай, — это же настоящая драма: адский змей на свободе, люди умирают, сгорая в муках, перед глазами людей происходят чудеса — я ожидал чуть ли не пробуждения. Но все разговоры вокруг только о Церемонии. Мы — даже не вспышка на экране радара.

Остановившись на минуту, оглядевшись, пытаюсь сообразить, где находятся, они увидели клубы черного дыма, вздымавшиеся где-то в районе их стоянки. Чем ближе они подходили, тем труднее Христиану было оставаться возле Грейси, а не броситься вперед. Каждый раз, сворачивая за угол, они надеялись увидеть, что дым идет не оттуда, куда они шли. Однако, по мере того, как пламя приближалось и

разрасталось, становилось очевидным, что пожар свирепствует на их улице. Здесь, в пустыне, не было пожарных машин, и толпа собралась посмотреть на то, как занявшееся строение сгорит дотла. Может, это красная палатка Байми? Когда они проходили мимо «Врат ада», жрецы ухмылялись и провожали их неприличными жестами.

Горело Кафе Надежды. Оно напоминало огромный фургон из сцен Дикого Запада после набега индейцев: ткань палатки сгорела дотла, открыв изогнутые металлические ребра, провисшие и оплавившиеся от сильного жара. То, что когда-то было сценой, кофейная стойка, мебель, звуковая аппаратура, все их походные постели и рюкзаки превратились теперь в массу раскаленных углей и золы среди языков пламени. Человек на Кресте был выдернут и воткнут обратно в землю головой вниз. Все неоновые трубки были разбиты вдребезги.

Кто-то из странников лежал на земле в окружении Полковника, Уорбакса, нескольких женщин и доктора из Стоянки Супер-лекарей. Другая группа странников в замешательстве стояла неподалеку, держась друг друга, всхлипывая и молясь. Грейси присоединилась к ним. Христиан подошел к тем, кто пытался оказывать первую помощь. Пострадавшей оказалась Общинная Мама. Полковник и Уорбакс подняли на него глаза, полные печали и потрясения от нападения.

— Представляешь, она оставалась в кафе, чтобы подготовить все к сегодняшнему вечеру и помочь пострадавшим, которые могли подойти, — тихо заговорил Хоуп. — Скорее всего, это были наши соседи из «Врат ада». Они сильно ее избили.

Увидев Христиана, доктор встал:

— Боюсь, ее предплечье может быть переломано в том месте, которым она закрывалась от ударов. Я не могу утверждать этого без рентгена, но аппарата тут, естественно, нет.

Он удалился в сопровождении Хоупа и Уорбакса, которые пошли с ним, чтобы взять болеутоляющие и другие медикаменты.

— Ну, леди, — Христиан опустился на колени рядом с Общинной Мамой, — добро пожаловать в клуб мучеников. — Он посмотрел на ее покрытое синяками лицо и заплаканный правый глаз.

Она улыбнулась и тут же сморщилась:

— Ох, и немалым же оказался вступительный взнос.

— Да, — он погладил ее по волосам, — но членские взносы не были столь неподъемными. Пока что.

Христиан обернулся к толпе сотни в две человек, собравшейся перед дымящимися останками кафе. До начала Церемонии оставалось не так уж много времени. Наклонив голову, он откинул волосы назад и, медленно двинувшись вперед, встал возле креста.

— Мы пригласили вас сегодня вечером в Кафе Надежды, — сказал он толпе. — Мне очень жаль, но его уже нет. Если и было когда-либо место, отчаянно нуждающееся в надежде, — оно, несомненно, здесь. Я никогда еще не видел столько людей в таком опустошении и апатии, которые упорно игнорируют пустоту после своей смерти и боятся ее одновременно.

“Порой случаются чудеса. Порой нам выпадают кровь и пепел. Но это Жизнь во всей полноте, каждый миг которой проникнут значением и смыслом.”

Вы видели, как мы старались изо всех сил. Вы видели, как мы сражались. Мы не ищем легкой жизни, — он осторожно взялся за крест, опасаясь острых краев. — Порой случаются чудеса. Порой нам выпадают кровь и пепел. Но это Жизнь во всей полноте, каждый миг которой проникнут значением и смыслом. И это даже не лучшая ее часть.

Лучшая часть Жизни в великой Божьей Истории Царства — это ее конец. «Что же вы будете делать после всего этого?» В конце побеждает Истина.

В конце, как говорит нам Бог, мы будем жить с Ним. Мы окажемся лицом к лицу с Царем Вселенной, знающим нас по именам и приглашающим нас на Свой пир. Его присутствие будет поражать больше, чем присутствие любой звезды из мира спорта, музыки или политики. При этом Его общество будет гораздо более воодушевляющим, чем компания наших самых любимых писателей или дорогих друзей.

В приготовленном Им месте спроектированные Им для каждого из нас обители посрамят самые роскошные сооружения, какие можно найти в презентациях земных архитекторов.

Правление будет великолепным. На престоле будет Господь Создатель и Царь. Больше не будет стяжательства и корысти. Не будет политической стряпни в судах Царя. Все неверное будет исправлено. Всякая справедливость восстановлена и ущерб возмещен. И мы будем царствовать с Ним вместе.

Христиан бросил взгляд на странников и увидел их ободряющие улыбки. Полковник показал ему поднятый большой палец. Грейси и Молитвенница радостно сотрясали в воздухе кулаками.

— И если там будут новости, они будут Истиной. В заголовки будет выноситься по-настоящему самое важное. Скандальные мелочи не будут раздуваться ради рейтингов. Мы будем узнавать о том, что сегодня происходит в Царстве, о том, что действительно имеет значение для вечности и показывает величие и благодать Божьи.

И если там будут школы, они будут учить Истине, и уроки будут восхитительны, а лабораторные занятия, возможно, будут проводиться в отдаленных галактиках. Мы сможем взглянуть как бы через огромное окно на историю и увидеть Истину о делах Божьих в поражениях тиранов и победах их народов.

Наша повседневная жизнь будет протекать в соответствии с нашей истинной природой — в совершенной любви и справедливости друг к другу. Те старые твердыни, для покорения которых мы должны были бороться всю жизнь, будут снесены. Те из нас, кто был болен, исцелятся, — он посмотрел на Грейси. — Сломанное будет починено. Не будет больше слез. Не будет больше боли. И те друзья и возлюбленные, кто ушел прежде нас, вновь заключат нас в свои объятия. И «там сокрыто намного большее!»

Он остановился, продолжая смотреть на странников и не подозревая, что жрецы «Врат ада» протискиваются вперед сквозь толпу.

— Как сильно жизнь многих из вас напоминает старый, исцарапанный компакт-диск. Вы так устали, снова и снова

проигрывая одни и те же старые мелодии. Ваши сердца до боли опустошены и в то же время обрюзгли, шатаясь под гнетом излишеств. Однако у Бога есть намерение — «дать вам будущность и...»

Обнажив кривые лезвия своих жертвенных ножей, два жреца Ада метнулись к Христиану, приставив их к его горлу.

— Заткнись и марш вперед!! — завизжали они. Еще пятеро их вооруженных ножами собратьев стали в ряд, отделяя Христиана от остальных странников. Меньше чем за минуту они завели Христиана за угол, скрывшись из поля зрения толпы. Еще через минуту оставшиеся жрецы покинули свои позиции и побежали в другом направлении.

Где-то от самого края Лагеря все ближе и ближе был слышен бой барабанов. Дневной темп карнавала замедлился до торжественного ритма. Блики приближающихся огней факелов отражались от машин, палаток и рядов сборных зданий. Последний поворот, и барабаны с факелами показались в поле зрения. Радостные молодые язычники, собравшиеся в центре Лагеря, выжидающе молчали. Разношерстная толпа, состоящая из шаманов, монахов Катаклизма, Ведических астрологов, жрецов «Врат ада» и сестер из «Незаживающей Раны», со всеми их гуру и Тантрическими собратьями, под непрекращающийся бой барабанов три раза обошла вокруг костра и остановилась. Трое жрецов «Врат ада» в черных мантиях проволокли переставшего упираться Христиана по огороженному веревкой проходу к основанию неоновому человека и затем вверх по ступенькам. Поставив Христиана между трехэтажными ногами человека, они с головы до ног облили его бензином. Шаманы с факелами поднялись по ступенькам и поднесли огонь к опущенным рукам и ногам неоновому человеку.

Обряд был неожиданно прерван воплями. Шаманы и жрецы посмотрели вниз в проход и увидели несущегося к ним черного змея. Толпа замерла за исключением шаманов с факелами и жрецов, державших Христиана, которые бросились враспышную, оставив его один на один со змеем. Тот

взлетел вверх по ступенькам и обвился вокруг Христиана, сжимая его питоньей хваткой. Змей отвел назад голову, подняв ее на уровень глаз Христиана, пристально глядевшего в пустые голубые глаза Врага.

Змей ткнул Христиана в шею. Очень легко и так быстро, что это едва можно было заметить. Словно лизнул. Тот даже не почувствовал, как ядовитые зубы погружаются в кожу. И едва он подумал, действительно ли был укус, как по венам растекся огонь. Змей вновь отвел назад голову, бросив на него короткий взгляд, а затем соскользнул с Христиана и обмотался вокруг ноги неоновом человека, неуязвимый для языков пламени.

Несколько секунд спустя мышцы Христиана задрожали, и ему стало трудно фокусировать взгляд и сосредоточиваться. *«Господи, Иисус, это что, все? Я бежал из Ярмарки Суеты, чтобы это случилось... здесь? Молю Тебя, спаси Своею силой Грейси, Хоупа и всех остальных. Я знаю, Ты можешь спасти их... и меня... а если нет...»*

Тысячи молчащих лиц, отражающих отблески неоновых ламп и пламени, начали тускнеть, Христиан закачался и медленно, пошатываясь, пошел. Он попытался отойти подальше от пылающей ноги неоновом человека. Но с другой стороны, какая разница, сгорит ли он изнутри или снаружи? Он пытался удержаться на ногах.

Подняв глаза, он увидел свет, пронизывающий тьму. Но не высоко в небе, а на горизонте, прямо над головами толпы. Только что там была темнота, а в следующий миг появился крест, заключенный в круг огней — круг, состоящий, как он тут же догадался, из десятков лучей Свитков. *«О Боже, прошу Тебя, помоги мне выстоять».*

Огонь в его венах тут же угас. Его сердце стало биться медленней, и сжимавшие его тиски ослабли. Мышцы рук и ног закололи, когда к нему вернулась способность ими управлять, а дыхание нормализовалось. Он поднял простертые руки и, считая, что его голос уже достаточно окреп, обратился к восторженной толпе:

— Послушайте, Кочевники! В древние времена Бог избавил свой народ от ядовитых змей. Он любил их и сжалился, когда они возопили о прощении. Поэтому их вождь, Моисей, вознес змея в пустыне и всякий, кто смотрел на него, был

спасен. Бог и вас любит, и вознес Сына Своего на крест, подобный тому, что на горизонте, — Христиан указал на некогда изуродованный крест странников, который они вновь воздвигли на возвышающемся над Лагерем гребне. — Он отдал Своего единственного Сына. И вот для чего — чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную — жизнь, полную надежды! Стоит лишь взглянуть, лишь только попросить...

Толпа разразилась одним огромным приветственным криком. Христиан остановился, ошеломленный, его сердце воспряло. Краем глаза он заметил какое-то движение. Он обернулся и увидел, как руки неоновом человека медленно поднимаются к ночному небу. Радостные Кочевники стали улюлюкая и распевая парить, а огонь позади него пожирал неоновом человека. Барабанщики пришли в себя и возобновили свою знакомую иступленную дробь.

Христиан опустил руки и оглядел это невесомое поклонение. Некоторые сохраняли молчание, парили, простершись лицом вниз или скорбно стоя на коленях. Но большинство реагировало так же, как на гол во время игры на Суперкубок. И Христиану казалось, что он мог бы с тем же успехом надеть пестрый парик и махать между стойками ворот плакатом со словами из Иоанна 3:16.

Спустившись по ступенькам, Христиан направился по проходу назад, в сторону креста. Красота его сияния над горизонтом многих задевала. Позади Христиана огонь пожирал неоновом человека, вокруг неоновых плеч которого обвился огромный черный змей. В его пустых ослепительно-голубых глазах отражались тысячи обожающих лиц.

а полпути между гребнем горы и гигантским костром Христиана встретили и окружили странники. Теперь уже все пропахли бензином, но это никого не беспокоило. Поприветствовав Христиана, они стали обнимать горстку Кочевников, следовавших за ним с Церемонии.

Христиан положил руку на плечи Хоупа:

— Мне сказали, что поднять крест было твоей идеей. Так что теперь уже *три* раза.

— Ты не замечал, что у тебя на макушке нарисованы черно-белые круги? — Чеширская улыбка Хоупа засияла во мраке пустынной улицы Лагеря. — На самом деле, это Полковник предложил поискать в золе свитки: «Если предполагается, что они вечные, то что им небольшой пожар...» И он, слава Богу, оказался прав, поскольку у нас не было времени соорудить костер или найти другой способ осветить этот крест так, чтобы ты мог его увидеть. Когда мы подняли его на возвышенность, мы оглянулись и увидели змея. Так что пришлось немного поторопиться.

— Еще раз спасибо, — Христиан обнял его за плечи.

Поскольку Кочевники были поглощены своими делами, странники обошли Лагерь по

периметру без происшествий и вышли на Путь. Опасаясь преследования со стороны обитателей «Врат ада», они шли быстрым шагом, пока пару часов спустя не дошли до горячих источников, окруженных теплыми плоскими камнями. Они решились остаток ночи отдохнуть здесь.

Христиан лег на спину в озерцо горячей воды, чтобы отмокнуть от бензина. Грейси присела на камень рядом, залитые лунным светом волосы рассыпались по ее плечам. Изнеможение, вызванное суровым испытанием и двухчасовым форсированным маршем, отступало. Но впереди маячила ночь сна без постели, на камнях.

— Я чувствую себя так, словно мы шли на всех парах мимо места кораблекрушения посреди океана и спустили спасательные шлюпки, но никто не спасся.

— Но люди *были* спасены. Байми, пара десятков других. Ты был спасен, Крис. У тебя были видения, что ты Моисей и ведешь тысячи людей через пустыню в Землю Обетованную?

— Нет, я никогда бы не смог стать Моисеем.

— Почему?

— Я слишком хорош перед микрофоном.

Она дернула ногой и обрызгала его:

— А серьезно? Все дело в количестве?

Он вновь погрузился в теплую воду и закрыл глаза. «А действительно, в чем?» Он чувствовал себя подавленным мучениями Дьяволицы и ее решением принять сторону своего вечного убийцы. Он вновь увидел тысячи пустых лиц, освещенных костром. Но что еще не давало ему покоя? Обманутые ожидания пробуждения? Лелеял ли он тайную надежду оставить армию фараона тонущей в потакании своим желаниям и увлечь за собой огромные массы народа для встречи на горе с Богом?

— Если дело в количестве, — продолжала Грейс, — то это та же Ярмарка Суеты. Только ярче, крупнее, лучше. «Нам нужен результат! Который можно увидеть, подсчитать и оценить!» Посмотри на меня. Я — результат. Ты меня *почти* не видишь. Чего еще можешь ты просить у тела Христова? Каждое мгновение, проведенное мною там, было прекрасно. Сердца едины, каждый дар блистателен.

Мне всегда нравилась история о Гедеоне. Три сотни человек во главе с ним разгромили казавшегося несокруши-

мым противника... Может быть, тебе больше не суждено сражаться ни в каких битвах.

Ее слова доносились из темноты. Он оттолкнулся от неглубокого дна и обернулся, следуя за ее взглядом — вверх, к сиянию, мерцающему на самой высокой вершине.

Благодарение небесам за стоянки пастухов. Эти оазисы давали странникам в пути отдых и пропитание — копченые индюшачьи ножки, сосиски на палочках, орехи и сладости, полные миски ягод. Все это подавалось с дружескими улыбками и ободряющими словами: «Вы видите Город?», «Смотрите не отрываясь!» На стоянках их ждали уютные палатки и свежие постели. С каждым днем Христиан чувствовал себя крепче, горы становились ближе, а сияние — ярче. Все по очереди помогали Грейси и Общинной Маме, чтобы те не отставали.

Постепенно пыль и камни сменились холмистой местностью, а затем холмы становились все больше, пока не перешли в самые настоящие горы. В воздухе чувствовалось холодное дыхание осени. После целого дня подъема они достигли гребня и обнаружили великолепный горный курорт в швейцарском стиле. Радужный Смотритель усадил их у каменного очага, возле которого они провели вечер, попивая горячий шоколад. Сквозь окна из зеркального стекла они видели светящийся Град по ту сторону полого спускающейся долины.

Близость к Граду подтвердилась на следующий день, когда они увидели светящиеся фигуры, снующие вверх и вниз по долине. Путь проходил по ухоженной местности — среди живых изгородей из лилий и каскадом ниспадающих фонтанов, романтических розариев с купальнями для птиц, фруктовых садов и виноградников — все это содержалось садовниками Царя в идеальном порядке. Странники лакомились там зрелыми персиками и виноградом. В полдень им понадобилось надеть солнцезащитные очки, загодя врученные Смотрителем, поскольку лучи солнца, отраженные от расположенного впереди Града, были просто ослепительны.

Время близилось к обеду. Шедшие позади остальных Христиан и Грейси уже приближались к стоянке пастухов, когда внезапно к ним подбежали двое молодых странников.

— Вы не поверите! Это уже почти конец пути! — наперебой кричали они.

— Не может быть! — удивленно сказала Грейси, снимая руку с плеча Христиана.

— Да точно! Отсюда до вершины ровно сорок два километра!

— Сорок два километра! — воскликнул Христиан. — Я обычно пробегаю такое расстояние за четыре, четыре с половиной часа!

— Я тоже! — сказал один из странников. — Хотя я сейчас и не в форме, но уверен, что смогу пробежать эту дистанцию меньше, чем за шесть часов — ну, может, чуть больше, учитывая крутизну склонов.

Тут они посмотрели на лицо Грейси и запнулись.

— О, Грейси, — сказал Христиан, — это все было чисто гипотетически.

Та, опустив голову, проковыляла мимо них к стоянке.

Христиан немедленно догнал ее:

— Грейси, мы не собираемся убегать и бросать тебя. Просто эти сорок два километра... ну, это же марафонская дистанция. И те из нас, кто бегают марафоны, автоматически подумали...

— Не беспокойся, — ответила Грейси тихим уставшим голосом.

— Как насчет фруктового коктейля с мороженым? — спросил пастух на стоянке. — Это прибавит вам сил для финального забега. У нас есть самые изысканные сорта!

Грейс взяла свой коктейль и пошла вслед за Общинной Мамой к скамье, возвышавшейся над стремительным потоком. Христиан как раз приканчивал свою порцию, когда они вернулись к группе.

— Мы тут с Общинной Мамой обсудили ситуацию, — сказала она достаточно громко, чтобы привлечь всеобщее внимание, — и хотим вам кое-что сказать, — две покалеченных странницы улыбнулись вмиг замолчавшим и посерьезневшим спутникам. — Мы все обдумали. Мы не хотим сдерживать вас. Мы хотим, чтобы вы продолжили путь и не ждали нас.

ОбщиннаяМама обняла Грейс здоровой рукой:

— Что тут добавить? Бегите к финишу! Мы все хотим добраться туда, как можно быстрее. Поэтому не надо больше вести — или тащить! — нас с собой. Пора, как говорится, «сбросить все, начать бег и не останавливаться»!

“ Мои раны были даром, который привел меня к Кресту, сделал той, кто я есть. Но всего через пару часов я смогу его вернуть. ”

— Думаю, именно так и надо поступить, — поддержала Грейси. — Думаю, нам следует выстроиться здесь, у стоянки, в линию, кто-нибудь крикнет: «Марш!» — и все помчатся!

Грейси обвела взглядом молчаливый круг странников. Было видно, что они не согласны.

— Послушайте, я раньше уже путешествовала одна, — сказала она, — и я никогда не оставалась в одиночестве. Иногда я даже замечала Его краем глаза. Его высокую, сильную фигуру, которая шла рядом со мной. Все, действительно, в порядке... — ее голос зашнулся. — Еще всего лишь пара часов в этой изорванной оболочке. И я больше не буду хромать. Мои раны были даром, который привел меня к Кресту, сделал той, кто я есть. Но всего через пару часов, — ее голос понизился до шепота, — я смогу его вернуть. Поэтому, просто идите вперед — вы все.

Первыми нарушили молчание новички: прощальными словами и ободряющими объятиями со слезами на глазах. Ветеранам было тяжелей. После нескольких слезных прощаний ОбщиннаяМама воскликнула:

— Ну что за беда, мы же теперь будем вместе целую вечность! И я хочу, чтобы завтра вы все ко мне зашли, так что ничего страшного, если мы пропустим сегодня вечером совместный ужин!

Все засмеялись, и облачко нерешительности развеялось.

— Эй, — пастух вытащил стартовый пистолет. — Мы все время делаем это для групп, которые сюда приходят. Просто скажете мне, когда будете готовы.

Вид пистолета все изменил. Странники выстроились в линию рядом с табличкой «Небесный Град — 42 километра».

Некоторые, закрыв глаза, бежали на месте; некоторые приседали, растягивая сухожилия; остальные, поигрывая мышцами рук и ног, смотрели перед собой. Их лица были полны решимости. Грейси и Общинная Мама присоединились к ним.

— На старт, — сказал пастух, поднимая стартовый пистолет. — Внимание. — Взгляды всех были направлены вперед, к той стороне долины, к финишу. — Марш! — Пастух выстрелил. Все новички и некоторые ветераны быстро рванулись с места.

Христиан улыбался, глядя им вслед. *«При таком темпе они выдохнутся через пятнадцать километров»*. Он вспоминал пару своих первых марафонов. Он был так возбужден и взволнован в начале забега, что бежал гораздо быстрее, чем на тренировках. *«Большая ошибка»*. Общинная Мама бежала неторопливой трусцой, придерживая больную руку здоровой. Чуть впереди нее, быстро отставая от остальных, почти так же неторопливо бежали Уорбакс с Полковником. Грейси тоже бодро захромала вперед.

Внезапно сильные черные руки обхватили ее за талию, подняли и посадили Христиану на плечи.

— Что вы делаете! — запротестовала она.

— Любовь никогда не сдается, — пропел в стиле рэп Хоуп.

— И всегда идет до КОНЦА, — в том же стиле отозвался Христиан, добавив от себя пару вокальных вариаций. — Грейси, если ты думаешь, что я предпочту попасть туда быстрее, а не вместе с тобой и Хоупом... ты меня действительно не понимаешь. Мне нравится бежать гонку, видя перед собой приз. И мне еще больше нравится делать это в нашей нынешней компании.

Грейси позволила ему молча бежать трусцой. Не имея возможности видеть ее лицо, он не был уверен, что ей это нравится. Примерно через минуту она слегка жала ему шею.

Христиан с Хоупом несли Грейси, сменяя друг друга через каждый километр. Периодически она отдыхала от тряски на плечах и, стараясь держаться наравне с друзьями, прихрамывая, бежала трусцой, обхватив кого-нибудь из них рукой за шею.

Парки, фонтаны, сады — пейзаж вокруг продолжал отвлекать их от испытываемых неудобств. Они пробежали мимо

огромного фонтана в форме органа — вода стекала с одного ряда клавиш на другой, и вокруг разносились величественные звуки органной музыки. Но даже при столь приятном отвлечении внимания Христиану становилось все труднее не замечать боль. Он обнаружил, что меняет ритм, облегчая боль в бедре, только для того, чтобы тут же начали жаловаться колени. Даже на участках, где он не нес Грейси, бег уже не доставлял удовольствия. С лица Хоупа тоже капал пот.

Таблички через каждый километр указывали, сколько еще осталось до Небесного Града, а пастухи на мини-стоянках предлагали бутылки с водой и энергетические батончики. Можно было снизить темп и, пока пьешь, идти шагом. Однако после снижения темпа было тяжело вновь переходить на бег. На отметке двадцать один километр они остановились, чтобы «чокнуться» своими бутылками с водой и стали в круг, наклонившись и упершись руками в колени.

— Половина пути. Не передохнуть ли нам? — задыхаясь, спросил Христиан. — Завтра Град по-прежнему будет на том же месте. Нам не обязательно добираться до него сегодня вечером. — Они с Хоупом посмотрели на Грейси.

— Это ваши тела на пределе, а не мое, — сказала она.

— Да, но тебе тоже больно. Я вижу это по твоему лицу, — Христиан открыл рот и влил туда еще одну длинную струю из бутылки.

Грейси на пару секунд опустила голову и вновь посмотрела на них:

— Зачем останавливаться? Я готова идти, пока кто-нибудь из нас просто не сможет двигаться дальше. Мы ведь не собираемся просыпаться завтра с болью во всем теле, — сказала она с усталой улыбкой. — И бежать на прием к ортопеду.

— Когда я думаю о том, что нас ждет всего через двадцать один километр, — сказал Хоуп, — я не могу оставаться на месте.

— Ладно, — сказал Христиан, — приготовились... на счет три. Раз, два...

— Три! — они хлопнули друг друга по рукам, и Христиан вновь поднял Грейси.

Однако это было мучительно. Время прохождения отрезков между мини-стоянками увеличивалось, особенно на участках с подъемами. Они едва замечали окружавшие их великолепные виды и звуки. За одним исключением: поднявшись примерно на девятом километре на вершину холма, они увидели Общинную Маму, опирающуюся на Полковника, и рядом с ними Уорбакса. Те подходили к вершине следующего холма. Христиан указал на них и легонько сжал Грейси руку.

Он почти с отвращением смотрел на показавшуюся впереди табличку, гласившую, что до финиша осталось пять километров. Из предыдущего опыта он знал, что эта отметка тождественна «стене» — пределу сил и выносливости организма, — почти такой же прочной, как стена из кирпичей и цемента. Он, пошатываясь, стоял возле мини-стоянки, слишком уставший, чтобы даже взять бутылку воды. По правде говоря, он не думал, что сможет добраться до финиша. Наклонившись, он посмотрел на свои ноги. Они выглядели куда более крепкими, чем ощущались. Он знал, что для того, чтобы дойти до финиша, понадобится вся его решимость до последней капли.

Христиан посмотрел на клочок пышной сине-зеленой травы рядом с деревом, росшим у пастушьей стоянки. Он запросто мог лечь прямо здесь и заснуть, распрямив уставшее тело, а до финиша добраться после отдыха. Слава Града озаряла сумерки, но его тело понимало, что это — предел. Наконец он пришел в себя и ощутил достаточно сил для того, чтобы встать прямо и взять бутылку воды. *«Если я скажу им, что больше не могу, они остановятся. С другой стороны, они, быть может, готовы остановиться, но будут двигаться дальше, если я не остановлюсь».*

Он достал из кармана Свиток, пробежал по меню и надел наушники.

— Готовы? — взглянул он на Хоупа и Грейси.

Не обменявшись ни словом, они кивнули.

Когда друзья двинулись по склону вверх, Христиан увеличил громкость. «Оставьте все, начните бег и не прекращайте его! Не спускайте глаз с Иисуса, Который начал и доблестно завершил гонку, в которой мы участвуем. Изучайте, как Он сделал это. Поскольку Он никогда не упускал из виду цели — финишировать в Боге и с Богом, — то смог

претерпеть все, что встретилось Ему на пути. И теперь Он там, на почетном месте одесную Отца. Если вы почувствуете, что падаете духом, еще раз перечитайте Его Историю. Это впрыснет адреналина в ваши души!

“Оставьте все, начните бег
и не прекращайте его!

”

Все вы были на стадионе и видели соревнования. Стремитесь к победе. Все хорошие спортсмены напряженно тренируются. Они делают это ради золотой медали, которая тускнеет и блекнет. Вы же — ради того, что остается золотым вечно. Не знаю, как насчет вас, но я упрямо бегу к финишной черте. Я отдаю все, что имею!»

«Да, Господи, но, похоже, мне больше нечего дать. Поэтому прошу Тебя это сделать. Ты должен поднять эту ногу, а затем — ту, затем опять эту, и опять — ту. Ты должен сделать так, чтобы мои недавно сломанные ребра не слишком впивались в бока, и я мог дышать. Ты должен завладеть моим разумом и заставить меня сосредоточиться на финишной черте».

С вершины каждого следующего холма стены Города из полированной яшмы были видны все четче, сверкая подобно бриллиантам на фоне звездного неба, смягчая его черноту, так что ночь, казалось, хранит воспоминания о сумерках.

— Осталось всего три холма! — воскликнул Хоуп, поднимая вверх большие пальцы.

— Да, еще три! — Христиану удалось слабо улыбнуться. Он посмотрел на Грейси, возвышающуюся над плечами Хоупа. — Тебе плохо?

— Да... немного. Но я считаю, холм за холмом, сколько еще осталось, и немного легчает.

Осталось три холма. А затем два. Христиан пообещал себе, что если он взберется на этот холм, неся Грейси, то больше не должен будет этого делать. Он поможет ей самой подняться на последний холм, если она сможет. Он знал, что даже после отдыха на спуске его ребра больше этого не вынесут. Чувствуя, что сейчас упадет, он приготовился опустить ее, не доходя до вершины холма. Но тут устало, но отчетливо,

впереди вскрикнул Хоуп, уже достигший вершины. Несколько последних шагов Христиан пронес-таки Грейси за счет выброса адреналина после крика Хоупа.

Возвышаясь на противоположной стороне долины на величественном, усыпанном драгоценными камнями основании, вздымался в залитую светом синеву Небесный Град. Жемчужные врата прямо напротив них обозначали вход. Стены, словно высеченные из алмаза, и сами врата горели отраженной *Шехиной*, славой Божьей, столь же ярко, как аметисты, сапфиры, изумруды и прочие драгоценные камни в основании.

Однако простирающаяся внизу долина, несомненно, была причиной изумления Хоупа в той же степени, что и Град наверху. Там разместился гигантский стадион, до отказа заполненный огромным облаком свидетелей. Короткий спуск должен был привести их в туннель, а тот — к финишной черте.

Ощувив приток адреналина, Христиан улыбнулся Грейси:

— Хочешь снова забраться на плечи и закончить гонку?

— Почему бы вам с Хоупом не обхватить меня руками и не помочь мне финишировать в стиле, более...

— ...более подобающем детям великого Царя, Которого мы увидим через каких-нибудь *десять минут!* — Христиан схватил Грейси и радостно поцеловал ее в губы. Затем он обнял Хоупа, тот крепко сжал его в ответ. Безмерная радость дала Христиану силы сойти с холма. Несмотря на то, что Грейси опиралась на его здоровый бок, ребра у него стонали; однако он почти не чувствовал их из-за приветственных криков толпы, долетавших со стадиона.

Когда они вошли в длинный темный туннель, его охватило ощущение, что это уже когда-то было. В памяти всплыл туннель из истории Евангелиста. Однако воспоминания только делали все слаще: воспоминания о страхах, которые сносили его, когда он шел по туннелю, были поглощены жгучей радостью, пронизывающей его измученное тело. Он знал, Кто ждет его; знал Его, любил Его и не мог дождаться, когда Его увидит.

Когда они вышли из туннеля и свернули на финишную прямую, он *увидел* Его. Хотя трибуны справа от них взорвались приветствиями, казалось, звук доносится откуда-то из

далека. Христиан видел только *это* лицо, которое становилось все ближе и ближе, Его улыбку, которая согревала, отражаясь в его собственной. Он испытал внезапный порыв просто побежать. Побегать так быстро, как он еще может, и пасть к ногам этой величественной Личности, наблюдавшей, как они преодолевают последние метры. Он еще раз взглянул на Грейси и Хоупа и увидел ручьи слез, сбегаящие по щекам Благодатной.

Подавшись вперед, все трое странников как один разорвали серебряную нить, обозначающую финиш, и остановились перед Царем царей и Господом господствующих. Улыбаясь Христиану и Хоупу, Он сперва подошел к Грейси, обнял ее и руками с жуткими шрамами на запястьях вытер слезы с ее щек. Он прошептал ей что-то на ухо, отчего лицо ее засветилось, как финальный залп фейерверка, а затем приветствовал Хоупа.

В тот момент, когда Царь приветствовал его друзей, те менялись прямо на глазах. Грейси выпрямилась и твердо стала на обе ноги. Боль в ее глазах исчезла. Ее красота ослепляла, ее движения стали легкими и грациозными. Уловив обрывки разговора Хоупа с Царем, Христиан заметил, как знакомый голос друга зазвучал глубже и приятней, чем раньше. Его друзья светились таким же величием, как ангелы, однако они создавали даже большее ощущение весомости и морального авторитета, на их лицах явственно проступали внутренние милосердие и сила.

Христиан сделал глубокий вдох и резко выдохнул. Никакой боли в ребрах или где-либо еще. Он чувствовал, что может пробежать еще один марафон, но в этот момент Царь обернулся и подошел к нему.

Христиану по-прежнему хотелось пасть пред Ним ниц, но он почему-то знал, что Царь желает не этого. Царь хотел положить ему на плечо Свою руку, обнять его и повернуть лицом в сторону поля. Затем Он поднял другую руку, обвел ею стадион, полный приветственно кричащих и машущих руками ветеранов, и тихо сказал Христиану на ухо:

— Добро пожаловать в Жизнь! И... здесь сокрыто намного большее! — словно у отца, стоящего рядом с выигравшим олимпийское золото сыном, лицо Царя светилось одобрением и гордостью. — Ты готов к кругу почета?

Христиан отпрянул:

— О нет, я не...

— Не ради тебя, — сказал Он, и смех Его был подобен волне, разбивающейся о берег. — Ради Меня!

Тут же беговая дорожка позади них наполнилась одетыми в белое победителями. К процессии присоединились также музыканты с самыми разными инструментами. Некоторые участники все еще оставались в форме цвета хаки. Когда они подошли ближе, Христиан радостно засмеялся. Здесь были Общинная Мама, Полковник, Байми и все остальные, тоже изменившиеся, обретшие силу и величие, какие он уже видел у своих ближайших друзей.

— Вы давно ждете? — спросил Христиан Молитвенницу. Она задумалась:

— Ну... не знаю, как тебе ответить, — ведь течение времени здесь так отличается... и столько впечатлений, и... нет, наверное... — она оставила попытки объяснить.

Сотни ветеранов выстроились позади них с тамбуринами в руках. За ними следовал арьергард из херувимов и могучих пылающих ангелов. Зазвучали фанфары, и Христиан, обернувшись, увидел опускающихся перед Царем четырех Животных, имевших по четыре крыла и четыре лица. Их нижние крылья шумели в полете как водопад. Верхние крылья не махали, а дотрагивались друг до друга кончиками.

— Насколько же все *по-другому*, — сказал Христиан Хоупу. Тот кивнул.

Животные парили впереди и выше Царя, оседлавшего потрясающего белого жеребца с золотыми гривой и хвостом. Легким движением поводьев Царь развернул его головой к странникам.

— Сегодня, — громогласно объявил Он, — вы уже больше не странники, поскольку ваше странствие закончено. Вы обрели все, чего когда-либо жаждало ваше сердце. Сегодня вы победители!

Стадион бурно заплодировал.

— Сегодня вы будете маршировать со Мною на параде победы, и я облеку вас в белые одежды. Ваши имена записаны в книге жизни, и Я никогда не сотру их. Я поведу вас и назову вас по именам пред Отцом Моим и Ангелами Его.

Христиан ощутил восторг, проникающий в каждую кле-

точку его существа; такой радости и трепета одновременно он никогда еще не испытывал.

Животные впереди, голосами, звучащими, как стремительный горный поток, восклицали:

Воскликните Богу, вся земля!
Пойте славу имени Его,
Воздайте славу, хвалу Ему.
Благословите, народы, Бога нашего
и провозгласите хвалу Ему.

Парад двинулся вокруг огромного стадиона, Животные — впереди вверху, Великий и Истинный Царь — сразу за ними. Когда Он проезжал мимо ветеранов, те осыпали дождем розовых лепестков дорожку, по которой грациозно ступал Его конь. Позади Него, взявшись за руки, шли странники — теперь уже победители. Их лица светились радостью, взгляды были прикованы к Царю. Трубачи приветствовали Христиана и его товарищей звуками десяти тысяч труб, а затем заиграли прекрасную знакомую мелодию. Тему Спасителя! Тело Христиана в который раз покрылось гусиной кожей. Голоса позади него запели слова первого стиха:

Благословите, народы, Бога нашего!
Громогласно воспойте хвалу Ему!
Не Он ли направил на путь жизни?
Не Он ли не даст нам с него сойти?

Сперва испытал нас, как золото,
Священным огнем очищая,
Вверх в ад, затем вывел обратно,
Не дал искушенья сверх меры,
Но спас, принеся нас на крылах
В Свой Град, полон Света и Жизни,
И править мы будем вовеки
Все с Ним на Небесном престоле!

Сквозь благоухающее розами конфетти Христиан разглядывал лица на трибунах, ощущая множество близких душ, и не мог дожидаться, когда будет служить бок о бок с ними.

Кто-то в переднем ряду особо неистово махал руками, выкрикивая его имя. Поначалу он не мог узнать лица... но потом его озарило! Христиан нарушил ряды и побежал к высокому рыжеволосому парню, протягивавшему к нему руки:

— Филип! Слава Богу! Филип!

Брат перегнулся через барьер и крепко обнял его.

— О, Филип, до чего... Мне так жаль!

— Я понимаю. Все в порядке. Я знаю, где ты будешь. Я найду тебя позже! — Брат помахал ему рукой, и Христиан побежал догонять победителей. Царь, сидя на коне, обернулся и улыбнулся ему. Христиан, покачав головой, улыбнулся в ответ. «*Он ничего не упускает из виду*». Христиан не знал, как его сердце сможет вместить еще больше радости, но оно сделало это.

Когда процессия прошла примерно полпути вокруг стадиона, тема Спасителя закончилась, и Животные воскликнули:

Да веселятся небеса!

И с ними — вся Земля!

И море пусть воздаст хвалу!

Внезапно над стадионом потемнело, и небо заволокли тяжелые грозовые тучи. Сверкнули молнии, а рокот грома слился с ревом восхваления на трибунах. Вздвигающиеся со всех сторон над краем стадиона свинцовые облака сверкали и гремели. Царь поднял правую руку. Его вестники-ветры в минуту развеяли грозовые тучи, и глазу внезапно открылись заснеженные вершины гор, покрытых деревьями, которые заколыхались, словно в танце, когда ветер растрепал их пышные кроны и пронесся по стадиону, кружа вихри розовых лепестков.

Царь указал на горы. Снег тут же растаял, а горы и стадион начали трястись и качаться. Отверзлись кратеры, и в небо взметнулись фонтаны расплавленной лавы. Христиан ощущал лицом жар и восхищался этой неистовой силой, направляемой, подобно лазерным лучам на световом шоу, словом и жестом Царя.

— Я всегда хотел увидеть один такой фонтан вблизи и при этом не сгореть, — Хоуп с широко раскрытыми глазами пытался перекричать шум.

Царь вновь призвал ветры, и они вернулись, наполнив стадион соленой водяной пылью. Гигантские морские волны вздымались и сокрушали все вокруг стадиона. Десятки дельфинов взмывали над водой в дружном приветствии. Оркестр разразился хвалебной песнью.

- Я буду прославлять! — выкрикивали певцы.
- Я буду прославлять! — вторили им трибуны.
- Все мои дни ...

Дельфины прыгали и танцевали под музыку. Все, кто был на стадионе, тоже пустились в пляс, изливая в песне и танце свои сердца. Их голосам вторили небеса. Перед Христианом восторженно кружилась Грейси. «*Благотная*». Он радостно смеялся. «*Царь знает наши имена!*» Танцуя, они прошли через туннель на дальнем конце стадиона и стали подниматься на последний холм. Музыка влекла их сердца и тела вверх — к виднеющимся впереди воротам. Над головой космическим салютом выстрелил метеоритный дождь. От такого зрелища у Христиана перехватило дыхание.

— Ты — единственный, Кому я жажду поклоняться, Ты один достоин всей хвалы, — пели все вокруг.

Волны радужного света, напоминавшего северное сияние, плясали и пульсировали над Градом в ритме этой песни. Они подошли к жемчужным воротам, над которыми было написано:

Счастливы те,
Кто омывает свои одежды!
Они имеют право на древо жизни,
Они могут войти через ворота в Город.

Перед входом Царь спешил и подошел к жемчужным воротам. Христиан затаил дыхание — Господь открывал для него небеса. Легкий толчок, и жемчужина разделилась по невидимому шву на две половины, открывая широкий проход. Пройдя в него, Христианин и его братья-победители преобразились, их форма цвета хаки превратилась в белые одеяния, сияющие подобно солнцу.

Внутри алмазных стен сверкали золотые здания Града. Вместе с жемчужными воротами они словно сияли изнутри.

Как тяжелый металл может так просвечивать? Даже атомное строение вещества здесь, наверное, было совсем *иным*. Повсюду в Граде зазвонили колокола. Вдоль всего маршрута победители в белых одеждах и золотых венцах приветствовали Царя, а затем — вновь прибывших. Они двигались по широкому проспекту. Посреди улицы текла чистая, как кристалл, искрящаяся и отливающая золотом река.

Христиан никогда не думал, что его реакция на все это великолепие вокруг будет такой. Да, это было невероятно красиво, гораздо красивее всего, что он мог себе представить, листая журналы про богатых и знаменитых на своем старом кофейном столике. Однако окружающая его красота и пышность были лишь фоном, мизансценой, подчеркивающей истинное великолепие Царя и его людей, а также того, что они будут вечно делать вместе. Все вокруг ощущалось вполне реальным, но, глядя на это, Христиан в действительности видел стоящую за всем славу Божью.

“ Хотя все вокруг вроде бы праздновали завершение, во всем этом было гораздо больше от начала ”

Должно быть, они приближались к престолу. Небо впереди было заполнено ангелами. *Настоящими* ангелами. Мириадами ангелов, ряды которых терялись в вышине блистающего небесного свода. Массивный сапфировый престол возвышался впереди над домами. Христиан узнал в вышине четырех «иных» созданий, *полностью* покрытых глазами, которых он уже видел в истории Евангелиста. Они реяли перед Сидящим на престоле, зывая ко всем собравшимся:

Свят, свят, свят
Господь Бог Вседержитель,
Который был, есть и грядет.

Во время представления прославленный Царь Вселенной гордо назвал его имя среди прочих Своему Отцу и ангельскому воинству. Из земных событий это больше всего напоминало церемонию вручения дипломов. Все победили. Все

получили награду. Некоторые — с большими почестями, чем другие, но каждый знал, что эти почести заслужены, а потому все искренне приветствовали каждого. И хотя все вокруг вроде бы праздновали завершение, во всем этом было гораздо больше от начала.

Постепенно толпа рассредоточивалась вдоль длинного золотого проспекта, а следующие победители спускались по сапфировым ступеням. Христиан обнял Хоупа и Грейси. Он посмотрел вдоль проспекта. Недалеко от них из-под основания престола вырывалась и текла посреди этой великолепной улицы река жизни. Вдоль обоих берегов раскинули свои прогнувшиеся под тяжестью плодов ветви древа жизни. Изысканные, невероятно огромные широколиственные деревья. Воздух был наполнен их мятным ароматом.

Легко сбежав вниз по нескольким оставшимся ступеням, Христиан устремился к могучей светящейся фигуре, ожидающей под первым деревом. Фидель заключил его в крепкие медвежьи объятия. Они смеялись и хлопали друг друга по спине. И, хотя Фиделю теперь на вид было столько же лет, как и Христиану, тот знал, что всегда будет смотреть на Верного как на старшего брата.

— Эй, приятель, мне нравится этот венец! — Фидель изучал золотой обруч на голове Христиана.

— А, уже и забыл, — сказал Христиан. — Просто я ощущаю его, как и мантию, частью себя. Словно раньше я никогда не был одет полностью.

— Здесь все вызывает такое ощущение. Я хожу и все время думаю: «А ведь это должно было быть именно так» или «Я всегда чувствовал, что мне этого не хватает».

— Вот именно так я чувствую по отношению к тебе! — Христиану доставляло удовольствие снова слышать голос Фиделя, ставший теперь более глубоким и менее скрипучим.

— Мы больше никогда не расстанемся, приятель, — они шли вдоль реки, и Фидель положил руку на плечо Христиану. — Кстати, я собираюсь обратно на стадион. Пойдешь?

— Конечно. А в чем дело?

Фидель взглянул на него со знакомым огоньком в глазах:

— Еще один странник собирается пуститься в полный приключений путь.

Примечания к главам

Мне доставило неописуемую радость двигаться по пути, проложенному великим трудом Джона Буньяна, цитируя его, перефразируя, и, в общем, придерживаясь его курса. Я отклонялась временами ради собственных творческих отступлений (иногда это были целые главы: 9-12, 18, 19), прежде чем вновь вернуться на его прямой путь.

Книгой, с которой я работала, было довольно издавшееся в 1933 году John C. Winston Company, принадлежавшее моей бабушке. Там в тексте было много сносок. Не желая отвлекать внимание читателя маленькими цифрами, выглядывающими из абзацев, я тем не менее хочу привести ссылки на изумительные источники, которые вдохновили меня и обогатили мое повествование. Все цитаты из Писания взяты в переводе Юджина Петерсона «*Весть*». Некоторые цитаты из Писания приведены дословно, другие несколько перефразированы.*

Глава 1

Наставление Мирского Мудреца («Иисус не *Путь*, он лишь один из *вариантов...*») взято из прекрасных иллюстраций Кори Хинка в журнале «*Inter Varsity*» (август 1994 г.). Мудрые изречения со щитов Конфуция и Ганди взяты из «*All men seek God*» (Hallmark editions, 1968), а Вуди Аллена — с обложки журнала «*Тайм*» (31 августа 1992 г.). «Порочное обаяние мирской жизни», один из моих самых любимых образов, взят из эссе Клайва Льюиса «*Время славы*».

Глава 2

Евангелист взял свои поэтические слова о любви и терпимости у Джоша Макдауэлла («*Moody*», март 1997, стр. 36). А стих на его щите взят из Иоанна 8:32.

* Везде, где это возможно, мы придерживались Синодального перевода и современного перевода РБО 2011 года — в зависимости от того, какой вариант был ближе к английскому оригиналу. — *Прим. ред.*

Глава 3

Описывать разговор с Иисусом, сидящим на престоле и вершащим суд — задача, требующая большой осмотрительности. Практически все слова Христа непосредственно, или в слегка перефразированном виде, взяты из Писания: Матфея 3:12, Псалом 49 (перефразировано), Иоанна 18:37. Вариация на тему «Вы познаете истину...», высеченная на дамбе, взята из постмодернистского толкования Майклом Видом слов Иоанна (Иоанна 8:32), написанным на главном здании Техасского университета в Остине («*Veritas Forum*», апрель 1997). Глава 6 Послания к Римлянам помогла мне в описании выхода Криса из источника, расположенного ниже креста, — сцены, намекающей на крещение. Первоначально я не намеревалась идти туда, но Крису, с ног до головы перепачканному после Топи, *необходимо* было помыться, и это породило очистительную символику крещения. Слова ободрения в Свитке Христиана взяты из Иоанна 16:33, 23-24.

Глава 6

Обсуждение «*священного романа*» за столом Чертога Великолепии соответствует не только обстановке, но и потребности Христиана проанализировать движущие мотивы его остановки в поисках приключений в Пирамидах Приятного Убежища. Джон Эдридж любезно позволил мне воспользоваться идеями и формулировками из книги, написанной им в соавторстве с покойным Brentom Кертисом (Thomas Nelson, 1997, имеется русский перевод: Шандал, 2004), которые оказали огромное влияние на мой собственный роман с Возлюбленным моей души.

Глава 7

Спускаясь в долину Уничужения, Христиан находит в Свитке ободряющие слова из Псалмов 17:2-3 и 60:3-6. Замечания Христиана относительно *разбитых мечтаний* в ходе словесной битвы с Аполионом повторяют мысли Ларри Крабба, высказанные в его книге «*Shattered dreams*» (WaterBrook Press, 2001). Идея, лежащая в основе слов Свитка о

прощении, взята из Псалма 102. Противостоять нападкам Аполлиона Христиану позволяет сила слов из 1 Петра 5:8-9 (перифразировано).

Глава 8

Начиная с Эдемского сада и до Откровения, древо жизни служит в Библии перстом, указующим на славу, уготованную нам Богом (Откровение 22:2, перифразировано). «Оставь надежду всяк сюда входящий» — надпись над воротами ада из «Божественной комедии» Данте. Голос в конце произносит перифразированные слова из Псалма 22:4.

Глава 9

Принесение ради процветания в жертву детей в огненных ямах долины сыновей Енномовых — грех, который Бог считает невыносимым (Иеремии 7:31).

Глава 12

Приводимый ДеткойГрейс прекрасный образ жизни как «пылающей розы» взят из стихов Брук Экстелл (www.brookeaxtell.com).

Глава 13

Апологеты говорят нам, что два самых удачных способа донести Благою весть до человека, думающего, что «действительность и истина таковы, какими я их сделаю», — это начать с сотворения мира или с того врожденного чувства хорошего и плохого, честности и справедливости, которым мы все одинаково обладаем. Свидетельство у постели Детки-Грейс взято из Послания к Римлянам, главы 2, 3 и 7. Идея записывать наши собственные суждения и оценивать нас по нашим собственным стандартам навеки отпечаталась в моей памяти при чтении первой из когда-либо прочитанных мною книг Фрэнсиса Шеффера «*Death in the City*» (InterVarsity, 1969, p. 112).

Глава 14

Надпись на памятном знаке взята из описания Ярмарки Суеты самим Буньяном. Когда Христиан читает ее и наблюдает «многие помыслы» вокруг себя, он вспоминает слова из Екклесиаста 7:29 (перефразировано). Свидетельство Фиделя о «Звезде, которую мы не заметили» на вершине усыпанного храмами Акрополя, вторит защите Павлом в Афинах «неведомого Бога» (Деяния 17). На той неделе, когда я писала эту главу, в «Хьюстон Кроникл» действительно была опубликована статья «Любовь не купишь: Удовлетворенность не приходит с богатством» (7 июня, 2001 г.).

Глава 16

Перекрестный допрос ГП пастора Рича взят из интервью Ли Строубела с Рави Захариасом в «*The Case for Faith*» (HarperCollins/Zondervan, 2000, p. 149). В своем последнем слове Фидель провозглашает: «Бог верен, а всякий человек лжив» (Послание к Римлянам 3:4). Отвечая на характерную для постмодернистских и мультикультурных взглядов тревогу за угнетенных, которых делают своими жертвами те, кто наделен властью и силой, он проповедует христоцентричную Благоую весть. Благодарю Энди Крауча за его мысли по данному вопросу, высказанные в журнале «*Христианство сегодня*» (13 ноября 2000, стр. 80).

Глава 17

Большая часть материала этой главы взята непосредственно из бесед с замечательными христианскими консультантами Джоном Эддриджем и Лайтоном Оггом. В своей книге «*Psychology as Religion*» д-р Пол Витц приводит эту едкую инверсию стенаний блудного сына: «Отче, ты согрешил...» (как цитирует в «*BreakPoint*» Чарльз Колсон, комментарий 010601 от 1 июня 2001 г.). Текст Свитка взят из Псалмов 89 и 120. Цитата о надежде и древе жизни взята из Притчей 13:12.

Глава 18

«Каждое утро я забываю...» это подражание книге «Путь желаний» Джона Эддриджа (Шандал, 2002, стр. 199). Самое большое празднество нашего «Века Иронии» это, наверно, фестиваль «Горящего Человека», который ежегодно проводится в Неваде. В атмосфере оккультизма и гораздо большей концентрации богохульства и секса, чем я здесь описала, «техноязычники» демонстрируют крайности постмодернистских возможностей. Для Лагеря Кочевников я использовала описания этого фестиваля в прессе, добавив собственное видение крайнего проявления стиля жизни «все, что угодно». Надпись на Стоянке Внимания реальна, как и упоминание о «незаживающей ране». Сцена встречи Христиана с Байми навеяна описанием Соломоном искусительницы в Притчах 7.

Глава 19

Образы стихов Грейси «Иисус из Назарета» и «Из хаоса может возникнуть мироздание» были созданы Брук Экстелл (www.brookeaxtell.com) и использованы с ее разрешения. В сцене обучения новообращенных вижу и Аквилу и его жену Приску передающими ясное, необычайно вдохновляющее видение Спасителя, приведенное Джоном Пайпером в книге «*Seeking and Savoring Jesus Christ*» (Crossway Books, 2001). Вопрос нашего времени: «Что же вы будете делать после всего этого?» — это вопрос Господа Бога неверному Израилю в Иеремии 5:31. Намерения «дать вам будущность и надежду» взяты из Иеремии 29:11. «Если же и не будет того»: принцип Седраха, Мисаха и Авденаго, согласно которому Христиан уверен, что Бог *может* спасти, но, независимо от того, сделает Он это, или нет, Христиан не будет служить и поклоняться никому другому (Даниил 3:17-18). В Числах 21 медный змей вознесен как прообраз Христа. Здесь же змей, обвивающийся вокруг пылающего человека, является полнейшей противоположностью Христу. Перед Кочевниками стоит ясный выбор: славить сознательно лишенный смысла образ человека, уничтожаемого пламенем, или почитать крест, наиболее значимый образ в этом мире, дающий вечную жизнь (Иоанна 3:14-16).

Глава 20

«Сбросить все, начать бег ...» Образы облака свидетелей, наблюдающих за гонкой, из Послания к Евреям 12 и спортсмена, напряженно тренирующегося, чтобы завоевать золото, из Первого послания Коринфянам 9 подготавливают Христиана к прохождению последнего этапа пути перед Небесным Градом. Приветствие Христа на финише взято из Откровения 3:4-5. Животные призывают собравшихся людей (Псалом 65:1-2, 8) славить Бога и небеса, землю и море (Псалом 95:11, перефразировано). С трибун льются слова темы Спасителя, в которых есть перефразированные строки из Псалма 65:8-11. Над воротами Небесного Града написаны слова из Откровения 22:14, а призыв созданий перед престолом: «Свят, свят, свят», — взят из Откровения 4:8.

Релігійне видання

Лаель Аррінгтон
Подорож пілігрима сьогодні

Переклад: *Сергій Пальцун*

Редагування: *Ігор Котенко та Олексій Єфетов*

Підготовка до друку: *Олексій Єфетов*

Підписано до друку з готових діапозитивів 27.04.2012.

Формат 60х90/16. Папір книжковий. Друк офсетний.

Наклад 5000 прим. Умовн. друк. арк 20,3.

Замовлення № 0412

Видавець ФОП Єфетов О.В., м. Київ

Тел. (044) 599-1929

www.nard.com.ua

E-mail: nard@nard.com.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 1700 від 24.02.2004 р.

Друк: ФОП Поліщук О.В., м. Київ

тел. (044) 592-1349

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК №2142 від 31.03.2005 р.